

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 2 (50)

Нижний Новгород

2020

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

Вестник Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 2 (50). – Н. Новгород:
НГЛУ, 2020. – 149 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
Ж.В. Никонова

Редакционная коллегия:

А.В. Иванов (*зам. главного редактора*), А.Ю. Курмелев (*отв. секретарь*),
М.А. Ариян, О.В. Байкова (Киров), К.Э. Безукладников (Пермь),
М.К. Бронич, М.А. Викулина, Н.К. Гарбовский (Москва), Н.А. Голубева,
М.А. Грачев, Б.А. Жигалев, В.И. Карасик (Волгоград), С.Б. Королева,
Л.П. Крысин (Москва), И.В. Леушина, Н.В. Макшанцева,
М.И. Никола (Москва), О.А. Обдалова (Томск), О.Г. Оберемко,
Е.Р. Поршнева, Л.В. Рацибурская, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников,
Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 2 (50)

Nizhny Novgorod

2020

LUNN Bulletin. Issue 2 (50). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2020. – 149 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), A. Kurmelev (*Executive Secretary*),
M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich,
M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev,
V. Karasik (Volgograd), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina,
N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko,
E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- И. В. Вашунина, А. А. Нистратов, Е. Ф. Тарасов (Москва)**
Некоторые корреляции образов языкового и неязыкового сознания 9
- П. И. Костомаров, Ю. В. Кобенко (Томск)**
Анализ языковой ситуации в местах компактного проживания российских немцев в Молчановском районе Томской области 27
- Л. А. Нефедова, Е. С. Сотникова (Челябинск)**
Лингвокультурные особенности русскоязычного дискурса социальной рекламы о безопасности дорожного движения 40
- Т. Н. Синеокова (Нижний Новгород)**
Актуальные аспекты исследования речевых затруднений: научный обзор проблематики Международного семинара *DiSS 19* (Будапешт) 56
- В. А. Тырыгина (Нижний Новгород)**
«Другой» в жанре ‘*Letter to the Editor*’ 75
- К. Чусуван, А. В. Иванов (Нижний Новгород)**
К проблеме определения и классификации префиксов и префиксоидов существительных в разноструктурных языках (на примере русского, немецкого и тайского языков) 91

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- И. Б. Архангельская (Нижний Новгород)**
Тема войны в рассказах Амброза Бирса «Что я видел при Шайло» и «Убит под Ресакой» 111

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

С. Г. Лесик, Т. И. Полищук (*Калуга*)

К вопросу о компетентностном подходе в обучении
латинскому языку 122

РЕЦЕНЗИИ

**О. С. Александрова, Т. Н. Федуленкова, А. А. Савина,
А. Д. Скотникова** (*Владимир*)

Лингвистические заметки: кейс-стадис как вариант речевого
воздействия религиозного текста. Рецензия на монографию:
Религия как политические и политологические проекты
(религиоведческий анализ): коллектив. моногр. / под ред.
Е. И. Аринина. Владимир: Аркаим, 2019. 328 с. 136

ХРОНИКИ

Международная научная конференция «Социальные варианты
языка — XI» 146

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- I. V. Vashunina, A. A. Nistratov, E. F. Tarasov** (*Moscow*)
Some Correlations of Images of Language and Non-Language
Consciousness 9
- P. I. Kostomarov, Yu. V. Kobenko** (*Tomsk*)
The Language Situation in the Russian German Ethnic Community
of Molchanovo District, Tomsk Region 27
- L. A. Nefedova, E. S. Sotnikova** (*Chelyabinsk*)
Linguistic and Cultural Features of the Russian Public Service
Advertising Discourse on Road Safety 40
- T. N. Sineokova** (*Nizhny Novgorod*)
Current Aspects of Speech Disfluency Research: Scientific Review
of the International Workshop DiSS 19 (Budapest) Issues 56
- V. A. Tyryguina** (*Nizhny Novgorod*)
“Other” in the Genre ‘*Letter to the Editor*’ 75
- K. Chusuwan, A. V. Ivanov** (*Nizhny Novgorod*)
Determining and Establishing A General Classification of Prefixes
and Prefixoids for Nouns in Multistructural Languages (A Case
Study of Russian, German, and Thai Languages) 91

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- I. B. Arkhangelskaya** (*Nizhny Novgorod*)
War in the Short Stories by Ambrose Bierce “*What I Saw of
Shiloh*” and “*Killed at Resaca*” 111

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

S. G. Lesik, T. I. Polishchuk (*Kaluga*)
On Using the Competence Approach in Teaching Latin 122

REVIEWS

O. S. Aleksandrova, T. N. Fedulenkova, A. A. Savina, A. D. Skotnikova (*Vladimir*)
Linguistic Notes: Case Studies as a Means of Persuasion in Religious Texts. A review of the collective monograph “Religion as Political and Political Science Projects (a religious studies analysis).” E.I. Arinina (ed.). Arkaim Publishers, Vladimir, 2019. 328 p. 136

CHRONICLE

International Research Conference “Social Dialects – XI” 146

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81'23:81'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-9-26

НЕКОТОРЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ ОБРАЗОВ ЯЗЫКОВОГО И НЕЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

И. В. Вашунина¹, А. А. Нистратов², Е. Ф. Тарасов³

¹Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития РФ, Москва, Россия

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

³Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

Статья основана на интерпретации результатов двух серий экспериментов, проведенных с целью выявления особенностей восприятия креолизованных (иллюстрированных) текстов. Материал исследования – креолизованные тексты, составленные из вербальных текстов разных стилей и различных по манере исполнения (реалистическая – нереалистическая) и цветовой гамме (черно-белая, естественная, минорная и мажорная) иллюстраций. Исследование проводилось с применением метода семантического дифференциала. В статье рассматриваются закономерности соотношения вербальных номинаций и визуальных характеристик (на примере 10 шкал: холодный – теплый, темный – светлый, бледный – яркий, противный – приятный, тревожный – спокойный, простой – сложный, тяжелый – легкий, обычный/обыкновенный – необычный/необыкновенный, твердый/жесткий – мягкий, слабый – сильный). Оценки по шкалам соотносимы с визуальными параметрами: реалистичность изображения, нетривиальность изображения, (не)соответствие цветовой гаммы изображения содержанию вербального текста и изображения, наличие содержания/формы изображения, вызывающих неприязнь, наличие угловатых/округлых геометрических форм, многокомпонентность, контрастность изображения, использование черно-белой, минорной, мажорной цветовой гаммы, светлота тона, яркость изображения. Воздействие разных визуальных параметров изображения в различной степени связано с характеристиками вербального текста. Существуют визуальные параметры, которые воздействуют в зависимости от характеристик вербального текста, и параметры, которые воздействуют в некоторой степени автономно, то есть не зависят от характеристик вербального текста (и соответственно, имеют большой прагматический потенциал, позволяя управлять восприятием любых текстов). На экспериментальном материале обнаружено систематическое соотношение вербальных и визуальных характеристик. По результатам анализа полученных данных выявлено четыре механизма соотношения визуальных параметров со значением вербальных единиц: импрессивный, экспрессивный, конструктивный / когнитивный (интеллектуальный и символический) и собственно интерсемиотический. В основе оценки по конкретной шкале могут лежать

разные механизмы. Переключение между механизмами отражает актуализацию разных компонентов содержания образа сознания, стоящего за вербальной единицей – именем шкалы. В статье ставится дискуссионный вопрос: могут ли все корреляции визуальных параметров изображения считаться содержательной стороной вербальных знаков? Ответ на него позволит точнее определить границы области языкового сознания.

Ключевые слова: креолизованный текст; экспериментальное исследование; метод семантического дифференциала; языковое сознание; прагматика.

Some Correlations of Images of Language and Non-Language Consciousness

Irina V. Vashunina¹, Alexandr A. Nistratov², Evgeniy F. Tarasov³

¹All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Moscow State University, Moscow, Russia

³Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article is based on the interpretation of the results of two series of experiments conducted in order to obtain a more precise understanding of how creolized (illustrated) texts are perceived. The authors studied creolized texts made up of verbal texts of different styles and different manner of execution (realistic – unrealistic) and color scheme (black-and-white, natural, minor and major) illustrations. The research was done using the semantic differential method. The article considers the regularities of the ratio of verbal nominations and visual characteristics (for example, 10 scales: cold – warm, dark – light, pale – bright, unpleasant – pleasant, disturbing – calm, simple – complex, heavy – light, ordinary/usual – extraordinary/unusual, solid/hard – soft, weak – strong). Assessment scales correlate with optical parameters: realism of the image, non-triviality of the image; (non)compliance of the color range of the image with the content of the verbal text and the image; presence in the image of content and/or form that provokes hostility; presence of angular/rounded geometric shapes; presence of multiple components; presence of contrasts; usage of the black and white, minor or major color range; lightness and/or brightness of the image. The impact of different visual parameters of the image relates to the characteristics of the verbal text to varying degrees. There are visual parameters that affect the reader depending on the characteristics of the verbal text, and parameters that affect her to some extent autonomously, i.e. do not depend on the characteristics of the verbal text (and, accordingly, have a great pragmatic potential, allowing one to control the perception of any texts). The authors discovered a systematic correlation of verbal and visual characteristics and identified four mechanisms for correlating visual parameters with the meaning of verbal units: impressive, expressive, constructive/cognitive (intellectual and symbolic), and intersemiotic proper. Evaluations on a particular scale may be based on different mechanisms. Switching between mechanisms reflects the actualization of different components of the content of the image of consciousness behind the verbal unit: the name of the scale. The article raises a debatable issue as to whether all correlations of visual image parameters can be considered as the content side of verbal signs. The answer will allow us to determine the boundaries of the area of language consciousness more accurately.

Key words: creolized text; experimental research; method of semantic differential; language consciousness; pragmatics.

1. Введение

Возрастающий интерес ученых к креолизованным текстам объясняется тем, что креолизация становится господствующим способом представления информации: сейчас сложно найти неиллюстрированное издание, рассчитанное на массового потребителя. Креолизованный текст (КТ) является не простым сочетанием конститuentов разных модальностей восприятия (например, вербальной и визуальной / звуковой), а именно синтезом составляющих. Протекание процессов свободного восприятия в рамках КТ вербального текста и изображения невозможно, потому что каждая из составляющих воспринимается, находясь под влиянием другой составляющей (Сонин 2005: 91). В этом заключается суть креолизации. Однако исследователи оставляют без внимания вопрос о том, за счет чего происходит креолизация, как функционируют ее механизмы.

Целью настоящего исследования является установление системного соотношения между вербальными единицами и визуальными параметрами изображения.

Мы исходим из следующих теоретических положений.

Во-первых, любое изображение, сочетающееся с вербальным текстом, мы считаем иллюстрацией, независимо от того, как содержание изображения соотносится с содержанием вербального текста. Это утверждение означает, что между контактно расположенными текстом и изображением в любом случае устанавливается смысловая связь (Головина 1986), то есть этот комплекс является КТ.

Во-вторых, в рамках КТ сочетаются содержание и форма его конститuentов. Можно выделить отдельные характеристики содержательной стороны вербального текста и изображения (объект, сюжет), а также формальной стороны текста (стиль, образность и т. д.) и изображения (стиль и манера исполнения, расположение объектов на пространстве картины, использование определенных геометрических форм и цветов).

В-третьих, можно определить содержание визуальных параметров изображения. Существует большое количество работ, посвященных семантике геометрической формы и цвета (Гете 2012; Иттен 2000; Пастуро 2015; 2018; Петренко 1997; Яньшин 2001 и др.). Здесь приведем только данные, связанные с нашим материалом.

Разные геометрические формы по-разному воспринимаются реципиентами. Округлые фигуры ощущаются как спокойные и мягкие, угловатые, особенно острые — как опасные и тревожные (Артемьева 1980). Высокая контрастность изображения, обилие черного цвета, наличие массивных геометрических форм (особенно в верхней части изображения) создают ощущение силы (Артемьева 1980; Осгуд 1972; Шапиро 1972; Frutiger 1978). Хорошо известно деление цветов на теплые и холодные. Мы назвали эти цветовые гаммы мажорной (основа — красный / оранжевый / желтый) и минорной (основа синий / зеленый). Цвета оказывают физиологическое воздействие на человека: цвета мажорной гаммы возбуждают, стимулируют, согревают, а цвета минорной гаммы успокаивают и замедляют процессы в организме человека (Арнхейм 1974; Юиг 1996; Riedel 1999). Н. Н. Волков вводит понятие «обогащенное чувство цвета», когда в восприятии человека цветовой тон обрастает несобственными качествами, «превращающими непрерывный ряд в совокупность двух противоположных качеств, в источник образного противопоставления» (Волков 1984: 111—113). В. Ф. Петренко описал реализацию оценочной оппозиции путем противопоставления визуальных характеристик «темный» (отрицательная оценка) — «светлый» (положительная оценка) (Петренко 1997: 134)

Гипотеза исследования: воздействие визуальных параметров изображения в различной степени связано с характеристиками вербального текста. Существуют визуальные параметры, которые воздействуют в зависимости от характеристик вербального текста (его содержания, стиля), и параметры, которые воздействуют в некоторой степени автономно, то есть не зависят от характеристик вербального текста.

И хотя креолизованный текст является синтетическим феноменом, можно выявить разные виды креолизации. Если характеристики вербального текста влияют на воздействие визуальных параметров изображения, то креолизация текста в этом аспекте обоюдонаправленная (изображение влияет на текст, и текст влияет на изображение). Если же воздействие визуальных параметров не зависит от характеристик вербального текста, то можно говорить об однонаправленной креолизации (изображение влияет на восприятие текста). С практической точки зрения второй случай

наиболее интересен, потому что выявление автономно функционирующих визуальных параметров позволит создавать тексты с определенным воздействующим потенциалом. Прагматику обобюдонаправленной креолизации прогнозировать сложнее, потому что в этом случае воздействие зависит от определенного сочетания параметров вербальной и иконической части.

2. Характеристика материала и методов исследования

Представленные в работе выводы и гипотезы базируются на результатах нескольких серий экспериментов. Первая серия была проведена в 2003—2004 годах. Ее результаты опубликованы. Вторая серия прошла в 2018—2019 годах. Результаты опубликованы частично.

Материалы первой серии экспериментов — 30 КТ с различными вербальными и визуальными составляющими. Научно-популярные, художественные прозаические и стихотворные вербальные тексты были подобраны по двум темам — «Урал» и «змея» (всего шесть текстов). Для каждого из этих текстов создано по пять иллюстраций: две реалистические (графическая и живописная) и три фантастические (графические, окрашенные в цвета минорной гаммы и в цвета мажорной гаммы). Базой этих иллюстраций являлись два рисунка — реалистический и фантастический, — которые окрашивались в разные цвета или не окрашивались. Это позволило провести исследование воздействия цветовой гаммы на восприятие КТ. Отношения между содержанием вербальной и иконической составляющих были различные: от частичного перекрещивания (значительное перекрещивание невозможно ввиду довольно большого объема текстов — страница А4) до противоположности (например, когда описание сурового Урала или нападения змеи на мальчика сочеталось с мажорными иллюстрациями в составе КТ).

В ходе второй серии экспериментов использовались четыре КТ. В их основе лежат четыре изображения: супрематическая композиция К. Малевича и фотография улицы в естественном освещении, окрашенная в цвета минорной гаммы (в основном оттенки синего) и в цвета мажорной гаммы (оранжево-розовые). Вербальные тексты (небольшого объема: 50—60 слов) были составлены из данных группой испытуемых описаний этих изображений (то есть, содержание вербальной части находилось в отношениях максимально возможного перекрещивания с содержанием изображения).

Таким образом, материалом исследования являлись КТ различного объема, с разными вербальными и иконическими составляющими. Выявление закономерностей на таком материале должно подтвердить достоверность результатов.

Исследование проводилось с использованием метода семантического дифференциала (Нистратов, Тарасов 2017; Харман 1972; Carroll 1959; Osgood 1957, 1959, 1962, 1988). Шкалы, по которым предлагалось оценивать текст, являлись результатом отбора (по критерию частотности) из описаний и характеристик, которые давали текстам испытуемые. Поскольку материал двух серий экспериментов был различным, в описаниях текстов встречались разные характеристики и, соответственно, на их базе были созданы разные шкалы семантического дифференциала.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В первой серии экспериментов оценивание производилось по 50 шкалам, во второй — по 34. В обеих сериях экспериментов совпали 10 шкал. Это шкалы «холодный — теплый», «темный — светлый», «бледный — яркий», «противный — приятный», «тревожный — спокойный», «простой — сложный», «тяжелый — легкий», «твердый / жесткий — мягкий», «слабый — сильный», «обычный / обыкновенный — необычный / необыкновенный». При анализе результатов экспериментов были выявлены корреляции между вербально номинированными качествами и визуальными параметрами изображения.

Рассмотрим оценку по каждой шкале отдельно.

Шкала *холодный — теплый*. В основе оценки по этой шкале лежат два параметра: физиологическое воздействие цвета и содержание изображения. Действие параметра «Физиологическое воздействие цвета» основано на делении цветов на теплые и холодные. КТ с иллюстрациями, окрашенными в цвета мажорной гаммы, считаются более теплыми — это подтверждают результаты двух серий экспериментов. Как более холодные в первой серии экспериментов оцениваются КТ с изображениями в черно-белой цветовой гамме, а во второй – КТ с изображениями в минорной гамме (во второй серии графических иллюстраций не было). Оценки КТ с реалистически окрашенной иллюстрацией находятся посередине.

Действие параметра «Содержание изображения»: как холодные характеризуются тексты с изображениями, воспринимаемыми

отстраненно, без эмоций (во второй серии экспериментов это КТ с картиной К. Малевича). Холодными ощущаются также КТ с изображениями, ассоциирующимися с холодом (КТ с реалистическими иллюстрациями к тексту Урал, на которых изображена природа этого края; КТ группы Змея, где бледные цвета как бы усиливают ощущение холода от змеи).

Шкала *темный — светлый*. Оппозиция может быть представлена наглядно: визуально более светлые изображения и оцениваются как более светлые.

Шкала *бледный — яркий*. Оппозиция может быть представлена наглядно: КТ с более яркими изображениями получают более высокие оценки. Результаты всех серий экспериментов показывают, что КТ с изображениями в мажорной цветовой гамме оцениваются несколько выше, чем КТ с изображениями в минорной гамме и реалистическими иллюстрациями. Низко оцениваются КТ с черно-белыми иллюстрациями (в первой серии экспериментов).

Шкала *противный — приятный*. В первой серии экспериментов было обнаружено несколько параметров, определяющих оценку по этой шкале. Не все данные удалось подтвердить в ходе более поздних экспериментов, потому что соотношение параметров вербальной и визуальной части было несколько иное. Ранее было установлено, что использование темных, мрачных тонов понижает оценку (минимальные оценки часто получают КТ с черно-белыми иллюстрациями, на которых много черного («неприятного») цвета). В экспериментах второй серии не было графических изображений, однако на картине К. Малевича смысловой доминантой является большой черный прямоугольник, и КТ с этим изображением оценивается ниже всех остальных.

Часть минимальных оценок экспериментов первой серии объясняется несоответствием цветовой гаммы содержанию вербального текста и изображения. Во второй серии экспериментов сложно установить степень соответствия цветовой гаммы содержанию вербального текста и изображения, потому что и мажорная и минорная цветовые гаммы несколько неестественны для изображения улицы. При этом мажорная цветовая гамма может рассматриваться как утренний свет, а минорная — как вечерний.

При обработке результатов первой серии экспериментов был выявлен параметр «Содержание и / или форма изображения,

вызывающие неприязнь» (он касается текстов и изображений со змеей), который объясняет 30 % минимальных оценок. Во второй серии экспериментов под действие этого параметра условно попадает КТ с картиной К. Малевича.

Максимальные оценки могут быть обусловлены реалистичностью изображения и (по результатам первой серии экспериментов) использованием цветовой гаммы, соответствующей содержанию вербального текста и изображения. К максимальной оценке (по результатам первой части экспериментов) в некоторых случаях приводит также нетривиальность изображения.

Шкала *тревожный — спокойный*. Результаты двух серий экспериментов показывают, что восприятие КТ как спокойного часто связано с реалистичностью изображения, а также с использованием синего цвета (высокие оценки получают иллюстрации в минорной цветовой гамме). Во второй серии экспериментов целенаправленно не варьировались геометрические формы изображений (изображение улицы с разными формами и композиция К. Малевича с угловатыми формами четырехугольников, то есть нет изображений с округлыми геометрическими формами). Поэтому получено подтверждение влияния только угловатых резких форм – они понижают оценку КТ в сторону тревожного. По материалам первой серии экспериментов было выявлено влияние округлых геометрических форм на оценку КТ как более спокойного, а также негативное воздействие черно-белой цветовой гаммы.

Шкала *простой — сложный*. Установлено, что сложность связана с многокомпонентностью и контрастностью изображения. Чем больше контрастно окрашенных объектов на иллюстрации, тем более сложным ощущается КТ. При этом важны оба параметра — и многокомпонентность, и контрастность. При слабой контрастности наличие большого количества объектов не так сильно воздействует на реципиента. В первой серии экспериментов было выявлено воздействие мажорной цветовой гаммы, повышающей оценку сложности. Во второй серии предполагается воздействие реалистичности изображения, что делает его более простым (для понимания). Два последних утверждения не получили обоснования в другой серии экспериментов.

Шкала *тяжелый — легкий*. Результаты двух серий экспериментов показывают, что оценка по этой шкале связана со

светлотой тона. Более светлые изображения воспринимаются как более легкие. Ощущение тяжести связано с массивными формами и насыщенными цветами. В первой серии экспериментов было установлено, что как более тяжелые ощущаются округлые формы (подтвердить это во второй части экспериментов не удалось в связи с отсутствием сходного визуального материала).

Шкала *обычный (обыкновенный) — необычный*. Как более обычные оцениваются КТ с реалистическими иллюстрациями, а как необычные — КТ с нетривиальными изображениями. Визуальный материал разных серий экспериментов был различный, но тенденция вполне очевидна. Хотя наличие «необычности» определяется «на глаз», наиболее общим критерием может быть нереалистичность изображения.

Шкала *твердый / жесткий — мягкий*. Наличие в изображении резких угловатых форм ведет к оценке КТ как более твердого / жесткого. В первой серии экспериментов было установлено, что округлые формы придают ощущение мягкости, во второй серии экспериментов проверить эту гипотезу не удалось в связи с отсутствием визуального материала.

Как мягкие (по результатам двух серий экспериментов) часто оценивались КТ с реалистическими иллюстрациями. По результатам первой серии экспериментов мы предположили, что «мягкость» касается свойств реалистично изображенных объектов (и при переходе к нереалистическим изображениям этот эффект ослабевает). Во второй серии экспериментов на изображениях не было объектов, которые могли бы вызвать ощущение мягкости, и все же КТ с реалистической иллюстрацией получил оценку как наиболее мягкий из всех. Тогда, вероятно, оценка должна базироваться на одном из следующих значений слова «мягкий» (может, и на двух одновременно): 1) приятный при ощущении, не раздражающий; 2) плавный, размеренный (Ожегов 2007). В пользу первого из приведенных значений говорит часто встречающаяся оценка КТ с реалистическим изображением как «приятного». Второе значение соотносимо с определением «мягкие (плавные) цветовые переходы», которые также наблюдаются на реалистических изображениях (потому что краски в действительности несколько более спокойные и нет резких переходов, как на некоторых рисунках).

Шкала *слабый — сильный*. Максимальная оценка по этой шкале объясняется высокой контрастностью изображения, а также использованием яркой мажорной цветовой гаммы. Бледные, низкоконтрастные изображения в составе КТ приводят к его оценке как более слабого. В первой серии экспериментов была обнаружена связь низкой оценки по этой шкале с использованием (бледных) минорных цветов. Во второй части подтвердить это не удалось из-за отсутствия подобного визуального материала.

Полученные данные объединены в две таблицы (см. Табл. 1, 2 в Приложении). Если выявленная закономерность подтверждена по результатам обеих серий экспериментов, то в графе ставится два знака «плюс», если по результатам только одной серии (в другой серии не было возможно проверить закономерность из-за отсутствия соответствующих визуальных параметров изображений), то ставится один знак «плюс».

Таблица 1. Возможность визуализации качеств положительного полюса шкал

	Окрашенный		Светлый	Яркий	Низкоконтрастный	Контрастный	Реалистичный	Соответствие цветовой гаммы содержанию изображения	Округлый	Нетривиальный
	в мажорные тона	в минорные тона								
теплый	++									
светлый			++							
яркий	++			++						
приятный							++	+		
спокойный		(синий) ++					++		+	
простой							+			
легкий			++							
выразительный										
необычный										++
мягкий									+	
сильный	++					++				

Таблица 2. Возможность визуализации качеств отрицательного полюса шкал

	Окрашенный			Содержание изображения	Темный	Бледный	Несоответствие цветовой гаммы содержанию изображения	Резкие угловатые формы	Многокомпонентный	Контрастный	Массивные формы, насыщенные цвета	Округлые формы	Реалистичный
	в минорные тона	черно-белую гамму	в мажорные тона										
холодный	+	+		++									
темный					+								
бледный		+				++							
противный / неприятный				++	++		+						
тревожный		+						++					
сложный			+						++	++			
тяжелый											++	+	
обычный													++
твердый / жесткий								++					
слабый	+	+				++							

Обнаруженное систематическое соотношение вербальных и визуальных характеристик свидетельствует о том, что существуют определенные закономерности. При анализе данных было выявлено четыре механизма соотнесения визуальных параметров со значением вербальных единиц (Вашунина 2018).

Импрессивный механизм основан на психофизиологическом воздействии визуальных (стимулов) параметров на органы чувств человека.

Базой *экспрессивного механизма* является эмоциональное восприятие параметров изображения (часто на основе ассоциаций).

Конструктивный / когнитивный механизм задействован при оценке содержания изображения. По критерию образности оценки (прямая или метафорическая) можно выделить два подвида этого механизма: интеллектуальный и символический. При действии

интеллектуального механизма содержание изображения оценивается логически, в прямом смысле. Действие символического механизма основано на образной оценке содержания текста.

Собственно интерсемиотический механизм действует при прямой вербализации визуальных характеристик.

Обратимся к конкретным шкалам.

Холодный — теплый. Значение слова «холодный»: «имеющий низкую температуру» и «равнодушный, бесстрастный» (Ожегов 2007) (приведены значения, актуальные для нашего исследования). Высокая оценка КТ с мажорными иллюстрациями и низкая оценка КТ с черными и минорными иллюстрациями связана с температурными ощущениями. Именно эти ощущения, соответствующие первому приведенному значению слова «холодный», выступают основой межмодального переноса (*tertium comparationis*). В таких случаях задействован импрессивный механизм.

Это же значение слова актуализуется и при действии экспрессивного механизма (когда как холодные оцениваются КТ с реалистическим изображением природы Урала). На иллюстрациях лето, но восприятие Урала как сурового холодного края приводит к оценке КТ как холодных.

Включение интеллектуального механизма (при оценке КТ с картиной К. Малевича) означает переход к другому образу — «равнодушия» (и, соответственно, ко второму значению слова «холодный»).

В основе оценки по шкале *темный — светлый* лежит собственно интерсемиотический механизм.

Это относится и к шкале *бледный — яркий*. Значение слова «яркий»: 1) дающий сильный свет, сияющий; 2) резкий по чистоте и свежести тона (о цвете, краске) (Ожегов 2007). Второе значение слова коррелирует с высокой оценкой КТ с яркими красочными изображениями. Первое значение объясняет высокую оценку КТ с мажорными иллюстрациями, потому что свет и сияние связаны с оранжевым / желтым цветом.

Тревожный — спокойный. В основе импрессивного механизма оценки по этой шкале лежит успокаивающее воздействие синего цвета.

Экспрессивный механизм задействован при восприятии геометрической формы. Известно, что человек в первую очередь

наделяет воспринимаемые объекты чертами партнера по взаимодействию (Артемьева 1980), поэтому острые угловатые формы воспринимаются как опасные, а округлые как добрые. Опасность вызывает тревогу, а ее отсутствие успокаивает.

Черно-белые изображения первой серии экспериментов менее понятны, чем цветные (на некоторых из них сложнее определить объекты), и это неполное понимание тоже вызывает тревогу. Такой эффект может объясняться комплексным действием когнитивного и экспрессивного механизмов: реципиент конструктивно оценивает стимул как не очень понятный, и это вызывает у него эмоции (беспокойство, тревогу).

Простой — сложный. Реакция на многокомпонентность и контрастность является основой действия импрессивного механизма. Реципиенту навязывается восприятие большого количества (контрастно) представленных элементов, игнорировать которые он не может, так как они выделяются слишком явно. И ему просто сложно охватить все это взглядом.

Когнитивный (интеллектуальный) механизм при оценке КТ с реалистическими изображениями как более простых: в этом случае реципиенты легче устанавливают соотнесенность вербального текста и изображения, легче трактуют изображение.

Тяжелый — легкий. Оценка по этой шкале объясняется действием экспрессивного механизма: наличие «материи» (больших форм, насыщенных цветов) ассоциируется с массой и создает ощущение тяжести. Легкость — это мало цвета, форм, контрастов.

Обычный / обыкновенный — необычный. Оценивание происходит на основе конструктивного / когнитивного механизма. Обычный — это такой, который часто встречается в реальности (реалистический), а необычный — редкий, неожиданный (нетривиальный).

Твердый — мягкий. Оценивание основано на действии экспрессивного механизма (округлые формы вызывают ощущение мягкости, а угловатые — жесткости). Если считать обозначение «мягкие цветовые сочетания» не метафорой, а устоявшимся термином, то при оценке КТ с иллюстрацией с плавными неконтрастными переходами цветов действует собственно интерсемиотический механизм.

Слабый — сильный. Оценивание основано на действии экспрессивного механизма.

В основе оценки по конкретной шкале могут лежать разные механизмы. Переключение между механизмами отражает актуализацию разных компонентов содержания образа в сознании, стоящего за вербальной единицей — именем шкалы.

4. Выводы

Результаты экспериментов показывают, что существует некоторое закономерное соотношение вербальных характеристик и визуальных параметров. Такие корреляции могут рассматриваться семиотически — как связь формы и содержания знака. В наших исследованиях изучается восприятие иллюстрированных текстов, то есть текстов, в которых вербальная часть первична, и для нее создается иллюстрация (в широком смысле, потому что возможны разные варианты отношений между содержанием вербального текста и изображения). Поэтому мы рассматриваем вербальную номинацию как форму, а то, что за ней стоит, — как содержание (то есть, например, визуальный признак «яркость» будет содержанием слова «яркий»). Согласно известному закону обращения планов содержания и выражения (Степанов 1971), знак может рассматриваться с любой стороны. То есть, формой может быть визуальный признак «яркость», а его содержанием вербальная единица «яркий».

В связи с этим встает вопрос о том, могут ли все выявленные корреляции рассматриваться как содержание знака и с одной и с другой стороны. То есть, можем ли мы считать, например, визуальные признаки «массивные формы», «насыщенные цвета», «округлые формы» частью содержания вербального знака «тяжелый»? И, с другой стороны, можно ли определять вербальные единицы «сильный» и «сложный» как компоненты содержания визуального признака «контрастность»?

Ответы на эти вопросы могут быть противоположными в зависимости от самой корреляции. Если в случае корреляции «яркость» как визуальный признак — слово «яркий», ответ однозначно положительный (действует в обе стороны), то при анализе соотношения визуальный признак «резкие угловатые формы» — вербальная единица «тревожный», мы вряд ли ответим утвердительно. Разница заключается в степени осознанности существующей связи. Часть выявленных корреляций мы не осознаем,

однако это не значит, что они не существуют. Их можно сделать видимыми (для исследователя), если поместить в фокус.

И где-то в этой зоне лежит граница между языковым и неязыковым сознанием. Если яркость является феноменом и неязыкового, и языкового сознания, то восприятие угловатых форм как твердых и тревожных относится к области неязыкового сознания. Граница языкового сознания нечеткая. В качестве одного из критериев принадлежности содержания к области языкового сознания предполагается возможность однозначного соотнесения вербальной единицы и визуального параметра (она может быть и односторонней).

В ходе исследования были выявлены визуальные параметры, которые воздействуют в зависимости от характеристик вербального текста (например, реалистичность). Также обнаружены параметры, которые воздействуют автономно и не зависят от характеристик вербального текста (например, контрастность). Таким образом, гипотеза исследования была подтверждена.

Особый интерес (наряду с дальнейшими исследованиями на различном вербальном и визуальном материале) должно представлять изучение таких корреляций в других языках и лингвокультурах (на данный момент сложно сказать, обусловлены ли они чисто лингвистически или лингвокультурно). Обнаружение закономерностей на материале разных языков, с одной стороны, поможет выявить универсальные принципы функционирования языкового сознания в его отношении к неязыковому. С другой стороны, такие исследования должны позволить более точно определить содержание вербальных единиц разных языков, что имеет практическую ценность в процессе обучения иностранному языку.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Список литературы / References

- Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. [Arnheim R. (1974) *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* (Art and Visual Perception). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Артемяева Е. Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Изд-во МГУ, 1980. [Artem'eva Elena YU. (1980) *Psihologiya sub'ektivnoj semantiki* (Psychology of Subjective Semantics). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)].

- Вашунина И. В.* Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. [Vashunina Irina V. *Vzaimodejstvie vizual'nyh i verbal'nyh sostavlyayushchih pri vospriyatii kreolizovannogo teksta* (Interaction of Visual and Verbal Components in the Perception of Creolized Text). Nizhny Novgorod: NGPU. (In Russian)].
- Вашунина И. В., Матвеев М. О., Тарасов Е. Ф.* Влияние качеств креолизованного текста на его смысловое восприятие // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4. С. 34—50. [Vashunina, Irina V., Matveev, Mikhail O., Tarasov, Evgeniy F. (2018) *Vliyanie kachestv kreolizovannogo teksta na ego smyslovoye vospriyatie* (Impact of Creolized Text on Its Significant Perception). *Journal of Psycholinguistics*, 4, 34—50. (In Russian)].
- Волков Н. Н.* Цвет в живописи. М.: Искусство, 1984. [Volkov Nikolaj N. (1984) *Cvet v zhivopisi* (Color in Painting). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Гете И.* Учение о цвете. Теория познания. М.: Либроком, 2012. [Gete I. (2012) *Uchenie o cvete. Teoriya poznaniya* (Theory of Colors). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Головина Л. В.* Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: дис. ... канд. филол. н. М., 1986. [Golovina, Larissa V. (1986) *Vzaimovliyanie ikonicheskikh i verbal'nyh znakov pri smyslovom vospriyatii teksta* (The interaction of iconic and verbal signs in semantic perception of the text): diss. ... kand. filol. n. Moscow, 1986. (In Russian)].
- Иттен И.* Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2000. [Itten Johannes (2000) *Iskusstvo cveta* (Art of Colour). Moscow: D. Aronov. (In Russian)].
- Миронова Л. Н.* Цветоведение. Минск: Вышэйшая школа, 1984. [Mironova Lenina N. (1984) *Cvetovedenie* [(Colour Studies)]. Minsk: Vyshejhshaya shkala. (In Russian)].
- Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф.* Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова // Вопросы психолингвистики. 2017. № 32. С. 124—134. [Nistratov, Aleksandr A., Tarasov, Evgeniy F. (2017) *Psihosemanticheskij ehksperiment kak instrument analiza smysla i znacheniya slova* (Psychosemantic Experiment as a Tool for Analyzing the Meaning and Meaning of a Word). *Journal of Psycholinguistics*, 32, 124—134. (In Russian)].
- Осгуд Ч., Суси Дж., Таннебаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. С. 278—297. [Osgood Ch., Suci D., Tannebaum P. (1972) *Prilozhenie metodiki semanticheskogo differenciala k issledovaniyam po estetike i smezhnym problemam* (Application of the Semantic Differential Methodology to Research on Aesthetics and Related Issues). *Semiotika i iskusstvometriya* (Semiotics and Art Structure). Moscow: Mir, 278—297. (In Russian)].
- Пастуро М.* Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. [Pastoureau Michel. (2019) *Krasnyj. Istoriya cveta* (Red: The History of a Color). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)].
- Пастуро М.* Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2015. [Pastoureau Michel (2015) *Sinij. Istoriya cveta* (Blue: The History of a Color). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)].

- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997. [Petrenko Vladimir F. (1997) *Osnovy psihosemantiki* (Basics of Psychosemantics). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)].
- Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005. [Sonin Aleksandr G. (2005) *Ponimanie polikodovyh tekstov: kognitivnyj aspekt* (Understanding Polycode Texts: The Cognitive Aspect). Moscow: Institut yazykoznanija RAN. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. [Stepanov Yuriy S. (1971) *Semiotika* (Semiotics). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Харман Г. Современный факторный анализ. М.: Статистика, 1972. [Harman G. (1972) *Sovremennyj faktornyj analiz* (Modern Factor Analysis). Moscow: Statistika. (In Russian)].
- Шапиро М. Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средства создания знака-образа // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. С. 136—163. [Shapiro M. (1972) *Nekotorye problemy semiotiki vizual'nogo iskusstva. Prostranstvo izobrazheniya i sredstva sozdaniya znaka-obraza* (Some Problems of Semiotics of Visual Art. Image Space and Means for Creating a Sign-image. *Semiotika i iskusstvometriya* (Semiotics and Art Structure). Moscow: Mir, 1972, 136—163. (In Russian)].
- Юиг Р. Цвет и выражение внутреннего времени в западной живописи // Психология цвета. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. С. 135—180. [Yuig R. (1996) *Cvet i vyrazhenie vnutrennego vremeni v zapadnoj zhivopisi* ([The color and expression of inner time in western painting]). *Psihologiya cveta* [(Psychology of colour)]. Moscow: Refl-buk, Vakler, 135—180. (In Russian)].
- Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. [Yan'shin Pjotr V. (2001) *Vvedenie v psihosemantiku cveta* (Introduction to Psychosemantics of Colour). Samara: Izd-vo SamGPU. (In Russian)?].
- Carroll, John B. (1959) A Review of the Measurement of Meaning. *Language*, Vol. 35, 58—77.
- Frutiger, Adrian. (1978) *Der Mensch und seine Zeichen* (Zeichen erkennen, Zeichen gestalten). Echzell: Horst Heiderhoff Verlag. (In German).
- Osgood, Charles E. (1962) Studies on Generality of affective meaning system. *American Psychologist*, 17, 10—28.
- Osgood, Charles E. (1988) *Psycholinguistics. Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind*. Praeger Publishers.
- Osgood, Charles E., Suci, Gerge J., Tannenbaum, Percy H. (1957) *The Measurement of Meaning*. Urbana: University of Illinois Press.
- Osgood, Charles E. (1959) Semantic space revisited. *Word*, 15, 195—200.
- Riedel, Ingrid. (1999) *Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie*. Stuttgart: Kreuz. (In German).

Словари

- Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* (Russian Dictionary): ok. 53 000 slov / Pod obshch. red. prof. L. I. Skvorcova. 24-e izd., ispr. Moscow: Oniks, Mir i Obrazovanie. (In Russian)].

Сведения об авторах

Вашунина Ирина Владимировна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры романо-германских языков
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития
E-mail: vashunina@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич

старший научный сотрудник
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: a.nistratov@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович

доктор филологических наук, профессор,
заведующий отделом психолингвистики
и сектором общей психолингвистики
Института языкознания РАН
E-mail: eft35@mail.ru

УДК 811.112.2'282.4(571.16)

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-27-39

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В МОЛЧАНОВСКОМ РАЙОНЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

П. И. Костомаров¹, Ю. В. Кобенко²

¹Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия

²Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия

В настоящей статье отражены данные социолингвистического обследования представителей этнического меньшинства Молчановского района Томской области, являющейся со второй половины XX в. местом компактного проживания потомков немецких переселенцев. На основе образцов монологической и диалогической речи, а также использования анкетирования выявлены предметно-тематические области, обладающие коммуникативной значимостью в рамках речевого поведения российских немцев, проживающих на этой территории.

Целью представленной статьи является рассмотрение особенностей функционирования немецкого идиома в речи представителей немецкого этнического меньшинства как экзогlossного компонента языковой ситуации.

В качестве материала исследования используются данные социолингвистического анализа языковой ситуации, проведенного среди жителей Молчановского района в 2017 году. Основными методами исследования являются методы включенного наблюдения, сравнения и интерпретации, устного интервью, а также анкетирования.

Проведенный анализ языковой ситуации в исследуемой местности выявил тенденцию значительного доминирования русского языка над немецким во всех сферах повседневного общения. Так, для 99 % опрошенных российских немцев указанного района характерно использование русского языка, ставшего для респондентов родным (54 %) и служащего основным средством коммуникации в среде информантов. Изоляция представителей немецкого этнического меньшинства от немецкоязычного континуума Германии в условиях длительного проживания в русскоязычном окружении повлияла на повсеместное использование русского языка в устном (72 %) и письменном (63 %) характере общения, а также в трудовой сфере (72 %). Немаловажное значение имеет позиция российских немцев относительно использования русского языка в религиозной сфере при чтении текстов и молитв (45 %), связанного с более чем полувековым пребыванием исследуемых опрошенных в иноконфессиональной (православной) среде.

Языковая ситуация в исследуемом районе характеризуется значительным доминированием русского языка как эндогlossного экспонента в среде российских немцев сибирского региона.

Ключевые слова: инволюция; Томская область; российские немцы; языковая ситуация.

The Language Situation in the Russian German Ethnic Community of Molchanovo District, Tomsk Region

P.I. Kostomarov¹,

Yu.V. Kobenko²

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia¹

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia²

This article presents the analysis of the language situation, done as part of a sociolinguistic study among representatives of the German ethnic minority in the Molchanovo district of Tomsk region which has been a place of concentrated residence of German immigrants since the second half of the 20th century. Using recorded monologic and dialogic speech as well as questionnaire data, the authors identify subject-specific areas that have communicative significance in the speech behavior of Russian Germans in the area. The purpose of this article is to examine the functioning of the German dialect in the speech of representatives of the German ethnic minority from the Molchanovo district of Tomsk region as an exogloss component of the language situation. The study uses data from a sociolinguistic analysis of the language situation conducted on the territory of the Molchanovo district of Tomsk region in 2017. The main research methods are observation, comparison and interpretation, oral interviews, and questionnaires.

The analysis of the language situation in the indicated region has revealed a significant dominance of the Russian language over German in all areas of everyday communication. Thus, 99 % of the Russian Germans surveyed use the Russian language, which has become their native language (54 %) and serves as the main means of communication among the informants. Since, due to its long-term residence in a Russian-speaking environment, the Molchanovo German ethnic minority has been isolated from the German-speaking parent community in Germany, this has brought about a widespread use of Russian in oral (72 %) and written (63 %) speech as well as communication in the workplace (72 %). Of no small importance is the belief of these Russian Germans in the importance of the Russian language for the development of Tomsk region (63 %) as well as the use of Russian in religious practice when reading texts and prayers (45 %), caused by more than fifty years of living in the area dominated by a different religious tradition (Russian Orthodox). Thus the language situation among Russian Germans in the Molchanovo district of Tomsk region is characterized by a significant dominance of the Russian language as its endoglossic exponent.

Key words: involution; Tomsk region; Russian Germans; language situation.

1. Введение

На сегодняшний день изучение языковой ситуации в местах дисперсного проживания (языковых островов) представителей немецкого этнического меньшинства является одной из актуальнейших проблем современного языкознания. Благодаря комплексному социолингвистическому исследованию языковых островов можно, с одной стороны, проследить вехи языковой и

культурной ассимиляции немецких переселенцев с момента их массового проникновения в Россию, а с другой стороны, оценить динамику изменения актуальной языковой ситуации в местах их компактного проживания.

В настоящее время тенденции изучения немецкоязычных страт потомков немецких переселенцев отражены преимущественно в работах западных ученых (Ганс Боас, Клаудия Мария Риль, Клео Альтенхофен). К административно-территориальным формациям с дисперсно проживающими представителями этнических немцев можно отнести страны Северной Америки: США (Техас (Boas 2009), Пенсильвания (Louden 2003), Канзас (Keel 1989)), Канада (Moelleken 1987), Мексика (Göz 1997); Южной Америки: Бразилия (Altenhofen 1996), Перу (Petersen, Fröschle 1979), Чили (Schabus 1994), Аргентина (Ernest 2013), Боливия (Krohn 2008); Африки: Намибия (Wentenschuhm 1995), ЮАР (Harr 2018); Океании: Австралия (Riehl 2014), Новая Зеландия (Wildfeuer 2016), Новая Гвинея (Mühlhäusler 2001), Самоа (Engelberg 2018); Европы: Румыния (Gehl 1998), Италия (Hornung 1994), Венгрия (Knipf-Komlósi 2006) и т. д. Фокус исследователей сосредоточен на изучении явления языковой смерти, описанного в работе известного лингвиста Д. Кристала, рассмотревшего 2 вида указанного феномена: 1) физическую смерть, когда умирает последний носитель, и 2) инволюционную, при которой выбор смещается от собственного языка в пользу использования более престижного (Crystal 2000).

Исследование фактов языковой смерти на примере описания немецких языковых островов, распространенных на территории РФ, представлено в трудах отечественных лингвистов крайне незначительно. Объясняется это прежде всего модными тенденциями немецкой островной диалектологии, направленными на рассмотрение синтаксических особенностей, жанровой специфики, явлений концептов в рамках исследования языковых форм российских немцев. В этом смысле остается, как представляется, совершенно незамеченным главное направление в контексте немецких островных зон, а именно практика преимущественно социолингвистического подхода к описанию подобных явлений (Кобенко 2014). В этом смысле рассмотрение процессов языковой смерти в среде потомков немецких переселенцев Томской области, в которой согласно Всероссийской переписи населения 2010 года проживают 8 687

представителей немецкого этнического меньшинства (3), делает настоящую статью актуальной в русле современных тенденций изучения немецких островов.

2. Материал и методы

Материалом исследования является аудиоархив, содержащий устную монологическую и диалогическую речь представителей российских немцев Молчановского района Томской области, а также анкеты из 20 вопросов, направленных на выяснение историко-демографических сведений о каждом информанте. Анализ языковой ситуации включал методы сбора и обработки полученного материала. Сбор эмпирического материала осуществлялся в ходе устного интервью с представителями немецкого этнического меньшинства, а также анкетирования (Беликов, Крысин 2001), способствующего определению параметров языковой ситуации (качественный, количественный и оценочный) (Виноградов 1990) в местах дисперсного проживания потомков немецких переселенцев. Методы обработки материала направлены на описание и выверку данных статистического характера по инволюции немецкого языка исследуемых респондентов.

3. Результаты исследования

Согласно статистическим данным, численность постоянного населения Молчановского района Томской области составляет 12 133 чел. (5), в число которых входят и российские немцы, депортированные из Поволжья (Саратовская область), с Украины (Запорожская область) в Сибирь. Общее количество респондентов составляет 11 человек (6 женщин и 5 мужчин), родившихся в период с 1927 по 1939 годов рождения.

Необходимо подчеркнуть, что ликвидация Автономии немцев Поволжья (АССРНП) и последовавшее за ней крупномасштабное насильственное перемещение немецкого населения в Сибирь обусловили образование в новых местах поселения депортированного контингента языковой ситуации, характеризующейся повсеместным прогрессирующим влиянием русского языка во всех сферах жизнедеятельности этнических немцев. Одним из доказательств такого рода процессов являются данные проведенного социолингвистического анкетирования, согласно которым наибольшее

распространение на территории Молчановского района имеет русский язык, являющийся основным средством общения для 99 % жителей. Доминирование русского языка вычленяет проблему идентификации родного языка в среде опрошенных. Количественные подсчеты показывают, что для 45 % молчановских немцев родным языком (L1) служит немецкий, являющийся для них языком исторической прародины и родителей. 54 % опрошенных указали русский язык в качестве родного как следствие длительного проживания в русскоязычном окружении, и основным средством общения.

Значительную роль в проведенном социолингвистическом анкетировании представителей немецкого этнического меньшинства играет вопрос о важности языков, как в индивидуальном, так и в региональном контексте (эстимационный параметр). 54 % опрошенных высказались за важность русского языка, выступающего фактически основным инструментом языкового взаимодействия между различными национальностями, проживающими в Молчановском районе. Количественные подсчеты показывают, что выявленное процентное соотношение в пользу русского языка обуславливается фактором длительного проживания на территории Томской области в условиях иноязычного, прежде всего русскоязычного, окружения, где большая часть местного населения во всех сферах (общественной, внутрисемейной, профессиональной) использует русский язык. Другим значимым фактором важности русского языка для этнических немцев является заключение смешанных браков между ссыльными немцами и представителями русской национальности. Кроме того, по их мнению, появление в результате смешанных браков детей, а затем и внуков, активно пользующихся русским языком, однозначно выделяет его значимость для представителей разных поколений немцев Молчановского района. 36 % отметили важность обоих языков — русского и немецкого, пояснив, что немецкий прочно идентифицируется с родным языком, а русский — с языком территории, на которой они проживают, и повсеместно используется детьми и внуками. Лишь 9 % подчеркнули значимость немецкого языка, являющегося языком исторической прародины.

Что касается регионального значения различных языков, то 63 % молчановских немцев высказались за значимость русского языка для развития Томской области. По мнению опрошенных, успешное

развитие в значительной мере будет зависеть от того, насколько увеличится на официальном языке РФ число говорящих местных жителей. 36 % респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос, отметив, что на территории Томской области проживают различные национальности, для которых важность приобретает их собственный национальный язык.

Добавим, что дисперсное проживание депортированного контингента в условиях иноязычного окружения с доминированием русского языка повлияло на изменение религиозных настроений в среде этнических немцев. Проведенный опрос показал, что 45 % опрошенных используют русский язык для религиозных целей. Переход с немецкого на русский язык объясняется, с одной стороны, длительным пребыванием в иноконфессиональном (православном) окружении, где чтение религиозных текстов и молитв осуществляется на русском языке, а с другой стороны, по словам опрошенных, у них нет в наличии Библии на немецком языке. 56 % немцев Молчановского района указали немецкий язык в качестве языка для религиозных целей. Несмотря на отсутствие лютеранских церквей в местах компактного проживания этнических немцев, указанный процент респондентов свидетельствуют о том, что чтение Библии и произнесение молитв на немецком языке для них является единственной возможностью ощутить неразрывную связь с языком родителей и исторической родины.

Следует отметить, что повсеместное распространение русского языка в местах проживания потомков немецких переселенцев не могло не сказаться на трудовой деятельности немцев исследуемого района. Для 18 % респондентов трудовая деятельность характеризовалась использованием как немецкого, так и русского языков ввиду набора в трудовые коллективы как представителей депортированного контингента, использующих немецкий язык, так и местных жителей, говоривших на русском языке. Большая часть опрошенных (72 %) отметили, что использовали русский язык во время трудовой деятельности на промыслах и производствах. 9 % потомков немецких переселенцев затруднились с ответом, пояснив, что в настоящий момент не могут вспомнить, на каком языке происходило общение во время работы.

Немаловажное значение имеют играют полученные в ходе социолингвистического анкетирования данные, отражающие

использование языков в различных сферах общения. Количественные подсчеты показывают, что устная коммуникация 72 % опрошенных респондентов в среде близких и родных характеризуется использованием русского языка, в то время как доля использующих и русский, и немецкий составляет 18 %. Снижение уровня использования немецкого языка и возросшая употребление русского языка объясняется общими тенденциями длительности русификации пространства российских немцев. Интересными представляются данные опроса по характеру письменной коммуникации в среде молчановских немцев. Как показывает социолингвистическое анкетирование, с одной стороны, доминирующую роль в письменном характере взаимодействия между этническими немцами Молчановского района занимает русский язык (63 %), с другой стороны, немногочисленным является зафиксированный процент использования как русского, так и немецкого языков (18 %). 9 % опрошенных затруднились дать ответ на поставленный вопрос, пояснив, что продолжительный период времени не используют письменный характер общения между с близкими и друзьями. Проведенное анкетирование отражает общую картину инволюционных процессов, характерных для использования немецкого языка во внутрисемейной коммуникации, обусловленной мощным давлением русского языка в среде представителей немецкого этнического меньшинства после депортации в Сибирь.

Следует признать, что одной из главных предметно-тематических областей проведенного социолингвистического анкетирования, отражающих особенности языкового взаимодействия ссыльных этнических немцев в первые годы пребывания в Сибири, является депортация. 27 % опрошенных молчановских немцев отметили отсутствие нетерпимости со стороны местного населения по отношению к языку депортированного контингента. Как указывают респонденты, жители сибирского региона с пониманием отнеслись к тяготам и лишениям, выпавшим на долю поволжских немцев, оказавшихся в незнакомой иноязычной среде. Вместе с тем для 36 % респондентов первые годы пребывания в Сибири были омрачены высокой степенью нетерпимости к немецкому языку. Вполне понятно, что последовавшие за началом Великой Отечественной войны кровопролитные бои с немецко-фашистскими захватчиками способствовали нарастанию антигерманских настроений в советском

обществе, поэтому прибывшие на новые места поселения поволжские немцы столкнулись с враждебным настроением со стороны местных жителей в отношении немецкого языка и культуры в целом. Еще 36 % информантов затруднились с ответом на вопрос о проявлении ненависти к немецкому языку, отметив, что не помнят фактов проявления нетерпимости к нему после депортации в Сибирь.

Интересными представляются ответы относительно запрета на использование респондентами немецкого языка после депортации в Сибирь: 27 % немцев положительно ответили на вопрос. По воспоминаниям информантов, запрет касался, с одной стороны, полной изоляции немецкого языка в среде прибывших немцев из Поволжья, а с другой стороны, языкового контактирования с местными русскоязычными детьми, которые не должны были слышать речь на языке государства, развязавшего войну. 36 % немецких переселенцев подтвердили, что не сталкивались с проявлением запрета на использование немецкого языка, отметив, что местные власти понимали, что немецкий язык является основным средством общения в среде потомков немецких переселенцев. Еще 36 % респондентов признались, что в силу плохого здоровья и по прошествии длительного периода времени не могут в должной мере вспомнить о фактах запрета на использование немецкого языка после депортации в Сибирь.

Проведенный социолингвистический опрос показал, что для информантов сохранение национального языка и культуры является в настоящий момент одной из насущных проблем. По мнению опрошенных, существенную роль в этом процессе должны сыграть Российско-немецкие дома, находящиеся в местах компактного проживания российских немцев и служащие связующим звеном между представителями различных возрастных групп этнических немцев. Анкетирование показало, что 54 % представителей немецкого этнического меньшинства положительно оценивают работу Российско-немецкого Дома в Томске, предоставляющего широкий спектр услуг, включающий помимо прочего санаторно-курортное лечение, а также гуманитарную помощь. 45 % опрошенных информантов затруднились с ответом, отметив, что никогда не обращались за помощью в Российско-немецкий Дом. Тем не менее, в целом положительно оценивая деятельность Российско-немецкого Дома, молчановские немцы отмечают его недостаточно эффективную

работу (99 %) по организации языковых курсов для представителей молодого поколения немцев, интересующихся языком и культурой исторической прародины.

Вопрос сохранения немецкого языка и культуры для потомков переселенцев не ограничивается только деятельностью местных Российско-немецких домов. По их мнению, важное место в этом процессе должно принадлежать школьному образованию с возможным введением преподавания для российских немцев предметов на немецком языке. Такую инициативу разделяют 18 % опрошенных, они полагают, что организация учебного процесса на немецком языке создаст благоприятные условия для овладения молодыми представителями этнических немцев Молчановского района этим языком на высоком уровне. Большинство же (81 %) опрошенных в настоящее время не видят предпосылок для внедрения подобной инициативы в уже имеющуюся систему школьного образования. Интересными представляются данные опроса относительно важности изучения различных языков в школе и университете. Результаты анкетирования по данному вопросу выглядят следующим образом: за английский язык — 9 %; английский и немецкий языки — 18 %; немецкий язык — 9 %; русский язык — 45 %; затруднились с ответом — 18 %. Как видно, наблюдается ярко выраженная позиция российских немцев Молчановского района относительно того, что одним из главных языков для изучения должен стать русский язык, служащий основным средством в повседневном общении. Тем не менее, определенный интерес у респондентов вызывает английский язык, ассоциирующийся с языком международного общения, и немецкий язык, являющийся для них языком родителей и исторической прародины.

Следует отметить тот факт, что деятельность организаций по сохранению языка и культуры потомков немецких переселенцев, а также возможность проведения занятий с использованием немецкого языка в образовательных учреждениях для представителей немецкого национального меньшинства поднимают вопрос об обретении особого статуса языка российских немцев. Социолингвистический опрос показал, что 9 % опрошенных положительно отнеслись к подобной инициативе. По их мнению, в России отсутствуют законы, регулирующие положение языков этнических меньшинств,

проживающих на территории России. Реализация закона об особом статусе языка российских немцев создаст благоприятные условия для карьерного роста молодого поколения российских немцев. 90 % опрошенных затруднились дать ответ на поставленный вопрос, подчеркнув, что ввиду ускоренного сокращения говорящих потомков немецких переселенцев данная инициатива вряд ли будет поддержана большинством представителей законодательной власти в России.

Подобное процентное соотношение наблюдается и в вопросе о статусе немецкого языка в Томской области. Для 72 % респондентов оказалось затруднительным дать ответ на поставленный вопрос. 18 % информантов отметили необходимость равного положения немецкого языка и других языков, бытующих в Томской области. 9 % высказались за то, что немецкий язык должен обрести вспомогательный статус вместе с русским языком, тем самым показав языковое многообразие языкового пространства исследуемого сибирского региона.

4. Заключение

Компактное проживание российских немцев в Молчановском районе Томской области характеризуется инволюционной динамикой, заключающейся в доминировании русского языка и, как следствие, изоляция немецкого языка в сферах повседневного общения представителей немецкого этнического меньшинства. Данные процессы способствовали доминированию на территории района русского языка, с одной стороны, ставшего для опрошенных респондентов родным языком вследствие длительного проживания в русскоязычном окружении, а с другой стороны, выступающего для них основным средством общения (99 %) в исследуемом районе Томской области. Кроме того, ускоряющиеся процессы языковой и культурной ассимиляции повлияли на повсеместное использование русского языка в устной (72 %) и письменной (63 %) коммуникациях, а также трудовой сфере (72 %). Выявленная динамика характерна для экстралингвистического уровня в контексте рассмотрения языковой ситуации в указанном районе Томской области. Интралингвистические факторы могут быть выявлены в дальнейшем при длительном наблюдении за речевым поведением исследуемых информантов. Наиболее важной в этом смысле является позиция молчановских немцев в отношении выделения важности русского

языка как эндогlossного компонента языковой ситуации для развития Томской области (63 %), а также активизации деятельности организаций, заинтересованных в сохранении языка и культуры российских немцев (54 %), чей идиом больше не воспринимается как экзогlossный металект, а синхронно функционирует как язык местного населения с индигенным статусом.

Список литературы / References

- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. [Belikov Vladimir I., Krysin L. I. (2001) *Sociolinguvistika: Uchebnik dlya vuzov* (Sociolinguistics: Textbook for universities). Moscow: Russian State University for the Humanities (In Russian)].
- Виноградов В. А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 616—617. [Vinogradov Victor A. (1990) *Yazykovaya situaciya* [Language situation]. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, 616—617. (In Russian)].
- Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] URL http://tmsk.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/ (дата обращения: 24.12.2019). [Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 g. (All-Russian population census 2010). Retrieved from http://tmsk.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/ (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. Российские немцы в Томской области: критика современных лингвистических подходов и исследований // Этнологія: генезіс традиційнага: матэрыяла Міжнароднай навуковай канферэнцыі / рэдкал.: Н. П. Мартысюк (адк. рэд) [і інш.]. – Мінск: Изд-во БНТУ, 2014. С. 75–81. [Kobenko Yuri V. (2014) *Rossijskie nemcy v Tomskoj oblasti: kritika sovremennyh lingvisticheskikh podhodov i issledovanij* (Russian Germans in Tomsk region: Criticism of Modern Linguistic Approaches and Research) *Ethnology: the Genesis of the Tradition*. Minsk: BNTU. 75—81. (In Russian)].
- Оценка численности постоянного населения в муниципальных образованиях Томской области на 1 января 2019 г. [Электронный ресурс] URL http://tmsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/statistics/population/ (дата обращения: 24.12.2019). [Ocenka chislennosti postoyannogo naseleniya v municipal'nyh obrazovaniyah Tomskoj oblasti na 1 yanvary 2019 goda (Estimation of the Number of Resident Population in the Municipalities of Tomsk Region on January 1, 2019). Retrieved from http://tmsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/statistics/population/ (In Russian)].
- Altenhofen, Cleo. (1996) *Hunsrückisch in Rio Grande do Sul: Ein Beitrag zur Beschreibung einer deutschbrasilianischen Dialektvarietät im Kontakt mit dem Portugiesischen*. Stuttgart: Steiner Verlag. (In German).
- Boas, Hans. (2009) *The life and death of Texas German*. Durham, NC: Duke University Press.
- Crystal, David. (2000) *Language death*. – Cambridge: Cambridge University Press.

- Engelberg, Stefan. (2018) Ozeanien. In Albrecht Plewnia & Claudia Maria Riehl (Hgg.) *Handbuch der deutschen Sprachminderheiten in Übersee*. Tübingen: Narr, 33—79. (In German).
- Ernest, Wolfgang. (2013) Deutschsprachige Enklaven in Südamerika: Hunsrückisch in Brasilien und Wallisisch in Argentinien. Zur Sprachinselforschung in Rio Grande do Sul und San Jerónimo Norte. *Zeitschrift für interkulturelle Germanistik*, 4. Jahrgang, Heft 1, 11—28. (In German).
- Göz, Kaufmann. (1997) *Varietätendynamik in Sprachkontaktsituationen: Attitüden und Sprachverhalten rußlanddeutscher Mennoniten in Mexiko und den USA*. Frankfurt am Main, Lang. (In German).
- Gehl, Hans. (1998) Die aktuelle sprachliche Eingliederung der Donauschwaben. Sprachgebrauch-Sprachanpassung. Eine Untersuchung zum heutigen Gebrauch der deutschen Sprache in Westrumänien und zur sprachlichen Anpassung der Donauschwaben. *Materialien des IdGL 11*, Tübingen, 143—151. (In German).
- Harr, Anne-Katharina. (2018) Südafrika. In: Riehl, Claudia & Albrecht Plewnia (eds.) *Handbuch Deutsch in Übersee*. Tübingen: Narr, 82—107. (In German).
- Hornung, Maria. (1994) Die deutschen Sprachinseln in den Südalpen. Mundarten und Volkstum. *Studien zur Dialektologie. Germanistische Linguistik*, III, 124—125. (In German).
- Keel, William. (1989) Deutsche Mundarten in Kansas: Sprachatlas der wolgadeutschen Mundarten. In Werner H. Veith & Wolfgang Putschke. (eds.) *Sprachatlanten des Deutschen: Laufende Projekte*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 387—399. (In German).
- Knipf-Komlósi, Elisabeth. (2006) Sprachliche Muster bei Sprachinselsprechern am Beispiel der Ungarndeutschen. In: Berend, Nina & Knipf-Komlósi, Elisabeth (Hg.) *Sprachinselwelten – The World of Language Islands*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 39—57. (In German).
- Krohn, Claus-Dieter. (2008) *Handbuch der deutschsprachigen Emigration 1933–1945*, Sonderausgabe, 2., unveränderte Auflage, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 174—182. (In German).
- Louden, Mark. (2003) An Eighteenth-Century View of Pennsylvania German and its speakers. In William Keel & Klaus Mattheier. (eds.) *German language varieties worldwide: internal and external perspectives*. Frankfurt/Main: Peter Lang, 69—85.
- Moelleken, Wolfgang. (1987) Die linguistische Heimat der rußlanddeutschen Mennoniten in Kanada und Mexiko. *Niederdeutsches Jahrbuch, Jahrbuch des Veriens für niederdeutsche Sprachforschung*, 110, 89—123. (In German).
- Mühlhäusler, Peter. (2001) Die deutsche Sprache im Pazifik. In: Hiery, Hermann J. (Ed.): *Die deutsche Südsee 1884—1914. Ein Handbuch*. Paderborn: Schöningh, 239—262. (In German).
- Petersen, Georg & Fröschle, Hartmut. (1979) Die Deutschen in Peru. In: Fröschle, Hartmut (Hg) *Die Deutschen in Lateinamerika. Schicksal und Leistung*. Darmstadt, 696—741. (In German).
- Riehl, Claudia. (2014) Sprachverlust und Spracherosion am Beispiel des Barossa-Deutschen (Australien). *Gefährdete Sprachen–Endangered Languages*. München: JournalLIPP, 13—26. (In German).
- Schabus, Wilfried. (1994) Beobachtungen zu Sprachkontakt, Varietätenausgleich, Sprachloyalität und Sprach Wechsel in Pozuzo (Peru) und bei den „Ländlern“ in

- Siebenbürgen. In: Berend & Mattheier (Hg.) *Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig*. Frankfurt M., 221—262. (In German).
- Wentenschuhm, Walter. (1995) *Namibia und seine Deutschen. Geschichte und Gegenwart der deutschen Sprechgruppe im Südwesten Afrikas*. Göttingen, Klaus Hess Verlag. (In German).
- Wildfeuer, Alfred. (2016) Komplexität und Simplifizierungen im Sprachkontakt am Beispiel bairischer Siedlungen in Neuseeland und in den USA. In: Lenz, Alexandra (Hg.) *German Abroad. Perspektiven der Variationslinguistik, Sprachkontakt- und Mehrsprachigkeitsforschung*. Wien, 61—80. (In German).

Сведения об авторах

Костомаров Петр Иванович

кандидат филологических наук, доцент,
доцент Отделения иностранных языков
Школы базовой инженерной подготовки
Национального исследовательского
Томского политехнического университета
E-mail: petrkost@yandex.ru

Кобенко Юрий Викторович

доктор филологических наук, профессор,
профессор отделения иностранных языков
Национального исследовательского
Томского политехнического университета
E-mail: serpentis@list.ru

УДК 81'42:659.1:351.811.122

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-40-55

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ О БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Л. А. Нефедова¹, Е. С. Сотникова²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Дискурс социальной рекламы — это многоуровневый конструкт, главная цель которого — воздействие на реципиента и создание определенного отношения к общественным явлениям. Он представляет подвид рекламного дискурса, однако имеет свои особенности и отличается от дискурса коммерческой рекламы. В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о том, что запугивание на языковом и неязыковом уровне является ключевой особенностью русскоязычного дискурса социальной рекламы о безопасности дорожного движения. Данная гипотеза строится на предшествующих исследованиях, показавших, что стратегия запугивания — одна из основных в дискурсе социальной рекламы в целом и связана с концептом «безопасность».

В данном исследовании рассмотрены основные особенности рекламы о безопасности на дорогах. Данная тематика является наиболее частотной в сфере социальной рекламы из-за большого количества аварий, происходящих на дорогах страны. Авторы выявляют концепты, которые эксплуатируются совместно с концептом «безопасность дорожного движения», и причины их появления в рекламе. Рассматриваются коммуникативные стратегии, встречающиеся в дискурсе социальной рекламы, где стратегия запугивания и стратегия диалога выступают основными в рассматриваемом виде рекламы, однако другие стратегии также находят применение в данном виде социальной рекламы. С точки зрения лингвистики анализируются особенности синтаксиса, пунктуации и лексики. Так, для рекламных сообщений характерна краткость изложения и простота языковых конструкций. На невербальном уровне исследуются особенности оформления текста и изображений, использование цветов и связь текста и изображения. Важной характеристикой текста социальной рекламы является его креолизованность, или разнородность: наличие двух разнородных компонентов, вербального и невербального. Наконец, учитывается культурный компонент социальной рекламы: те основные характерные черты русской культуры, которые отражаются в рекламных сообщениях. В целом социальная реклама — это важный инструмент влияния на общественное мнение, и дальнейшее исследование этого феномена предполагает изучение реакции реципиентов на отдельные компоненты рекламных сообщений и адекватности использования коммуникативных стратегий в связке с рассматриваемыми концептами.

Ключевые слова: дискурс; социальная реклама; коммуникативная стратегия; невербалика; креолизация.

Linguistic and Cultural Features of the Russian Public Service Advertising Discourse on Road Safety

Liliya Nefedova¹

Elizaveta Sotnikova²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Public service advertising discourse is a multilayer construct, whose main aim is to influence the recipient and create a certain opinion about social phenomena. Despite being a subtype of advertising discourse, it has its own peculiarities and differs from the commercial advertising discourse. The hypothesis of the research is the supposition that the key feature of the Russian public service advertising discourse on road safety is intimidation on linguistic and extralinguistic levels. This hypothesis is based on previous research that shows that intimidation strategy is one of the main strategies in this type of discourse and is connected to the 'safety' concept. The article focuses on key features of public service advertising on road safety since this topic remains one of the most wide-spread in Russian public service advertising due to the vast number of accidents on Russian roads. The authors identify the main concepts used together with the concept 'road safety' and examine the reasons of their appearance in public service advertising. They also study speech strategies used in this type of discourse and determine that intimidation strategy and dialogue strategy are the most common for this type of advertising, though other strategies can also be observed. The linguistic side of the research includes a study of typical syntax, punctuation, and word choice and usage. For example, public service advertisements are usually characterized as short, succinct, and easy to understand. On the non-verbal layer, the authors look at typical patterns of text and image organization and design, use of colors, and the connection between the text and the image. An important feature of a public service advertising text is its creolization or heterogeneity: the presence of two heterogeneous components, verbal and non-verbal. Finally, the authors take a look at the cultural component: specific features of the Russian culture which can be observed in advertising. Overall, public service advertising is a crucial tool for influencing public opinion, so further research of this phenomenon implies studying reactions of recipients to separate components of advertisements and the appropriateness and effectiveness of specific speech strategies in connection with given concepts.

Key words: discourse; public advertising; speech strategy; non-verbal component; creolization.

1. Введение

Социальная реклама — это популярный метод создания и распространения идей, взглядов на жизнь, культурных норм, а также изменения всего перечисленного. Форма и содержание социальной рекламы может различаться, но цель остается общей: продвижение отношения к миру в целом или отдельным его аспектам. Социальная реклама представляет собой любопытный материал для исследований как культурной, так и лингвистической составляющей. Культурный компонент позволяет выявить ценности и нормы рассматриваемой

страны, а также познакомиться с проблемами, существующие в данном социуме, и методами их решения. Иными словами, по рекламе «можно судить об идеалах нации» (Васильев 2003: 13). Лингвистический компонент — это те особые языковые конструкции и смыслы, которые используются в связке с тем или иным концептом и используются как средство влияния на аудиторию.

Цель исследования мы видим в выявлении основных лингвокультурных характеристик русскоязычного дискурса социальной рекламы в целом и рекламы, посвященной безопасности дорожного движения, в частности. Данная цель обуславливает необходимость решения следующих задач:

1. Анализ литературы на предмет классификаций дискурсов.
2. Сбор и анализ материала для исследования — русскоязычные рекламные постеры и видео, посвященные безопасности дорожного движения.
3. Выявление основных лингвокультурных черт, характерных для данного слоя рекламного дискурса.

В рамках русскоязычного дискурса социальной рекламы выделяют пять основных стратегий: запугивание, побуждение к действию, диалог, высмеивание и демонстрация очевидного (Сотникова 2017). Согласно авторам исследования, стратегия запугивания является одной из наиболее часто используемых стратегий в русской лингвокультуре. А. Горунович отмечает, что социальная реклама во многих случаях пугает людей больше, чем следует, благодаря использованию преувеличений или излишне откровенной демонстрации проблемы (Горунович 2014).

В связи с этим гипотеза данной части исследования может быть сформулирована так: главной особенностью русскоязычного дискурса социальной рекламы о безопасности дорожного движения является стремление запугать реципиента на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях.

Новизна данного исследования заключается в глубоком и всестороннем анализе дискурса русскоязычной социальной рекламы на предмет лингвистических и культурных особенностей.

Социальную рекламу как феномен исследуют с точки зрения лингвистики, социологии, экономики, маркетинга и др. Основными исследователями выступают Г. Г. Николайшвили (2008), И. М. Татьянченко (2004). Дискурс как более общее направление

рассматривается в работах В. И. Карасика (2000, 2004), а также Т. А. ван Дейка (1988, 1989), Spicer&Fleming (2001), E. Laclau (1993), П. Серию (1999), Л. Филлипс и М. Йоргенсен (2008), Brown&Yule (1983) и др. Речевое воздействие как важный компонент рекламного дискурса рассматривается такими авторами, как О. С. Иссерс (2008), В. Е. Чернявская (2001, 2006), Р. Блакар (1987).

Изучив всё многообразие материалов, можно сделать вывод, что дискурс социальной рекламы — это один из подтипов рекламного дискурса, имеющий свои отличительные особенности, которые строятся на основном отличии социальной рекламы от коммерческой: разнице целей и объекта продвижения. Язык дискурса социальной рекламы — это особая знаковая система, предназначенная для социальной коммуникации. Он упрощен и приближен к разговорному стилю, а также имеет особое оформление, как звуковое, так и графическое; для него характерны особые речевые приемы. Дискурс социальной рекламы реализует свои ценностные основы через многообразие вербальных и невербальных знаков, его текст креолизован, то есть состоит из языкового и неязыкового компонентов, которые дополняют друг друга и зачастую неразделимы (Елина 2011: 10). Прагматическая сторона дискурса социальной рекламы выражается в реализации коммуникативных стратегий и определяет логику и тональность дискурса, а также выбор средств, используемых на языковом и неязыковом уровнях дискурса. Всё это относится к вопросу функционирования знаков и взаимодействия адресата и адресанта (Арутюнова 2001: 389—390).

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для исследования выступили рекламные постеры и видеоролики, пропагандирующие безопасность дорожного движения, на русском языке. Специфика материала определила методы и приемы, использованные в процессе исследования. Лингвокультурологический подход выбран нами как основной, что повлекло за собой использование метода сплошной выборки для отбора и систематизации материала. Также среди методов исследования необходимо упомянуть лингвистическое наблюдение, семиотическую интерпретацию и статистический анализ.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Для России характерным является большой процент государственных учреждений среди адресантов социальной рекламы. Особенно ярко это проявляется в сфере безопасности дорожного движения. Авторами рекламы на эту тему часто выступают администрации городов, департаменты транспорта, госавтоинспекции, ГИБДД и союзы страховщиков. Выделяется также социальный проект «Всё равно?!», проводящий рекламные кампании с 2010 года (Сайт проекта социальной...).

3.1. Концепты

Концепт «безопасность дорожного движения» зачастую реализуется совместно с другими концептами. Наиболее часто встречается связка с концептом «алкоголь» и «дети» / «семья».

Концепт «алкоголь» имеет прямую связь с «безопасностью», поскольку употребление алкогольных напитков напрямую влияет на число аварийных ситуаций на дороге. В последние годы количество аварий в России по причине нетрезвости водителя, согласно статистике, превышает 16 000 случаев и не опускалось ниже этой отметки с 2014 года (Дорожно-транспортная аварийность... 2019).

Концепт «дети» используется в связке с идеей безопасности дорожного движения как дополнительный мотиватор. Как отмечает А. Агрба, в русской культуре сама жизнь не является высшей ценностью, для представителей культуры более характерно жить ради чего-то или кого-то. (Агрба 2018). Президент РФ В. В. Путин также регулярно подчеркивает значимость семьи и детей в жизни граждан России. Такой ход используется и в коммерческой рекламе, когда демонстрируется полная семья минимум с двумя детьми. Однако в социальной рекламе концепт «дети» используется в основном для дополнительного запугивания реципиентов, формируя идею о том, что в аварии может пострадать не только сам водитель, но и его или чужие дети.

3.2. Коммуникативные стратегии

Как уже упоминалось выше, выделяется пять речевых стратегий, которые реализуются в рамках дискурса социальной рекламы. Анализ рекламных материалов в сфере безопасности дорожного движения показал, что стратегия запугивания, как и предположено гипотезой

исследования, является наиболее частотной. Процентное соотношение стратегий представлено на рисунке 1.

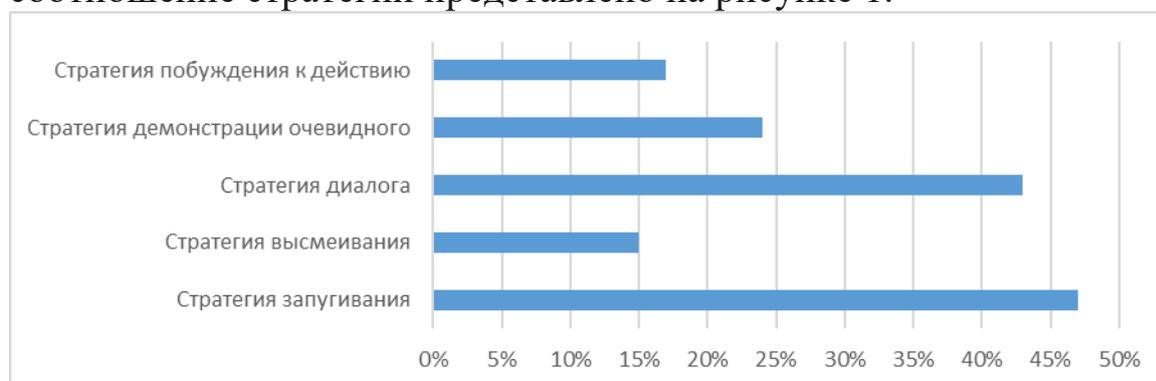

Рис. 1. Частота использования речевых стратегий

Примечательно, что стратегия диалога располагается практически наравне со стратегией запугивания. Комбинация этих двух методов — вербализации и визуализации страхов и обращения непосредственно к реципиенту — усиливает эффект, производимый при использовании стратегии запугивания, поскольку персонализирует обращение.

Рис. 2. Реализация стратегии запугивания и стратегии диалога

На рисунке 2 представлен пример совместной реализации этих стратегий. Запугивание здесь выражается в первую очередь через невербальные средства: реалистичное изображение тела и крови, а содержащееся в тексте обращение усиливает эффект от увиденного.

Стратегия высмеивания встречается в 15 % рекламных материалов. С одной стороны, это плохо сопоставимо с серьезным

концептом «безопасность дорожного движения», который, как правило, предполагает запугивания и наставления. Однако в некоторых рекламных кампаниях именно высмеивание является основной стратегией, либо оно успешно дополняет стратегии запугивания и диалога. Высмеивание позволяет с необычной стороны подойти к серьезной проблеме. Кроме того, стратегия высмеивания используется в рекламных сообщениях, связанных не столько с безопасностью, сколько с вежливостью на дороге.

Рекламная кампания от probok.net наиболее ярко реализовала стратегию высмеивания на вербальном и невербальном уровнях (см. Рис. 3). На визуальном уровне водитель, нарушивший правила движения, сравнивается с бараном, а на уровне языка юмористический эффект создается на нескольких уровнях:

- пунктуация — использование смайликов;
- лексика — слово «молодец» использовано саркастически.

Также в данном примере реализуется стратегия диалога, поскольку осуществляется прямое обращение к реципиенту.

Рис. 3. Социальная реклама *probok.net*

В большинстве случаев стратегия высмеивания использует сарказм. Именно это показывает, что упоминаемая проблема всё же имеет большую значимость, поскольку легкий и нейтральный юмор не привлёк бы должного внимания и не произвел необходимого эффекта. Еще в одной рекламной кампании мотоциклистов называют оленями и призывают сохранить их для последующих поколений:

Рис. 4. Социальная реклама о мотоциклистах

Данный рекламный постер (см. Рис. 4) отражает общественное мнение, сложившееся в России о мотоциклистах. Водители автомобилей в большинстве своем пренебрежительно относятся к мотоциклистам, которые более склонны к опасному вождению, нарушению правил и скоростного режима, объезду пробок. Среди автомобилистов бытуют такие слэнговые обозначения мотоциклистов, как «хрустики», «кегли», «доноры», каждое из которых раскрывает опасность данного вида транспорта в авариях.

3.3. Лингвистические особенности

Дискурс социальной рекламы, как упоминалось выше, использует простой и понятный всем язык, в связи с этим его основной характеристикой являются простые предложения. В случае, если текстовой информации много, она дробится на отдельные фразы аналогично тому, как мы делаем это в разговорной речи:

- (1) *Алкоголь и дорога несовместимы.*
- (2) *Пиши sms — собирай аварии.*
- (3) *Детей трудно не заметить. Если смотреть.*

Еще одной особенностью является частое использование односоставных повелительных конструкций:

- (4) *Сбавь скорость перед зеброй!*
- (5) *Не пишите СМС за рулем автомобиля.*
- (6) *1 секунда и вся жизнь впереди. Пристегнитесь!*

Поскольку основная цель данного вида социальной рекламы — предупредить, а иногда и заставить вести себя определенным образом, именно императивы позволяют сделать это кратко, ёмко и

убедительно. Кроме того, они помогают в реализации речевой стратегии диалога.

На лексическом уровне в данном виде рекламы часто встречаются «страшные» слова — слова с негативным значением, призванные усилить производимый рекламой эффект. В основном это существительные, которые обозначают негативные идеи и явления или имеют негативную коннотацию. Тактика употребления пугающих слов — одна из реализуемых в рамках стратегии запугивания (Сотникова 2016).

(7) *80 гостей на поминках.*

(8) *Последнее острое ощущение.*

(9) *До дома 60 км/ч. До морга 160 км/ч.*

(10) *Лёва не спасёт. Ребёнок в машине должен быть в автокресле.*

Пунктуация в текстах социальной рекламы — явление ситуативное. В большинстве рассмотренных нами примеров не используются точки в конце предложений. Это напоминает современный интернет-дискурс, где фразы часто остаются без финальной пунктуации либо закрываются смайликами или эмодзи. Однако иногда точки используются, как и в интернет-дискурсе, для придания сообщению серьезности. Гораздо чаще встречаются восклицательные знаки, которые несут в себе большую эмоциональность и привлекают внимание. Отсутствие точек также связано с особенностями визуального оформления рекламы: фразы выглядят скорее как заголовки, а в заголовках, как известно, точки обычно не ставятся.

3.4. Невербальный уровень

Визуальное оформление социальной рекламы о безопасности дорожного движения должно быть ярким и бросающимся в глаза, чтобы привлечь внимание и на улицах города, и в Интернете, журналах и иных печатных источниках.

Оформление рекламных билбордов должно отвечать главному требованию: рекламное сообщение должно восприниматься быстро с учетом движения в автомобиле. Для этого используются крупные шрифты, контрастные цвета и яркие изображения. Считается, что стандартный билборд размером 3х6 метров должен легко читаться с расстояния около 60 метров (Медиа Нестандарт). При этом важен не только размер шрифта, но и расстояние между буквами: чем оно

меньше, тем больше текст будет сливаться в одну нечитаемую полосу. Для социальной рекламы о безопасности дорожного движения наиболее характерными цветами являются белый, черный и красный: они контрастны, а красный цвет еще и является общепринятым символом опасности и привлечения внимания. Кроме того, эти три цвета являются стандартом запрещающих и предупреждающих знаков дорожного движения, поэтому водители реагируют на них наиболее активно. Помимо этого, создатели рекламы активно используют и другие цвета, связанные с оформлением дорожной обстановки: зеленый, желтый и красный как стандартный набор для российского светофора, синий, характерный для информирующих знаков, а также сочетание черного и белого как отсылка к стандартной расцветке пешеходной «зебры». В большом количестве постеров встречаются дорожные знаки или их имитация (см. Рис. 5).

Рис. 5. Социальная реклама с использованием изображения дорожного знака

Изображения, используемые в социальной рекламе о безопасности на дорогах, призваны проиллюстрировать возможные последствия небезопасной езды. Изображения ремней безопасности, детских кресел, телефонов в руках водителей и поврежденных в авариях автомобилей встречаются наиболее часто. Попадаются и креативные варианты, где изображения двусмысленны, образны и несут в себе необычные интерпретации привычных идей (см. Рис. 6).

Рис. 6. Социальная реклама с использованием образной визуализации

Стоит отметить, что текст социальной рекламы в большинстве случаев тесно связан с графическим компонентом и неотделим от него. Более того, в некоторых случаях текст является добавочным по отношению к невербальным частям рекламы. Например, на рисунке 7 представлен вариант рекламы, в которой вербальный компонент практически отсутствует и выражен лишь цифрами — датами рождения и смерти, вторая из которых закрыта ремнем безопасности. Это яркий пример того, как ёмко передать идею, не используя слова. Однако без этой короткой цифровой записи реклама потеряет свой смысл; сам текст также не будет верно функционировать без изображения.

Рис. 7. Социальная реклама о важности использования ремня безопасности

3.5. Культурный компонент

Российская социальная реклама, как и реклама в любой стране, отражает культурные особенности. Как упоминалось в п. 3.1., во многих примерах социальной рекламы о безопасности на дорогах

встречается концепт «дети», характерный и важный для русской лингвокультуры. Дети используются в рекламе и для запугивания, и в качестве мнимых адресантов рекламных сообщений (см. Рис. 8).

Рис. 8. Использование концепта «дети» в социальной рекламе

В России принято ругать водителей, которые ездят «не так», причем под «не так» часто подразумевается не только нарушение ПДД — езда в две полосы, неправильная парковка, — но также излишняя нерасторопность на дороге, которая раздражает других водителей. На рисунке 3 визуальнo представлена подобная ситуация, которая выражена не словесно, а в виде изображения.

Сленговое «кегли», которым как упоминалось выше, называют мотоциклистов, употребляется также и по отношению к пешеходам, которые переходят дорогу в неполюженном месте. Эта ассоциация также нашла своё воплощение в социальной рекламе (см. Рис. 9).

Рис. 9. Социальная реклама «Скорость убивает»

4. Заключение

Социальная реклама о безопасности дорожного движения — это один из наиболее распространенных видов социальной рекламы в России. Это связано с большим количеством ДТП на дорогах страны. Согласно официальной статистике МВД России, за первые 9 месяцев

2019 года на дорогах произошло более 116 тысяч зарегистрированных аварий, в которых погибло почти 12 тысяч человек и более 150 тысяч получили ранения; каждое 12-е ДТП имело смертельный исход (Дорожно-транспортная аварийность... 2019). И хотя в МВД отмечают снижение общих показателей аварийности, которое продолжается с 2015 года, цифры по-прежнему очень высоки. Социальная реклама является средством влияния на общество, изменения мнений и формирования правильного отношения к миру и отдельным его явлениям.

С точки зрения лингвистики социальная реклама — это обширный материал для исследований, поскольку она имеет разные формы с разным объемом текста и уровнем его взаимосвязи с другими компонентами. Изучение социальной рекламы позволяет выявить способы языкового и неязыкового воздействия на общественность, а также определить их эффективность. На данном этапе исследования мы рассмотрели особенности дискурса социальной рекламы и более подробно остановились на характеристиках рекламы о безопасности дорожного движения. В дальнейшем в процессе исследования мы планируем изучить реакцию реципиентов на рекламные сообщения в целом, рассмотреть, работают ли используемые коммуникативные стратегии и тактики, а также выявить, на что в первую очередь обращают внимание реципиенты и какие элементы текста привлекают наибольшее внимание.

Авторы выражают благодарность Гаянэ Рубеновне Власян, под научным руководством которой начиналось это исследование.

Информация о вкладе (участии) каждого автора

Нефедова Л. А. — концепция исследования и научное руководство;
Сотникова Е. С. — сбор и обработка материала, анализ полученных данных, написание текста.

Список литературы / References

Агрба А. А. Социальная реклама в России и Испании: структурно-компаративный анализ ценностного содержания // Конфликтология / nota bene. 2018. № 2. С. 54—65. [Agrba, Amina A. (2018) Social'naja reklama v Rossii i Ispanii: strukturno-komparativnyj analiz cennostnogo soderzhanija (Social Advertising in

- Russia and Spain: Structural and Comparative Analysis of the Value Content). *Konfliktologiya. nota bene*, 2018, 2, 54—65. (In Russian)]. Doi: 10.7256/2454-0617.2018.2.25664
- Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / под ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 88—125. [Blakar, Rolv M. (1987) Jazyk kak instrument social'noj vlasti (Language as a Tool of Public Power). In Petrov, V. V. (ed.) *Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija* (Language and Social Interaction Modelling). Moscow: Progress, 88—125. (In Russian)]
- Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта, 2003. [Vasilyev, Aleksandr D. (2003) *Slovo v rossijskom telejefire: ocherki novejshego slovoupotreblenija* (Word on Russian Television: Reviews on Recent Word Use). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Горунович А. Н. Социальная реклама в России: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-v-rossii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения 09.02.2020). [Gorunovich, Aleksei N. (2014) *Social'naja reklama v Rossii: problemy i perspektivy* (Public Advertsing in Russia: Problems and Perspectives). Cyberleninka. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-v-rossii-problemy-i-perspektivy> (In Russian)].
- Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № 23. С. 153—211. [Dijk, Teun. A. van (1988) *Strategii ponimaniya svjaznogo teksta* (The Strategies of Understanding Coherent Texts). *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 23, 153—211. (In Russian)].
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация (пер. с англ.). М.: Прогресс, 1989. [Dijk, Teun. A. van (1989) *Yazik. Poznaniye. Kommunikatsiya* (per. s angl.). (Language. Cognition. Commuication (translated)). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2019 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2019. [Dorozhno-transportnaja avarijnost' v Rossijskoj Federacii za 9 mesjacev 2019 goda. Informacionno-analiticheskij obzor (Statistics on Road Traffic Accidents in the Russian Federation in 9 months of 2019. Information and Analytical Review). Moscow. (In Russian)].
- Елина Е. А. Семиотика рекламы. М.: Дашков и К°, 2011. [Yelina, Yevgeniya A. (2011) *Semiotika reklamy* (Advertising Semiotics). Moscow: Dashkov&Co. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. [Issers, Oksana S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russskoj rechi* (Communicative Strategies and Tactics in Russian Speech). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20. [Karasik, Vladimir I. (2000) O tipah diskursa (On Discourse Types). In Karasik, Vladimir I. (ed.) *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* (Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse). Volgograd: Peremena, 5—20. (In Russian)].

- Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис, 2004. [Karasik, Vladimir I. (2004) *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs (Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse)*. Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой, Н. Д. Арутюновой. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva, Viktoriya N. & Arutyunova, Nina D. (eds.) (1990) *Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Медиа Нестандарт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.media-nestandard.narod.ru/bilb.html> (дата обращения: 10.02.2020). [Media Nestandard (2020, February 10). Retrieved from <http://www.media-nestandard.narod.ru/bilb.html> (In Russian)].
- Николайшвили Г. Г. *Социальная реклама: теория и практика*. М.: Аспект Пресс, 2008. [Nikolajshvili, Guzella G. (2008) *Social'naja reklama: teorija i praktika (Public Advertising: Theory and Practice)*. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)].
- Сайт проекта социальной рекламы «Все равно?!» [Электронный ресурс]. URL: <http://vse-ravno.net> (дата обращения: 10.02.2020). [Sajt proekta social'noj reklamy «Vse ravno?!» (2020, February 10) ('Vse ravno?!' public advertising project website). Retrieved from <http://vse-ravno.net> (In Russian)].
- Серюо П. *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. [Sériot, Patrick (1999). *Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa (Sense Quadrature: French School of Discourse Analysis)*. Moscow: Progress. (In Russian)].
- Сотникова Е. С. Стратегия запугивания в дискурсе социальной рекламы (на материале английского и французского языков) // Исследование лингвокреативных процессов в когнитивно-дискурсивном аспекте: Материалы международной научно-практической конференции молодых исследователей. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 321—327. [Sotnikova, Elizaveta S. (2016) *Strategija zapugivaniya v diskurse social'noj reklamy (na materiale anglijskogo i francuzskogo jazykov) (Intimidation Strategy in Social Advertising Discourse (based on English and French Language). Issledovanie lingvokreativnyh processov v kognitivno-diskursivnom aspekte: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh issledovatelej, 321—327. (In Russian)].*
- Сотникова Е. С. Коммуникативные стратегии в дискурсе социальной рекламы // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации. 2017. С. 177—180. [Sotnikova, Elizaveta S. (2017) *Kommunikativnye strategii v diskurse social'noj reklamy (Speech Strategies in Public Advertising – проверить перевод). Voprosy filologii i mezhkul'turnoj kommunikacii, 177—180. (In Russian)].*
- Татьянченко И. М. *Реклама как средство маркетинговой социальной коммуникации: проблемы управления*. Дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. [Tatyanchenko, Irina M. (2004) *Reklama kak sredstvo marketingovoj kommunikacii (Advertising as a means of marketing communication)*. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. [Phillips, Louise J., Jorgensen, Marianne. V. (2008) *Diskurs-analiz. Teorija i metod. (Discourse Analysis as Theory and Method)*. Kharkov: Gumanitarniy Tsent. (In Russian)].

- Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. трудов. СПб.: Изд. С-Петербур. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 11—22. [Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2001) *Diskurs kak ob#ekt lingvisticheskikh issledovaniy (Discourse as an Subject-Object of Linguistic Research)*. *Tekst i diskurs. Problemy jekonomicheskogo diskursa (Text and Discourse. Economic Discourse Issues)*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Economic Univercity, 11—22. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. [Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2006) *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya (Power Discourse and Discourse Power: The Question of Persuasion)*. Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Brown, Gillian, Yule, George. (1983) *Discourse Analysis*. Cambridge: The MIT Press.
- Laclau, Ernesto. (1993) Power and Representation. In Poster, M. (ed.) *Politics, Theory and Contemporary Culture*. New York: Columbia University Press.
- Spicer, A., Fleming, P. (2001) Making Constructivism Critical Structure: Text and Contestation. # Paper presented to Alternative modes of Investigation in Organization Studies: Opportunities for Critical Research Stream, Critical Management Studies Conference.

Сведения об авторах

Нефедова Лилия Амиряновна

доктор филологических наук, профессор,
декан факультета лингвистики и перевода
Челябинского государственного университета
E-mail: lan2@mail.ru

Сотникова Елизавета Сергеевна

аспирант, преподаватель кафедры английского языка
факультета лингвистики и перевода
Челябинского государственного университета
E-mail: esstnv@gmail.com

УДК 81'23

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-56-74

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ
ЗАТРУДНЕНИЙ: НАУЧНЫЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА *DiSS 19* (БУДАПЕШТ)**

Т. Н. Синеокова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Затруднения в спонтанной речи в настоящее время вызывают интерес у специалистов, работающих в разных областях знания. Изучаются различные внешние проявления речевых затруднений (паузы хезитации, пролонгации звуков, паузозаполнители, артикуляторные персеверации и лексико-грамматические повторы, самокоррекции, обрывы, невербальные средства передачи информации и др.), являющиеся удобным инструментом исследования особенностей протекания когнитивных процессов на основе явно наблюдаемых характеристик речи под влиянием целого ряда экстралингвистических факторов. К ним относятся особенности коммуникативной ситуации, вид речи (монологическая или диалогическая), язык коммуникации (родной или иностранный), эмоциональное состояние говорящего, возраст, социальный статус, заболевания, осложняющие речемыслительную деятельность, и многие другие факторы. Дальнейшее изучение речевых затруднений позволяет решить ряд как фундаментальных задач, связанных с моделированием когнитивных процессов кодирования и декодирования речи, так и задач прикладных, связанных с использованием результатов исследований в области возрастной педагогики, психологии, медицины, методики обучения иностранным языкам, практики устного перевода, автоматизированного распознавания речевого сигнала и других. К настоящему времени проведено достаточно большое количество эмпирических исследований, на основе которых разрабатываются частные модели; их обобщение позволит в конечном счете создать единую модель речевых затруднений в спонтанной речи. Несомненно, важную роль для объединения усилий специалистов, работающих над данной проблематикой, играют конференции и семинары, в том числе международный семинар «Речевые затруднения в спонтанной речи» (*Disfluency in Spontaneous Speech — DiSS*), состоявшийся впервые в 1999 году. Актуальные проблемы, обсуждаемые участниками семинара, который прошел в сентябре 2019 года в Венгрии (модели продуцирования и восприятия речи, возрастные и клинические факторы при речевых затруднениях, особенности затруднений в речи на иностранном языке, в том числе при устном переводе, технологии моделирования речи), могут оказаться полезными ориентирами для исследователей, работающих в данной области.

Ключевые слова: речевые затруднения; спонтанная речь; хезитация; речевое планирование; самокоррекция.

**Current Aspects of Speech Disfluency Research: Scientific Review
of the International Workshop DiSS 19 (Budapest) Issues**

Tatiana Sineokova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Disfluency in spontaneous speech is currently a subject of study of specialists working in different fields of knowledge. Different external manifestations of disfluency (hesitation pauses, sound prolongations, pause fillers, articulatory perseverations and lexico-grammatical repetitions, self-corrections, breaks, nonverbal means of information transfer, etc.) are being investigated. They turn out to be a convenient tool for revealing and monitoring the peculiarities of cognitive processes with the help of explicit clearly registered signals occurring in speech under the influence of a number of extralinguistic factors such as the communicative situation, the type of speech (monologic or dialogic), the language of communication (L1 or L2), the emotional state of the speaker, the age, the social status, the diseases impairing speech and mental activity, and others. Further investigation of disfluency makes it possible to solve both a number of fundamental problems connected with modeling of cognitive coding and decoding speech processes and applied tasks connected with adoption of research findings in such fields as developmental pedagogy, psychology, medicine, foreign language training, translation, automatic recognition of speech signal, etc. Up to now, a sufficient number of empirical investigations have been carried out providing a basis for working out particular models which will make it possible, in the long run, to create the overall model of disfluency in spontaneous speech. Conferences and workshops undoubtedly play an important role in uniting the efforts of specialists in this sphere. One of them is the international workshop "Disfluency in Spontaneous Speech (DiSS)" that was first held in 1999. The current problems that were discussed by the participants of the workshop (production and perception speech models, age and clinical factors of disfluency, special difficulties in foreign speech production, including translation, speech technology) may be a useful reference point for researchers working on the issue.

Key words: speech disfluency; spontaneous speech; hesitation; speech planning, self-correction.

1. Введение

Речевые затруднения являются объектом пристального внимания широкого спектра наук: когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, собственно лингвистики, методики преподавания языков, нейрофизиологии, лингвокриминалистики, медицины, теории искусственного интеллекта. Исследование генезиса затруднений и их экспликаторов углубляет представления о механизмах когнитивных процессов, способствует выявлению глубинных процессов речепорождения у различных возрастных, гендерных и социальных групп, а также расширяет практические сферы применения полученных результатов в возрастной педагогике и психологии, в методике обучения иностранным языкам, при подготовке устных переводчиков, при

построении алгоритмов синтеза и автоматизированного распознавания речи, в медицине, при разработке рекомендаций публичным ораторам и т. п.

Важной научной площадкой, на которой ученые из разных стран, разных школ и направлений обмениваются результатами новейших исследований и выявляют сферы общих интересов для дальнейшего сотрудничества, является международный семинар *Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech (DiSS)*. Семинар начал работу в 1999 г. (Беркли, США) и проводился далее в 2001 (Эдинбург, Великобритания), 2003 (Гётеборг, Швеция), 2005 (Экс-ан-Прованс, Франция), 2010 (Токио, Япония), 2013 (Стокгольм, Швеция), 2015 (Эдинбург, Великобритания), 2017 (Стокгольм, Швеция) годах.

В сентябре 2019 г. в Будапештском университете (ELTE Eötvös Loránd University) в Венгрии состоялся очередной семинар (*The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech, DiSS 2019*), на котором, как и на предыдущих, обсуждался широкий спектр вопросов, отражающих современные тенденции изучения фундаментальных и прикладных аспектов данной проблематики. На семинаре был представлен 31 доклад.

Целью статьи является обзор представленных к обсуждению проблем, связанных с разработкой моделей речевых затруднений, изучением особенностей их восприятия, выявлением возрастных и клинических факторов, анализом затруднений в речи на иностранном языке, в том числе при устном переводе, созданием технологий синтеза и восприятия речи.

2. Материалы, методы и результаты исследований

2.1. Модели речевых затруднений

Разработка структурных, функциональных или прогностических моделей, отражающих механизмы зарождения и реализации речевых затруднений (РЗ) под воздействием различных экстралингвистических факторов, имеет важное теоретическое и прикладное значение. На материале разных языков авторы предлагают модели реализации РЗ в монологической и диалогической спонтанной речи в варьирующих коммуникативных ситуациях.

Одним из важных сигналов РЗ является использование паузозаполнителей (ПЗ), которые, как показывают исследования, имеют разную дистрибуцию, могут нести специфическую

функциональную нагрузку в зависимости от местоположения и характеризуются различной частотой реализации в речи мужчин и женщин.

Так, в (Zhang 2019) обсуждаются вопросы, связанные с собственно лингвистическими и социолингвистическими факторами реализации ПЗ *um* и *uh*. На материале английского языка показано, что изменения в динамике частоты использования ПЗ связаны в основном с *uh*. В целом число ПЗ с возрастом увеличивается, у мужчин — именно за счет увеличения количества *uh*. При этом частота реализации *um* не зависит от возраста, являясь стабильной у женщин от 20 до 60 лет и демонстрируя лишь небольшой спад у мужчин. Анализ таких факторов, как тема разговора и собеседник, позволяет автору выдвинуть следующую гипотезу: реализация паузозаменивателя *um* является результатом выбора по умолчанию (*the default choice*), в то время как *uh* возникает как непроизвольная реакция при затруднениях продуцирования речи в разных возрастных группах, в зависимости от предмета обсуждения и партнера по коммуникации, что свидетельствует об их разном значении. Для подтверждения гипотезы о потенциальных смысловых различиях *um* и *uh* был проведен латентно-семантический анализ ПЗ, выявивший специфику их контекстуальных употреблений и корреляцию с длиной пауз.

В (Watanabe, Korematsu, Shirahata 2019) также рассматриваются ПЗ *um* и *uh*, при этом анализируются такие факторы, как степень завершенности предшествующей смысловой синтагмы, количество слов в синтагме, количество цитирований в синтагме, пол говорящего. В силу того, что разметка границ предложений в корпусах звучащей речи затруднена, интересным методологическим приемом представляется привлечение экспертов к маркировке синтагм разной степени завершенности на основе смысловых и просодических характеристик речи. Исследование показало, что 73 % случаев использования *ums* приходится на начало предложения, в то время как *uhs* распределяются в начальной и срединной позициях равномерно. Поскольку, как правило, количество передаваемой информации после первой синтагмы больше, чем после срединной, *um*, по-видимому, несет большую когнитивную нагрузку при планировании высказывания, чем *uh*, что может являться дополнительным объяснением выявленных в (Zhang 2019)

закономерностей. В то же время количество слов в сегменте не является релевантным фактором при дифференциации ПЗ. Цитирование, связанное с процессами припоминания, обнаруживает значительные корреляции с *um*. Авторами подтверждается также значительно большее количество реализаций *uh* мужчинами.

Подход, позволяющий уточнить существующие модели хезитаций для использования их в прикладных целях, в том числе при создании систем синтеза разговорной речи, предлагается в (Betz, Kosmala 2019). Его особенность заключается в том, что объектом рассмотрения являются кластеры маркеров хезитации: взаимосвязь двух наиболее частотных паузозаполнителей (ПЗ) *um*, *uh* и длины сопутствующей им собственно паузы. Материалом для анализа послужили записи интервью носителей английского языка. Были сделаны следующие выводы: тип ПЗ влияет на длину пауз, что свидетельствует о взаимоисключающем характере их реализации; длина пауз, предшествующих ПЗ, меньше длины последующей паузы, что является отражением процессов, связанных с планированием высказывания. Авторы указывают также на целесообразность расширения кластера маркеров хезитации, в том числе включения в него удлинения звуков в словах перед ПЗ.

Акустико-фонетические характеристики заполненных пауз обсуждаются в (Anansiripinyo, Onsuwan 2019). Сопоставительный анализ единиц, используемых как в функции ПЗ в спонтанной речи, так и в качестве знаменательных слов (по аналогии с английскими *like*, *well*), проводился на основе трех параметров: длины слога, частоты форманты F1 и форманты F2. Испытуемым предлагалось прокомментировать два коротких фильма и прочитать список слов, включающий потенциальные ПЗ. Результаты позволили прийти к выводу, что слова-паузозаместители и полнозначные слова в тайском языке произносятся по-разному. Произнесение гласных значительно различалось по параметру F2. Заметные расхождения наблюдались в длине слога: в ПЗ слог удлинялся, а позиция языка смещалась к центру пространства гласного.

Сравнительный анализ особенностей заполненных и незаполненных пауз в различных речевых жанрах также является важным аспектом разработки моделей РЗ. Темпоральные и дистрибуционные характеристики, а также комбинаторика заполненных и незаполненных пауз, рассмотренных в (Gyarmathy,

Horváth 2019), позволяют авторам прийти к выводу о различных стратегиях их использования в спонтанном повествовании и в беседе. Зарегистрированная на материале венгерского языка длина обоих типов пауз в повествовании больше, чем в беседе, когда каждый из партнеров имеет время для планирования последующего высказывания и собеседники помогают друг другу поддерживать разговор. Незаполненные паузы чаще реализуются в грамматически функциональных позициях (в начале, конце или на границе клауз) вне зависимости от типа дискурса, что может свидетельствовать об их запланированном характере; при этом они длиннее, чем в середине клауз. Кроме того, они короче заполненных пауз в беседе, что может объясняться желанием партнера занять доминирующее положение. Заполненные паузы реже всего встречаются между двумя незаполненными; их наибольшая длина в данной позиции, по мнению авторов, предположительно сигнализирует о проблемах планирования высказывания.

Несколько иной подход к построению модели, включающий значение длины речевого потока после этапа планирования (*lookahead*) в монологе, рассматривается в (Maekawa 2019). На основе акустического анализа корпуса спонтанного японского языка автор делает вывод о том, что планирование распространяется на 6—7 акцентуальных фраз (являющихся базовой составной частью японской интонации), что составляет в среднем 3—4 секунды. Выявлены также корреляция между длиной паузы и длиной высказывания, повышение частоты основного тона в начале высказывания и зависимость значений высказывания от наличия пауз. В то же время автор указывает на вероятность некоторых расхождений с результатами, полученными на материале английского языка, объясняя их типологическими различиями. На настоящем этапе исследования не решен вопрос, какой точно единице соответствует запланированный сегмент, но она, по мнению автора, превышает интонационную фразу. Более того, может оказаться, что связи с собственно лингвистическими коррелятами не существует, а длина запланированных отрезков будет отличаться в силу различий объема рабочей памяти говорящих.

Пролонгация фонетических сегментов, наряду с паузами, является важным сигналом РЗ в спонтанной речи. Как показано в (Silber-Varod, Gósy, & Eklund 2019), в иврите 97,95 % пролонгаций

приходится на финальную позицию слова, что делает иврит более схожим с ток-писин, японским и севернокитайским (*Mandarin Chinese*) языками, чем с английским, немецким или шведским. Гласные пролонгируются чаще, чем согласные (в отличие от американского английского и шведского); наиболее типичной является пролонгация гласного [e], который в иврите используется также в качестве ПЗ. Продолжительность пролонгации не зависит от типа звука (гласного или согласного), однако в основном она осуществляется в неударной позиции.

Для создания модели РЗ необходимо знание когнитивных механизмов самокоррекции и стратегий их реализации в различных коммуникативных ситуациях. В (Gósy 2019a) на материале венгерского языка предлагается моделирование типов РЗ на основе таких маркеров самокоррекции, как место прерывания артикуляции в структуре слова и продолжительность фазы редактирования. Последняя отражает скорость принятия решения исправить ошибку при рестарте, фальстарте, оговорке, паузе внутри слова, пролонгации звука. Автор приходит к выводу, что чем раньше говорящий осознает ошибку или проблему с планированием высказывания, тем быстрее протекает фаза редактирования.

Особенности реализации самокоррекции в университетских лекциях и диалогах рассматриваются в (Moniz 2019). Анализ акустико-просодических характеристик показывает, что речь харизматичного лектора, вносящего в лекцию динамические черты спонтанного общения, характеризуется большим по сравнению с диалогом частотным диапазоном, позволяющим просодически выделить исправление за счет колебаний F0 и высоты сигнала. Построение модели реализации самоисправлений в диалогах является более трудоемкой задачей в связи с наличием в них большего числа контрастирующих темпоральных характеристик.

2.2. Восприятие речевых затруднений

Изучение особенностей восприятия разных форм РЗ также является актуальным аспектом современных исследований, результаты которых успешно используются в обучении иностранному языку, переводческой практике, публичных выступлениях.

В (Rose 2019) рассматривается восприятие слушателями заполненных (*um, uh*) и незаполненных пауз с точки зрения оценки грамматичности / аграмматичности высказывания. Анализ показал,

что предложение чаще воспринимается как грамматически правильное в случае размещения пауз между границами клауз; при этом наиболее четко данная тенденция проявляется при восприятии сложноподчиненных предложений. В то же время в рамках сложноподчиненного предложения проявляются две взаимоисключающие зависимости: предложения с незаполненными паузами между клаузами получают более высокие оценки и, наоборот, в ситуации реализации внутри клауз более высокую оценку получают ПЗ. Кроме того, в работе приводятся интересные, хотя и предварительные, данные о временных затратах экспертов на оценку разных типов пауз и их дистрибуции в рассматриваемых структурных типах предложений.

В (Grosman, Simon, & Degand 2019) ставится задача исследования влияния коммуникативной ситуации на оценку восприятия беглости речи, ее грамматического, дискурсивного и социально-межличностного аспектов. В качестве стимулов были смоделированы конструкции с повторами (смежными, с заполненной и незаполненной паузами) и их аналоги без повторов. Поскольку восприятие связано с ожиданиями слушателя, каждый из испытуемых, носителей французского языка, предварительно прошел тест, позволяющий оценить степень их эмпатии. Испытуемые знали о том, какие из предложенных текстов предназначены для вещания. Результаты показали, что структура повтора не влияет на оценку беглости в целом, однако наличие факта повтора в целом снижает ее, особенно в социально-межличностном аспекте; с дискурсивной точки зрения более строго оцениваются тексты для вещания; чем выше индекс эмпатии испытуемых, тем более они снисходительны при оценке дискурсивного и социально-межличностного аспекта.

2.3. Возрастной фактор речевых затруднений

Исследование возрастного фактора РЗ связано с важнейшими проблемами изучения эволюции речемыслительной деятельности в аспекте филогенеза и онтогенеза.

Корреляция между длиной гласных и их качественными и позиционными характеристиками у детей и взрослых рассматривается в (Krepsz 2019). Анализировались три пары гласных (длинные и короткие) венгерского языка в срединной позиции и в конце фразы, зарегистрированные в речи детей 4 и 6 лет и молодых женщин. Автор приходит к выводу о расхождениях в тенденциях удлинения звуков у

детей и у взрослых. Более того, расхождения были выявлены между разными возрастными группами детей, что, вероятно, может объясняться разным лингвистическим опытом, артикуляционными затруднениями, а также индивидуальными различиями. В целом у детей затруднена имитация движений языка, поскольку они происходят в ротовой полости; соответственно, качественные изменения происходят на каком-то более позднем этапе усвоения языка.

В (Laczkó 2019a) обсуждаются темпоральные характеристики спонтанной речи и ответов по заданной теме урока подростков в школе. В эксперименте участвовало две возрастные группы школьников со средними значениями 15,4 и 17,2 года. Полученные данные демонстрируют гораздо меньшую скорость и значительно большую продолжительность заполненных и незаполненных пауз в ответах по теме по сравнению со спонтанной речью. В ответах заполненные паузы сигнализируют о неуверенности, в то время как в спонтанной речи отражают намерение продолжить высказывание. При этом длина пауз зависит от выполняемой ими функции. Автор делает вывод о сложности овладения школьниками теми предметами, обучение которым предполагает устное изложение изученного материала.

Влияние возраста на РЗ в спонтанной английской речи в разных типах коммуникативных ситуаций, легких и неблагоприятных для общения (наличие фонового шума), рассматривается в (Taschenberger, Tuomainen, & Hazan 2019). Материалом для анализа служили заполненные паузы в диалогах четырех возрастных групп (от 19 до 76 лет). Результаты исследования показали, что, вопреки рабочей гипотезе, основанной на результатах других исследователей, число реализаций паузозаместителей в неблагоприятных условиях может уменьшаться. Более того, для людей с нормальным слухом фактор возраста заметной роли не играет. Результаты также свидетельствуют о существенных индивидуальных различиях в выборе стратегий для преодоления негативных сторон коммуникативной ситуации. Определенные расхождения с данными других исследователей, по мнению авторов, свидетельствуют о необходимости комплексного исследования РЗ в возрастных группах.

Лонгитюдное исследование РЗ в пожилом возрасте представлено в (Keszler, Bóna 2019). Анализировалась речь 7

носителей венгерского языка, исследователей и преподавателей. Результаты исследования, как и результаты приведенного выше эксперимента, свидетельствуют об отсутствии четкой корреляции между старением и беглостью речи. Несмотря на то, что беглость речи некоторых говорящих несколько снизилась, по крайней мере у троих она осталась на одном уровне. Длина пауз оказалась неизменной у одного говорящего, слегка изменилась у троих и значительно — также у троих, что свидетельствует об индивидуальном характере их вариабельности. По сравнению с первым измерением наблюдалось незначительное увеличение числа пауз у пяти испытуемых, в то время как у двоих отмечено снижение их числа. Как заключают авторы, некоторые выявленные изменения могут объясняться возможными замедлениями процессов планирования и особенностями дыхания пожилых людей.

Следует отметить, что один день семинара был полностью посвящен вопросам речепорождения и РЗ у детей. На обсуждение было представлено 11 докладов, тезисы которых изложены в сборнике. Полные версии статей, как пишут редакторы, будут изданы в 2020 году. Хотя не все авторы приводят в рамках данного формата полученные результаты, опубликованные материалы дают общее представление о круге затронутых проблем, решение которых позволяет расширить существующие представления о специфике динамики развития речемыслительных процессов у детей.

В (Redford 2019) излагается основное содержание многоаспектной исследовательской программы, основанной на динамическом изучении механизмов продуцирования речи у детей и взрослых. Центральный постулат разрабатываемой автором теории заключается в том, что развитие моторных навыков связано с усвоением языка, его иерархической структуры, включая темпоральные паттерны, необходимые для восприятия разговорной речи.

Вопросы, связанные с ролью РЗ в усвоении языка и развитии синтаксической сложности высказываний у детей, рассматриваются в (Didirkova, et al. 2019). Материалом для лонгитюдного исследования послужили речевые образцы 2 мальчиков и 2 девочек, носителей французского языка, в возрасте от 1 до 6 лет. Выявленные закономерности позволяют авторам сделать выводы о различной

степени интенсивности усвоения синтаксической системы в исследуемых возрастных группах.

В (Horváth, Krepesz 2019) на материале венгерского языка представлены результаты анализа особенностей использования ПЗ детьми в возрасте 4, 6 и 8 лет. Выявляется корреляция между частотой реализации, фонетической формой, местоположением и длительностью звучания пауз, с одной стороны, и количеством клауз, средней длиной высказывания и скоростью речи, с другой. Авторы делают вывод о различных стратегиях реализации ПЗ, что обусловлено как возрастом, так и индивидуальными особенностями детей.

Целью представленного в (Gósy 2019b) исследования является ответ на вопросы, есть ли связь между словами-паузозаполнителями и заполненными паузами в процессе усвоения языка и существует ли специфическая функция, позволяющая дифференцировать слова-паузозаполнители и заполненные паузы по мере взросления. Исследование проведено на материале венгерского языка. Предметом сопоставления, позволившем автору прийти к выводу о различных стратегиях преодоления детьми и взрослыми затруднений когнитивного, лексического и моторного характера, являются частота и дистрибуция исследуемых явлений.

В (Liu, Tseng 2019) на материале китайского языка сравниваются особенности использования слов пятилетними детьми с нормальным слухом и с нарушением слуха. Анализируются частеречная принадлежность слов, количество слов между паузами, средняя длина слов, степень их фонетической редукции. Авторы также сопоставляют выявленные характеристики детей разных групп с особенностями речи взрослых.

Целью исследования, представленного в (Markó, et al. 2019), является изучение на материале венгерского языка механизмов коартикуляции звуков (согласный + гласный) в разных возрастных группах детей с использованием методов ультразвукового изучения локации языка и анализа формант. Авторы подробно описывают методику эксперимента, однако с полученными результатами и выводами можно будет ознакомиться, по-видимому, после публикации статьи.

Если в (Laczkó 2019a) обсуждаются темпоральные характеристики спонтанной речи и ответов по заданной теме урока у

школьников (см. выше), в (Laczkó 2019b) на том же материале рассматривается более широкий спектр вопросов: причины и функции РЗ, количество речевых колебаний, допущенные языковые ошибки, неправильное словоупотребление, персеверации.

Динамика РЗ в спонтанном диалоге и пересказе текста анализируется в (Vakula, Szennay 2019). Изучаются три возрастные группы (5, 7 и 9 лет) детей — носителей венгерского языка. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на значительные индивидуальные различия, средняя скорость говорения в спонтанной речи с возрастом увеличивается: старшие дети используют паузы реже, а их продолжительность меньше. В пересказах линейная зависимость не наблюдается, за исключением пятилетних детей, использующих наибольшее количество пауз.

Методика изучения динамики развития когнитивных и языковых способностей детей для дальнейшего использования ее в ходе обязательного тестирования в Венгрии в детских садах изложена в (Jordanidisz, Mihály, & Bóna 2019). Авторы доказывают позитивное влияние фактора взаимодействия с испытуемыми, включающего элементы обучения. Так, при описании детьми картинок большое значение имеет предварительная фаза, включающая вопросы и обеспечивающая меньшее количество мыслительных и РЗ в заключительной фазе, а также возрастание лексической и синтаксической сложности и увеличение объема текста.

Проявления самоконтроля речи отражаются в выборе одной из двух стратегий: беглость vs. правильность. Тенденции самоконтроля в детской речи по сравнению с речью взрослых на материале венгерского языка являются предметом рассмотрения в (Bóna 2019). Анализируются три возрастные группы: 5, 9 и 20 лет. Основные задачи автора — выяснить, каким образом дихотомия «беглость vs. правильность» реализуется при самоконтроле в разных возрастных группах, существует ли разница в стратегиях самоисправления, каковы темпоральные паттерны процессов контроля в исследуемых группах.

2.4. Речевые затруднения при освоении иностранного языка

Выявление механизмов формирования речемыслительных процессов в иноязычной спонтанной речи способствует прогнозированию и, соответственно, предупреждению возможных РЗ обучающихся.

Так, в (Suzuki, Kormos 2019) экспериментально доказывається ефективність фонологічної репрезентації тексту з метою його розуміння і подальшого відтворення. Испытуемым, носителям японского языка, изучающим английский язык (уровни от B1 до C1), предлагалось выполнить краткий пересказ текстов, один из которых помимо письменной презентации имел звуковой аналог. В ситуации использования звукозаписи испытуемые использовали большее количество ключевых слов, содержащихся в тексте, их речь была более беглой и содержала меньшее число самоисправлений. Авторы приходят к выводу, что звуковой образец, содержащий фонологическую информацию об интонационных границах и, соответственно, отражающий сегментацию текста на смысловые отрезки, способствует лучшему пониманию и воспроизведению текста.

Важной задачей при обучении иностранному языку является преодоление языковой интерференции. Предметом анализа в (Baditzné Pálvölgyi 2019) стали особенности реализации заполненных и незаполненных пауз в речи на испанском языке как иностранном у носителей венгерского языка (уровень C1). Материалом для сравнительного анализа послужила спонтанная речь носителей испанского языка и изучающих испанский язык. Полученные данные свидетельствуют о том, что число пауз и случаев удлинения звуков у носителей языка в 4 раза меньше, хотя различия в собственно темпоральных характеристиках паузы не зарегистрированы. В качестве ПЗ венгры чаще используют шва и согласный [m], в то время как испанцы — гласные [e], [a] и также согласный [m]. Автор приходит к выводу о необходимости обучения специфическим техникам хезитации в иностранном языке.

2.5. Речевые затруднения в устном переводе

В последнее время появляется все большее количество работ, посвященных изучению РЗ в устном переводе как одном из наиболее ресурсозатратных видов когнитивной деятельности.

В представленном на семинаре докладе (Bakti 2019) освещены вопросы типологии РЗ при последовательном переводе с иностранного (английского) языка на родной (венгерский) и в спонтанной монологической речи на родном языке. Лонгитюдное исследование осуществлялось в течение 2—4 семестров. Статистический анализ показал, что количество затруднений

студентов в спонтанной речи на родном языке ниже, чем при переводе, что свидетельствует об объективной сложности последнего. Частота РЗ при переводе в течение курса обучения в целом не меняется. В то же время изменениям в динамике подлежат типы допускаемых ошибок. В конце 2-го семестра наибольший процент составляют грамматические ошибки, далее следуют неправильные употребления слов и рестарт (полный или частичный повтор ранее активированного слова). В конце 3-го семестра преобладают случаи наложения ошибок (например, наложение рестарта и грамматической ошибки), далее — грамматические ошибки, рестарты, неправильные употребления слов. В 4-м семестре на первом месте грамматические ошибки, далее — неправильные употребления слов и рестарты. Поскольку первоначально предлагаемая автором типология РЗ гораздо шире и зарегистрированы значительные индивидуальные колебания, предполагается дальнейшее исследование проблемы со значительным увеличением числа испытуемых.

2.6. Технологии синтеза и распознавания речи

Создание систем синтеза и распознавания речи неизбежно базируется на знании естественных механизмов речепорождения и восприятия речи.

В (Bellinghausen, et al. 2019) рассматриваются вопросы, связанные с восприятием человеком степени неуверенности, выраженной с помощью пауз, интонации и пролонгированных ПЗ, в синтезированной речи. В качестве стимулов использовались ответы робота при распознавании картинок овощей и фруктов, при этом разная степень неуверенности генерировалась с помощью различных комбинаций указанных выше индикаторов: пауза перед ответом, пролонгация ПЗ, интонационный контур слова-ответа. Испытуемые, носители немецкого языка, должны были оценить степень неуверенности ответа робота, а также естественность его звучания и понятность речи. Анализ полученных результатов показал, что слушатели различают ответы, демонстрирующие неуверенность и уверенность. При активации одного индикатора степень неуверенности оценивалась ниже, чем в случае активации всех трех индикаторов. Если сравнивать активацию одного индикатора с совместной активацией паузы и ПЗ, оценка значительно не менялась. В то же время при сравнении комбинаторики двух и трех индикаторов добавление фактора интонационного контура

значительной роли не играло. Что касается восприятия неуверенности, естественности звучания и понятности речи, значимых корреляций выявлено не было.

2.7. Речевые затруднения и клиническая лингвистика

Предметом обсуждения на семинаре также являлись аспекты РЗ, представляющие интерес для практических целей клинической лингвистики.

Так, в (Pap 2019) на материале венгерского языка представлены результаты исследования затруднений при клаттеринге, расстройстве, проявляющемся в быстром темпе речи, нарушении ее ритма и плавности. Ускорение темпа отрицательно влияет на процесс планирования и приводит к ошибкам, речь становится бессвязной и невнятной. Изучалась частота реализации ошибок и пауз в четырех речевых образцах идентичного содержания, отличающихся скоростью говорения. Доказано, что при клаттеринге люди могут изменять не только темп речи, но и длительность звуков. При убыстрении темпа речи среднее количество и длина пауз сокращались, за исключением случая максимальной скорости, где зафиксировано наибольшее количество отклонений от нормы. При этом количество ошибок при максимальной скорости говорения сопоставимо с количеством ошибок при нормальном темпе. Автор также уточняет существующие представления о влиянии клаттеринга на скорость артикуляции, доказывая, что высокая скорость говорения в большей степени влияет на частоту реализации ошибок. Подчеркивается также роль влияния психологического стресса на речевые характеристики при клаттеринге. Полученные результаты, безусловно, способствуют уточнению существующих критериев диагностики данного речевого нарушения.

Сопоставительный анализ особенностей реализации хезитаций и самоисправлений в спонтанной речи женщин с умственной отсталостью легкой степени (УОЛС) и здоровых женщин представлен в (Jankovics, & Garai 2019). К проявлениям хезитаций отнесены пролонгация звуков, незаполненные и заполненные паузы, повтор; самоисправления включают субституцию, включение и элиминацию элементов. Исследование проводилось на материале венгерского языка; анализировались записи интервью и описаний картинок. Результаты свидетельствуют, что паузы хезитации чаще встречаются у женщин с УОЛС в обоих типах речи, что свидетельствует о важной

роли пауз при планировании высказывания без включения дополнительных вербальных элементов. Та же тенденция выявлена и относительно самоисправлений, что, видимо, связано со сложностью одновременного протекания двух процессов: артикуляторного планирования и реализации новых языковых элементов. Результаты данного и последующих исследований авторов расширяют представления о механизмах речепорождения у взрослых с УОЛС и могут быть полезны для оптимизации терапевтических методов лечения.

3. Заключение

Как видим, в силу сложности и гетерогенности объекта исследования существует множество подходов к изучению природы, механизмов реализации и экспликаторов затруднений в спонтанной речи. Отсутствие единой модели РЗ может объясняться тем, что, как показывают результаты рассмотренных выше исследований, затруднения могут быть связаны с разными когнитивными механизмами, что находит отражение в семантике и функциях репрезентирующих их разноуровневых единиц языка. Кроме того, отличия разрабатываемых моделей РЗ определяются включением в них варьирующих экстралингвистических (возраст, пол, эмоциональное состояние, состояние здоровья) и собственно лингвистических (речевой жанр, типологические особенности языков) факторов. Тем не менее именно разнообразие поставленных задач, языкового материала, используемых методик позволяет исследователям прийти к целому ряду теоретически значимых выводов, имеющих важное прикладное значение, в том числе для методики преподавания L2 и устного перевода, создания систем синтеза и распознавания речи, применения в практике клинической лингвистики и других областях.

Список литературы / References

- Anansiripinyo, Thanaporn, & Onsuwan, Chutamanee. (2019) Acoustic-phonetic Characteristics of Thai Filled Pauses in Monologues. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 51—54. doi: 10.21862/diss-09-014-anan-onsu

- Baditzné Pálvölgyi, Kata. (2019) Hesitation Patterns in the Spanish Spontaneous Speech of Hungarian Learners of Spanish. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.), *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 35—38. doi: 10.21862/diss-09-010-badi
- Bakti, Maria. (2019) Error Type Disfluencies in Consecutively Interpreted and Spontaneous Monolingual Hungarian Speech. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 71—74. doi: 10.21862/diss-09-019-bakti
- Bellinghausen, Charlotte, Fangmeier, Thomas, Schröder, Bernhard, Keller, Johanna, Drechsel, Susanne, Birkholz, Peter, et al. (2019) On the Role of Disfluent Speech for Uncertainty in Articulatory Speech Synthesis. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 39—42. doi: 10.21862/diss-09-011-bell-etal
- Betz, Simon, & Kosmala, Loulou. (2019) Fill the Silence! Basics for Modeling Hesitation. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 11—14. doi: 10.21862/diss-09-004-betz-kosm
- Bóna, Judit. (2019) Self-monitoring in Children’s Speech. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 97. doi: 10.21862/diss-09
- Didirkova, Ivana, Dodane, Christelle, & Diwersy, Sascha. (2019) The Role of Disfluencies in Language Acquisition and Development of Syntactic Complexity in Children. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 85—86. doi: 10.21862/diss-09
- Gósy, Mária. (2019a) Halt Command in Word Retrieval. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 3—6. doi: 10.21862/diss-09-002-gosy
- Gósy, Mária. (2019b) Filler Words in Children’s and Adults’ Spontaneous Speech. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 89—90. doi: 10.21862/diss-09
- Grosman, Iulia, Simon, Anne Catherine, & Degand, Liesbeth. (2019) Empathetic Hearers Perceive Repetitions as Less Disfluent, Especially in Non-Broadcast Situations. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 23—26. doi: 10.21862/diss-09-007-gros-etal
- Gyarmathy, Dorottya, & Horváth, Viktória. (2019) Pausing Strategies with Regard to Speech Style. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 27—30. doi: 10.21862/diss-09-008-gyar-horv
- Horváth, Viktória, & Krepsz, Valéria. (2019) Filled Pauses in Children’s Spontaneous Speech — Aspects from Timing and Complexity. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 87—88. doi: 10.21862/diss-09

- Jankovics, Julianna, & Garai, Luca. (2019) Disfluencies in Mildly Intellectually Disabled Young Adults' Spontaneous Speech. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 79–82. doi: 10.21862/diss-09-021-jank-gara
- Jordanidisz, Ágnes, Mihály, Orsolya, & Bóna, Judit. (2019) Temporal Aspects of Disfluencies in Picture-elicited Story Telling before and after Intervention during the Dynamic Assessment of Children's Narrative Skills. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 100–101. doi: 10.21862/diss-09
- Keszler, Borbála, & Bóna, Judit. (2019) Pausing and Disfluencies in Elderly Speech: Longitudinal Case Studies. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 67–70. doi: 10.21862/diss-09-018-kesz-bona
- Krepsz, Valéria. (2019) Vowel Lengthening — Effect of Position, Age, and Phonological Quantity. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 59–62. doi: 10.21862/diss-09-016-krepsz
- Laczkó, Mária. (2019a) Temporal Characteristics of Teenagers' Spontaneous Speech and Topic Based Narratives Produced during School Lessons. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 63–66. doi: 10.21862/diss-09-017-laczko
- Laczkó, Mária. (2019b) Characteristics of Disfluencies in Teenagers' Spontaneous Speech and Topic Based Narratives Created During the Lessons. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 95–96. doi: 10.21862/diss-09
- Liu, Yi-Fen, & Tseng, Shu-Chuan. (2019) Use of Words in Story-telling Data of Chinese-speaking Hearing and Hearing-impaired Children. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 91–92. doi: 10.21862/diss-09
- Maekawa, Kikuo. (2019) Five Pieces of Evidence Suggesting Large Lookahead in Spontaneous Monologue. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 7–10. doi: 10.21862/diss-09-003-maekawa
- Markó, Alexandra, Csapó, Tamás Gábor, Bartók, Márton, Grácsi, Tekla Etelka & Deme, Andrea. (2019) Patterns of lingual CV coarticulation in Hungarian children's speech: The case of stops. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 93–94. doi: 10.21862/diss-09
- Moniz, Helena. (2019) Processing Disfluencies in Distinct Speaking Styles: Idiosyncrasies and Transversality. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 1–2. doi: 10.21862/diss-09-001-moniz
- Pap, Johanna. (2019) Effects of Speech Rate Changes on Pausing and Disfluencies in Cluttering. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 75–78. doi: 10.21862/diss-09-020-pap

- Redford, Melissa A. (2019) Implications of a Developmental Approach for Understanding Spoken Language Production. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 84. doi: 10.21862/diss-09
- Rose, Ralph L. (2019) The Structural Signaling Effect of Silent and Filled Pauses. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 19–22. doi: 10.21862/diss-09-006-rose
- Silber-Varod, Vered, Gósy, Mária, & Eklund, Robert. (2019) Segment Prolongation in Hebrew. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 47–50. doi: 10.21862/diss-09-013-silb-etal
- Suzuki, Shungo, & Kormos, Judit. (2019) The Effects of Read-aloud Assistance on Second Language Oral Fluency in Text Summary Speech. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 31–34. doi: 10.21862/diss-09-009-suzukorm
- Taschenberger, Linda, Tuomainen, Outi, & Hazan, Valerie. (2019) Disfluencies in Spontaneous Speech in Easy and Adverse Communicative Situations: The Effect of Age. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 55–58. doi: 10.21862/diss-09-015-tasc-etal
- Vakula, Tímea, & Szennay, Éva. (2019) Speech rate and pausing in school children’s speech. In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 98–99. doi: 10.21862/diss-09
- Watanabe, Michiko, Korematsu, Yusaku, & Shirahata, Yuma. (2019) “Uh” Is Preferred by Male Speakers in Informal Presentations in American English. The Effect of Age. In: R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 43–46. doi: 10.21862/diss-09-012-wata-etal
- Zhang, Hong. (2019) Variation in the Choice of Filled Pause: A language Change, or a Variation in Meaning? In R. L. Rose & R. Eklund. (eds.) *Proceedings of DiSS 2019, The 9th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, 12–13 September, 2019, Budapest, Hungary, 15–18. doi: 10.21862/diss-09-005-zhang

Сведения об авторе

Синеокова Татьяна Николаевна

доктор филологических наук, профессор,
 профессор кафедры английского языка
 переводческого факультета
 Нижегородского государственного
 лингвистического университета
 им. Н.А. Добролюбова
 E-mail: tatyana.sineokova@gmail.com

УДК 811.111'42:070

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-75-90

«ДРУГОЙ» В ЖАНРЕ 'LETTER TO THE EDITOR'

В. А. Тырыгина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Диалогическая речь рассматривается учеными как первичная естественная форма языкового общения, монолог осознается вторичным по отношению к диалогу. Целью данной статьи является анализ текстов жанра *Letter to the Editor (LTE)* с точки зрения материального присутствия в них «другого» как сигнала наличия категории диалогичности в монологическом тексте. Гипотеза состоит в том, что «другой», а именно адресат, визави субъекта *LTE*, не только имплицитно присутствует в текстах *LTE*, но эксплицитно материально, вербально. Новизна исследования определяется самим выбором подхода, манифестирующего категорию диалогичности на уровне не только глубинной, но и поверхностной структуры. Выбор эмпирического материала и исследовательского метода в настоящей работе обуславливается бахтинским пониманием диалога как универсального свойства речи. В монологической речи мы имеем дело с диалогом в широком смысле слова, который следует понимать как взаимоотношение, взаимосвязь позиции адресанта и адресата. В качестве материала исследования был привлечен корпус текстов жанра *LTE*, опубликованных в ежедневных периодических изданиях британской прессы — *The Times*, *The Daily Telegraph*, *The Independent*. В системе жанров медийного дискурса *LTE* является существенным и неотъемлемым звеном, активизирующим обратную связь с адресатом. Для достижения поставленной цели использовался метод выявления диалогических маркеров на текстовом, грамматическом и лексическом уровнях в монологической форме речи путем экстраполяции в нее различительных признаков диалогической формы речи. В результате проведенного исследования установлен широкий диапазон эндодиалогических маркеров от дотекстового (морфологического, синтаксического, лексического) до текстового (архитектонического) уровней, подтверждающих присутствие «другого» в монологическом тексте. Полученные результаты имеют теоретическую значимость для целого ряда смежных направлений современной лингвистики и, прежде всего, медийного дискурса (проецирования в нем институционально-ролевого аспекта), лингвистического жанроведения (жанровообразующая специфика адресата), лингвистической прагматики (обусловленность фактора адресата ситуативными конвенциями) и др. Использование результатов исследования в преподавании специальных курсов университетской программы определяет их практическую значимость.

Ключевые слова: жанр; монолог; диалогический маркер; медийный дискурс; категория диалогичности.

“Other” in the Genre ‘Letter to the Editor’

V. Tyryguina

Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

Scholars see dialogue as the primary natural form of language communication; monologue is recognized as secondary to dialogue. The purpose of this article is to analyze the texts of the genre ‘Letter to the Editor’ (LTE) in terms of material presence in them of “the other” as a signal of the dialogic category manifestation in the monologic text. The hypothesis is that in LTE texts “the other” – the addressee, vis-à-vis of the LTE subject – is not only implied, but actually materially, verbally explicated. The novelty of the study is determined by the choice of the approach, which makes the dialogic category overt at the level of not only the deep, but also of the superficial structure. The choice of research material and methods in this study is conditioned by M. Bakhtin’s understanding of dialogue as a universal property of speech. In monologic speech one is met with dialogue in the broader sense of the word, which may be understood as the mutual relationship, interaction between the position of the addresser and the addressee. The material for the research was taken from the corpus of texts assigned to the LTE genre and published by British daily periodicals, *The Times*, *The Daily Telegraph*, and *The Independent*. LTE is an essential and integral part in the generic system of media discourse as it invites feedback from the recipient. In order to achieve the intended objective of this research project, the author identified dialogic markers in the monologic text at textual, grammatical and lexical levels, extrapolating distinctive linguistic features from the dialogic form of speech into the monologic form of speech. The study has shown that a wide range of endodialogic markers, from pretextual (morphological, syntactical, lexical) to textual (architectonic) levels, manifests the presence of “the other” in the monologic text. The results of the study have theoretical significance for a number of related areas of modern linguistics and, above all, media discourse (in terms of projecting the institutional and role-specific aspects), linguistic genre studies (in relation to the genre-forming specificity of the addressee), linguistic pragmatics (the addressee factor in the light of situational conventions), etc. Practically, these research results may be used in teaching specialized courses of the university curricula.

Key words: genre; monologue; dialogic marker; dialogic category; media discourse.

1. Введение

В настоящей статье речь пойдет о том, что тексты, монологические с формальной точки зрения, в глубинном смысле являются диалогическими: в них могут как бы одновременно звучать голоса нескольких субъектов, в результате чего и возникает эффект диалогичности. Развёрнутая концепция диалога представлена в работах М. М. Бахтина, где диалог трактуется как бытийная философская категория: «Быть — значит, общаться диалогически», «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия» (Бахтин 1979: 294). Согласно М. М. Бахтину, «жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответственствовать,

соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всюю жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» (Бахтин 1979: 329). В унисон этому утверждению звучит мысль В. Н. Волошинова о том, что «реальной единицей языка-речи» является «не изолированное единичное монологическое высказывание, а взаимодействие по крайней мере двух высказываний, т. е. диалог» (Волошинов 1929: 137—138).

Вторичность монолога по отношению к диалогу осознавалась Л. В. Щербой еще в начале XX века. В своём исследовании восточно-лужицкого наречия академик заметил: «Все эти наблюдения лишней раз показывают, что монолог является в значительной степени искусственной языковой формой, и что подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (Щерба 1915: 3—4 приложения).

Диалог, в ходе которого происходит обмен высказываниями, столкновение разных позиций, актуализирует коммуникативную функцию языка, без него невозможно человеческое общение. В этой связи интересно понимание диалога М. Бубером, утверждавшим, что диалог — это отношение людей к друг другу, выражающееся в общении, причем язык не является главной составляющей диалога. Подлинная коммуникация может обходиться без слов, но всегда необходимо присутствовать в диалоге, «необходима взаимная направленность внутреннего действия», участники диалога должны быть обращены друг к другу. Общение между людьми, полагает М. Бубер, может находить выражение в звуке, слове или другой знаково-семиотической системе, но может вестись и в «необъективно постигаемой форме». В свои наивысшие моменты экзистенционального прояснения диалог может выходить за эти формы, «он совершается вне сообщаемого или доступного сообщению содержания, даже самого личного по характеру, и все-таки не в виде “мистического”, а в полном смысле *фактического* (выделено нами. — В. Т.), пребывающего в общем мире людей, в конкретной временной последовательности события» (Бубер 1999: 125 цит. по Зиновьевой). Здесь подчеркивается идея обращенности в диалоге к «другому» независимо от того, о какой бы знаково-семиотической системе или другой «необъективно постигаемой форме» не шла речь.

Интересным представляется взгляд на диалог как на способ решения некоторой проблемы усилиями двух собеседников, когда произносимые формулировки одновременно дают и фрагмент для решения проблемы, и основу для дальнейшего межличностного коммуникативного взаимодействия собеседников (Ungeheuer 1987: 156). Диалог может расцениваться как динамический процесс выбора из множества возможностей в рамках сложных взаимосвязей межличностных значений (Halliday 1984: 34). М. Халлидей трактует диалог на уровне социального контекста как процесс обмена, оперирующий двумя переменными величинами: 1) природа обмениваемых благ и 2) роли меняющихся сторон. К первым отнесены: материальные блага («Дайте, пожалуйста, этот журнал») и информация («Который сейчас день?»). В то же время различаются два вида ролей: 1) дающий и 2) просящий (требующий). Исполняя первый вид ролей, мы инициируем обмен, а при втором виде — отвечаем инициатору (Halliday 1984: 11). Говоря о месте и роли диалоге в человеческом обществе В. З. Демьянков выдвигает тезис, который вряд ли можно опровергнуть: «диалог не только создает (опосредованно) новые ценности в человеческом обществе, но и обладает самоценностью. Вычеркните общение из человеческой жизни. Останется ли в ней тогда что-либо человеческое?» (Демьянков 1992: 11).

Диалогические отношения складываются в процессе осуществления коммуникации во всех сферах человеческой деятельности. Любое монологическое высказывание, исходя из концепции Бахтина, потенциально диалогично: «...говорящий установлен именно на ...активно ответное внимание; он ждет... ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т. д.» (Бахтин 1979: 247). Присутствие, наличие в тексте «другого», т. е. другого субъекта, в концепции М. М. Бахтина связывается с идеей понимания как взаимопонимания, которое диалогично по своей природе: «Увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект (“Du”）」 (Бахтин 1975: 289—290).

«Другой» в диалоге выступает как активный участник речевого взаимодействия, а не просто является воспринимающей стороной. Диалог в узком смысле подразумевает непосредственное взаимодействие коммуникантов и представлен чередованием реплик.

Правомерно ли экстраполировать признак взаимодействия двух субъектов, свойственный диалогу в узком смысле слова, на диалог в широком смысле, и каковы формы этого взаимодействия? Поиск ответов на эти вопросы является целью настоящей статьи, на достижение которой направлен анализ текстов жанра *LTE* с точки зрения материального присутствия в них «другого». Гипотеза состоит в том, что «другой» (другой субъект), а именно — тот, с кем вступает в коммуникацию субъект *LTE*, не только имплицитно присутствует в текстах *LTE*, но и материально, вербально эксплицитно. Новизна исследования определяется самим выбором подхода, манифестирующего категорию диалогичности на уровне не только глубинной, но и поверхностной структуры.

2. Характеристика материала и методов исследования

Выбор материала и метода в настоящем исследовании обуславливается бахтинским пониманием диалога как универсального свойства речи. Бахтин различает диалог в узком смысле слова, понимаемый как форма речи, которая характеризуется сменой высказываний (реплик) двух говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией, а также диалог в широком смысле слова, т. е. два высказывания, отдалённые во времени и пространстве, между которыми существует смысловая связь, а, следовательно, обнаруживаются диалогические отношения (Бахтин 1986: 497).

В монологической речи мы имеем дело с диалогом в широком смысле слова, который следует понимать как взаимоотношение, взаимосвязь позиции адресанта и адресата. Монолог в современной лингвистике интерпретируется через призму диалога, признается вторичным явлением (Щерба 1957, Якубинский 1986), «смысловым развертыванием диалога», а также «сжатым диалогом» (Сметюк 1994: 7). В качестве материала исследования был привлечен корпус текстов жанра *LTE*, опубликованных в ежедневных периодических изданиях британской прессы — *The Times*, *The Daily Telegraph*, *The Independent*. В системе жанров медийного дискурса *LTE* является существенным и неотъемлемым звеном, активизирующим обратную связь с адресатом. Для достижения поставленной цели использовался метод выявления диалогических маркеров на текстовом, грамматическом и лексическом уровнях в монологической форме речи путем

экстраполирования у нее релевантных признаков диалогической формы речи.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Между диалогом в узком (строгом) и широком (нестрогом) понимании имеется сходство по следующим признакам: количество участников; наличие ролей инициатора и партнера (реагирующего); наличие интенциональности реплик; наличие культурного (общая база знаний участников диалога) и частично инструментального (использование вербальных средств) плана ситуации.

Различия проявляются по признаку пространственного критерия (контактность в первом случае, дистантность во втором); признаку временного критерия (синхронность в первом, асинхронность во втором), а также по признаку предметного плана ситуации (наличие окружающей физической реальности в первом случае и ее отсутствие во втором случае) и частично инструментального плана (в первом случае вербальные средства дополняются невербальными средствами, во втором случае используются только вербальные средства). С учетом установленных различий можно говорить о двух разновидностях диалога: контактно-синхронном и дистантно-асинхронном.

Контактно-синхронный диалог воплощается, например, в жанрах интервью (пресса), ток-шоу, «звонок в студию» (радио, телевидение), чат (Интернет); дистантно-асинхронный — в таких жанрах, как форум в Интернете, *LTE*. Ко второму типу диалога с полным правом можно причислить и тексты жанров комментария (*comment*), редакционной статьи (*editorial / leader*), портретного очерка (*profile*), рецензии (*review*) и т. д., так как признаки дистантно-асинхронного диалога в них налицо. Однако, на наш взгляд, жанр *LTE* существенно выделяется из ряда других медиажанров: во-первых, он представляет собой не журналистский, читательский материал; во-вторых, в нем категория диалогичности выражена не латентно, как в других журналистских — по признаку субъекта — жанрах, а открыто, так как он реализует обратную связь, отклик, реакцию на журналистский материал.

Тексты жанра *LTE*, будучи формально-условно монологом, по плану выражения, по факту, по плану содержания демонстрируют признаки диалога. Для описания всего спектра проявлений категории

диалогичности в жанре *LTE* представляется целесообразным дополнительно ввести понятия эндодиалогичности и экзодиалогичности как субкатегорий. *Эндодиалогичность* (внутритекстовая диалогичность) имеет отношение к обнаружению и описанию, маркеров диалогичности в границах текста письма самого по себе, *экзодиалогичность* (межтекстовая диалогичность) концентрируется на интеракции текстов, на характере и типах отношений, возникающих между ними. Предметом описания в настоящей статье является субкатегория эндодиалогичности и, соответственно, обнаружение внутритекстовых сигналов, указывающих на наличие эндодиалогических маркеров в *LTE*.

3.1. Средства обозначения «другого» в композиционно-содержательных элементах текстов *LTE*

Основными архитектурными компонентами текста *LTE* являются: 1) заголовок; 2) обращение к редактору; 3) отсылка к тексту-стимулу: ссылка на источник информации, введение в текст чужой позиции; 4) выражение своего отношения к чужой позиции; 5) формулирование собственной позиции; 6) аргументирование собственной позиции; 7) заключительная реплика. В отдельных письмах бывают представлены лишь некоторые из этих компонентов.

3.1.1. Ввод заголовков

Как правило, письма размещаются под заголовками, однако заголовки к отдельному письму или группе писем, объединённых общей темой, придумываются не авторами писем, а редакцией. Строго говоря, следовательно, заголовок здесь не элемент письма, а редакторский прием подачи публикуемого материала. Именно это имеет в виду С. Х. Аргашокова, подчёркивая, что основным формальным отличием текстов жанра «письмо редактору» от текстов других медийных жанров является отсутствие в них заголовков (Аргашокова 2010: 9—10). На наш взгляд, однако, не стоит вовсе игнорировать вспомогательную роль подобных заголовков. Они могут выполнять несколько функций: 1) выражать основную мысль письма или подборки писем, например: *America would be a better military ally than France; Sport is the loser if players don't try to win*; 2) называть тему письма, например: *Drug side-effects; Mental health care in prisons*; 3) создавать отсылку к тексту-стимулу, например, заголовки *Brace of broccoli* и *Stalking broccoli* содержат аллюзию на заголовок текста-стимула *Open season on broccoli* и включаются в

языковую игру, предложенную текстом-стимулом; 4) привлекать внимание двусмысленностью и непонятностью, когда подлинный смысл заголовка становится понятен только после прочтения письма, например: *Police pussyfooting*.

3.1.2. Ввод аппелятивов

Начинается письмо обычно с этикетного обращения: *Sir, my patients prefer to be under general anaesthesia during surgery* (The Daily Telegraph, August 14, 2013). С помощью *Sir* согласно конвенции жанра *LE* открывается диалог читателя с изданием. За аппелятивом *Sir* следует ссылка на текст-стимул, ссылки присутствуют почти в каждом письме, в них даётся указание на жанр (*letter, report*), номер газеты, иногда имя автора и название публикации: *Sir, Neil Davidson (letter, July 20) says milk processors have two revenue sources — what they are paid by retailers and what they receive from the sale of by-product cream* (The Times, July 28, 2015).

Sir, mercury can indeed cause stomach upsets (“Dentist ‘poison’ charge”, July 23) (The Times, July 28, 2012). Ссылки на источник информации *letter, July 20*; *“Dentist ‘poison’ charge”, July 23* выполняют также функцию указания на визави автора письма, инициировавшего реакцию читателя, автора письма.

3.1.3. Ввод чужой речи

Далее в текст вводится чужая речь либо в форме прямой речи (цитация), либо косвенной речи (пересказ) [пример выше], либо смешанной (пересказ плюс цитация):

Your story (30 April) about the new ranking of the world’s top 50 restaurants informs us that “Spain now outranks Paris and New York as the world’s culinary capital” (The Independent, May 1, 2013);

Harold Macmillan, when opening a lecture course in 1914, recalled the philosopher J.A. Smith thus: “Nothing that you will learn in the course of your studies will be of the slightest possible use to you in after life – save only this – that if you work hard and diligently you should be able to detect when a man is talking rot, and that, in my view, is the main, if not the sole, purpose of education” (The Daily Telegraph, August 16, 2013);

Sir, the government threatens to “name and shame” those who engage in tax avoidance schemes (report, July 23), even though no law has been broken and no crime has been committed (The Times, July 28, 2012).

Репрезентация третьих лиц в тексте письма обозначена именем собственным (*Neil Davidson, Harold Macmillan*), именем нарицательным (*your story, government*), глаголами говорения, ментального состояния (*says, threatens, recalled*).

3.1.4. Презентация чужой позиции и отношения к ней

Следующий возможный компонент письма — выражение своего отношения к чужой позиции. Часто передача речи третьих лиц и выражение отношения к ней объединяются в одном высказывании, иногда, следует отметить, эти два диалоговых хода идут последовательно.

*Sir, mercury can **indeed** cause stomach upsets (“Dentist ‘poison’ charge”, July 23) (The Times, July 28, 2016);*

*Sir, as the treasurer of numerous local societies **I find it galling** to read about the banks allowing millions of pounds going across exchanges illegally (The Times, July 28, 2014);*

*Sir, any attempt to make access to the family justice system quicker and more efficient for children and their families **is to be applauded** (letters, August 2) (The Times, August 3, 2012);*

*Sir, **I support** Yvette Cooper, the Planning Minister, in her renewed call for action against the harmful, and illegal, roadside advertising which is increasingly cluttering the countryside (report, July 31) (The Times, August 2, 2006).*

В приведенных примерах субъективно-оценочные комплексы (*indeed, I find it galling, is to be applauded, I support*) инкорпорируются в презентацию чужой позиции, и таким образом в рамках одного предложения реализуется взаимодействие двух позиций.

3.2. Способы синтаксической компрессии в представлении своей и чужой позиции

3.2.1. Объединение в одном высказывании своей и чужой позиции

Так как письмо редактору отличается краткостью, презентация чужой позиции и своей объединяются в одном высказывании, даже если изложение контраргумента синтаксически утяжелит его, например: *Sir, **it seems strange** that David Wighton **accuses** older workers of being less productive than their younger counterparts **when** the one example he gives, Mercedes Benz, demonstrates that **just the opposite is true**, with older workers outperforming younger workers in a highly physical working environment (The Times, August 3, 2017).*

Предложение интересно тем, что в нем присутствуют сразу несколько композиционных элементов жанра *LTE*, а именно — обозначение третьего лица (*David Wighton*), репрезентация смысловой позиции третьего лица (*older workers of being less productive than their younger counterparts*), выражение своего отношения к чужой позиции (*it seems strange, accuses*), опровержение чужой позиции (*when the one example he gives...demonstrates that just the opposite is true*).

Пятый компонент структуры *LTE* — формулирование собственной позиции — может срастаться с шестым компонентом, ее аргументированием, или меняться местами. Так, представив чужую смысловую позицию (*..the government threatens to “name and shame” those who engage in tax avoidance schemes..., even though no law has been broken and no crime has been committed*), автор *LTE* обрушивается на своего оппонента:

Thus a taxpayer’s reputation will be damaged without any recourse to the court for protection, the decision will be made by a civil servant acting under some statutory power. Under the common law and the European Convention everyone is entitled to a fair trial; what is now being proposed has more the appearance of mob rule and the guillotine than the proper observance of the rule of law. Worse still it has the look of an empty gesture; either tax is lawfully payable or it is not (The Times, July 28, 2014).

Союз *thus* открывает цепочку контраргументов автора письма (*everyone is entitled to a fair trial*), риторически усиленную повтором (*will be damaged, will be made*), антитезой (*mob rule and the guillotine vs rule of law*), градацией (*worse still it has the look of an empty gesture...*). Интересно заметить, что даже в изложении собственной позиции эксплицируется позиция оппонента (*what is now being proposed*).

За развернутым аргументированием следует формулирование собственной позиции:

The real problem here lies in the ineptness of the tax system and the incompetence of HM Revenue & Customs.

3.2.2. Цепочечное развертывание чужой позиции

В разных письмах пятый элемент (формулирование позиции) и шестой элемент (аргументирование позиции) могут быть представлены в различной последовательности, но почти всегда субъект *LTE* диалогизирует и полемизирует:

Sir, Matthew Syed makes a strong point that is the failure of the rules that encourages sportsmen and women to cynically lose matches, as the badminton players did at the Olympics. However, he ignores the fact that this is contrary to the Olympic oath, which is taken by one athlete on behalf of all competitors at the opening ceremony. Additionally, this cheats not only the spectators who have paid to watch the best of sport but also fellow competitors who might miss out on qualification for the next round because of manipulated results elsewhere in their group. Finally, when players deliberately lose to avoid a more difficult competitor surely they are cheating themselves (The Times, August 3, 2012).

Здесь вслед за презентацией чужой позиции (*Matthew Syed makes a strong point that...*) следует ее оспаривание, опровержение с помощью нескольких этических аргументов, сводимых к традиционному для англичан требованию «честной игры» (*fair play*), они последовательно вводятся с помощью союза *however*, а также наречий *additionally*, *finally*, которые подчёркивают порядок расположения аргументов, акцентируют приём нисходящей градации (спортсмены нарушают олимпийскую клятву, обманывают зрителей, своих товарищей, себя). Несогласие с чужой позицией также эксплицируется словами соответствующей семантики — *ignores*, *contrary*, *cheats*, которые вводят, транслируют другую позицию и тем самым служат маркером диалогичности.

3.2.3. Использование двухкомпонентных комплексов

Еще одним способом диалога смысловых позиций в *LTE* являются двухкомпонентные комплексы, в первом содержится допущение, во втором опровержение:

Sir, the proposals put forward may appear sound. They are, however, unrealistic, expensive and difficult to implement (The Times, July 19, 2006);

Sir, the proposed changes to the disciplinary role of the general Medical Council (report, July 15) seem sensible. To separate the judge and jury will be a fairer way of investigating. Yet, your report misses a key point... (The Times, July 19, 2006).

Первый компонент включает модальную конструкцию (*may appear*, *seem sensible*), второй — противительный союз (*however*, *yet*).

Другой вариант двухкомпонентного комплекса: квазисогласие или частичное согласие (*Yes*) vs возражение (*but*):

Yes, we need to build homes for people to buy, but we also need to build 10,000 new social homes a year to end Scotland's housing crisis for good (The Daily Telegraph, August 16, 2013). В одной фразе, таким образом, сталкиваются чужая и собственная диалоговые позиции.

3.2.4. Многократная смена смысловых позиций

Иногда на протяжении одного письма несколько раз происходит смена смысловых позиций, выстраивается внутренний диалог, в процессе которого формулируется некоторая позиция, а затем ей аргументированно противопоставляется другая: *Sir, the Crown Prosecution Service's decision not to prosecute any individuals over the fatal shooting of Jean Charles de Menezes (reports, July 15, 17 and 18) may look reasonable from a bureaucratic point of view. But it leads to the grotesque implication that, in 21st century Britain, an innocent civilian going about his lawful business may be killed without any crime having been committed. Surely a civilized society must reject such a conclusion... (1) It may seem harsh to prosecute police officers who were doing their job to the best of their ability, trying to protect the rest of us (2). It would be even worse, however, to give the police carte blanche to kill members of the public by mistake (3)* (The Times, July 19, 2006).

Здесь трижды используется двухкомпонентный комплекс: допущение vs опровержение. В первом случае (1) он представлен по полной схеме (*may look reasonable vs but, surely, must reject*), во втором (2) — в свернутом виде (*may seem harsh*), в третьем (3) — снова в полной форме (*would be even worse vs however*).

3.2.5. Случаи автодиалога

Субъект *LTE* может вступать в диалог с самим собой:

If some prisoners have the vote (report, November 2), where would they register?... They could be registered at the prison... (The Daily Telegraph, November 3, 2010).

Автор письма задаёт вопрос (*where would they register?*) и сам даёт на него ответ (*They could be registered at the prison...*). Здесь вопросно-ответный комплекс выступает как приём автодиалогизации, позволяющий чётко сформулировать проблему и сразу предложить её решение.

Постановка риторических вопросов также является маркером диалогичности, вопросы, обращённые к редактору, автору текста-стимула, к широкой аудитории читателей, стимулируют дальнейшее развитие диалога, например: *But will America recoil from a Britain that*

is now to share its deepest military secrets with Paris (The Daily Telegraph, November 4, 2010).

3.2.6. Речевые акты побуждения

К эндодиалогическим маркерам следует отнести выражения побуждения: советы, призывы, рекомендации. В большинстве случаев совет или рекомендация выражены некатегорично — с помощью модальных глаголов или в форме вопросительного предложения, например: *Sir, you paint a picture of a food-shortage crisis on the vegetable front, after high temperatures this summer. Would this not be an opportunity for supermarkets to stop rejecting vegetables that are of the incorrect shape and size?* (The Times, August 1, 2011). В подобных случаях вопросительная форма высказывания обладает модальностью побуждения к действию.

В завершающей фразе часто формулируется вывод, содержащий основной смысл письма и отражающий позицию самого автора письма, например: *What is therefore essential at this stage is to create the right institutional architecture to allow room for the new public health service to develop to its full potential* (The Daily Telegraph, November 2, 2010). Здесь основной смысл (*to create the right institutional architecture to allow room for the new public health service to develop to its full potential*) помещается в синтаксически выделенную рематическую позицию.

Вместе с тем встречались письма, которые завершались эмоциональным риторическим вопросом: *If that is not a green light to Israel, then what is?* (The Times, August 1, 2006) или призывом к действию с разной степенью категоричности: *Recall Parliament and discuss the whole matter now* (The Times, August 1, 2006); *Perhaps Ed Milliband, the Labour Party leader, could inform voters who wrote that manifesto* (The Daily Telegraph, November 2, 2010). В этих примерах риторический вопрос, осложненный гипотетической *if*-конструкцией (*If... then what is?*), императив (*Recall Parliament and discuss...*), субъективная модальность (*Perhaps... could inform...*) ориентированы на адресата и служат приглашением к дальнейшему диалогу.

4. Заключение

В качестве индикаторов наличия «другого» в исследуемом корпусе текстов LTE были выявлены следующие маркеры эндодиалогичности:

- этикетное обращение к редактору *Sir*;
- указание на визави (текст-стимул) через ссылку на текст-стимул, его жанр, название, автора и номер выпуска;
- включение в текст письма чужой речи — либо в форме прямой речи (цитация), либо косвенной речи (пересказ), либо смешанной (пересказ плюс цитация);
- репрезентация третьих лиц в тексте письма, обозначенных именем собственным или именем нарицательным, глаголами говорения, ментального состояния;
- взаимодействие в тексте письма двух позиций (чужой и своей);
- чужая и своя позиция могут быть выражены либо последовательно, либо объединяться в одном высказывании в форме двухкомпонентных комплексов, в первом содержится допущение, во втором — опровержение, при этом первый компонент включает модальную конструкцию, второй — противительный союз;
- выражение своего отношения к чужой позиции через субъективно-оценочные единицы и комплексы;
- автодиалогизация, т. е. вступление субъекта *LTE* в диалог с самим собой, формулирование и решение проблемы через вопросно-ответный комплекс;
- постановка риторических вопросов, обращённых к редактору, автору текста-стимула, к широкой аудитории читателей;
- побуждение к действию в форме советов, призывов, рекомендаций, выраженных посредством повелительного наклонения глаголов, модальных глаголов или вопросительных предложений.

Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о том, что факт интегрированности «другого» в текстах *LTE* не только имплицитно, но и материально, вербально эксплицитно.

Список литературы / References

- Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. [Bahtin, Mikhail M. (1975) *Voprosy literatury i jestetiki* (Literature and Esthetics Issues). Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. [Bahtin, Mikhail M. (1979) *Jestetika slovesnogo tvorchestva* (Esthetics of Writing). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

- Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. [Bahtin, Mikhail M. (1986) *Jestetika slovesnogo tvorchestva* (Esthetics of Writing.). Notes S. S. Averinceva, S. G. Bocharova. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Бубер М. Диалог // Два образа веры. М.: Изд-во АСТ, 1999. С. 122—191. [Buber, M. (1999) *Dialog* (Dialogue). *Dva obraza very* (Two Images of Faith) Moscow: Izd-vo AST, 122—191.
- Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929. [Voloshinov, V. N. (1929) *Marxizm i filosofija jazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke* (Marxism and Language Philosophy). Leningrad: Priboj. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Тайна диалога // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 10—44. [Demjankov, V. Z. (1992) *Tajna dialoga* (The Secret of the Dialogue). *Dialog: Teoreticheskie problemy i metody issledovanija* (Dialogue: Theoretical Problems and Research Methods). Moscow: INION RAN, 10—44. (In Russian)].
- Зиновьева А. А. Диалог с Другим: М. Бубер и М. М. Бахтин // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011 № 2. С. 40—49. [Zinovëva A. A. (2011) *Dialog s Drugim: M. Buber i M. M. Bahtin* (A Dialogue with the Other). *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2, 40—49.
- Сметюк, И. Н. Диалогический текст: коммуникативно-динамический и лингводидактический аспекты. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1994. [Smetjuk, I. N. (1994) *Dialogicheskij tekst: kommunikativno-dinamicheskij i lingvodidakticheskij aspekty*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. (Dialogic Text: Communicative-Dynamic and Linguadidadctic Aspects) Perm'. (In Russian)].
- Щерба, Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Т. 1. Петроград: тип. А.Э. Коллинс, 1915. [Shherba, Lev V. (1915) *Vostochno-luzhickoe narechie*. (Vostochno-Luzhickoe Dialect). Vol. 1. Petrograd: tip. A.E. Kollins. (In Russian)].
- Щерба, Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Просвещение, 1957. С. 113—129. [Shherba, Lev V. (1957) *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk*. (Modern Literary Russian Language). In Shherba, Lev. V. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* (Selected Works on the Russian Language). Moscow: Prosveshhenie, 113—129. (In Russian)].
- Якубинский, Л. П. Язык и его функционирование / отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1986. [Jakubinskij, L. P. (1986) *Jazyk i ego funkcionirovanie* (Language and Its Functioning). In A. A. Leontëv (ed.). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Halliday, M. A. K. (1984) Language as code and language as behaviour: A systemic-functional interpretation of the nature and ontogenesis of dialogue In. R. P. Fawcett, M. Halliday (eds.). *The semiotics of culture and language*: Vol. 1: Language as social semiotic. L.; Dover (N.H.): Pinter, 3—35.
- Ungeheuer, G. (1987) Kommunikationstheoretische Schriften. In: Sprechen, Mitteilen, Verstehen. Hrsg. v. Johannes G. Juchem; Aachen: Rader. (In German).

Источники языкового материала

The Daily Telegraph, <https://www.telegraph.co.uk>

The Independent, <https://www.independent.co.uk>

The Times, <https://www.thetimes.co.uk>

Сведения об авторе

Тырыгина Валентина Алексеевна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова
E-mail: paraval@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.611:811.112.2'373.611:811.582.3'373.611

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-91-110

**К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ
ПРЕФИКСОВ И ПРЕФИКСОИДОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(на примере русского, немецкого и тайского языков)**

К. Чусуван¹, А. В. Иванов²

¹Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

²Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена проблеме определения и классификации префиксов и префиксоидов существительных в разноструктурных языках. Понятийное содержание терминов «префикс» и «префиксоид» в разноструктурных языках является дискуссионным в силу разных точек зрения российских и зарубежных лингвистов. Понятийные различия, в свою очередь, обуславливают множественность терминологических номинаций исследуемого языкового объекта, поэтому один и тот же словообразовательный формант (префикс существительных в данном контексте) может получать различные наименования, такие как префикс, префиксоид, конфи́кс, преко́нфи́кс, начальная или первая часть сложных слов или элемент словосложения. Помимо этого, одинаковые словообразовательные форманты, прежде всего форманты иноязычного происхождения, могут рассматриваться и классифицироваться на основе разных критериев, предложенных лингвистами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью по-новому определить и классифицировать префиксы и префиксоиды существительных в разноструктурных языках, к каковым относятся русский, тайский и немецкий. Предметом исследования являются определение существенных характеристик и классификация префиксов и префиксоидов существительных на основе общих классификационных критериев, приемлемых для анализируемых языков с учетом точек зрения российских и зарубежных лингвистов.

В качестве материала для анализа выборочно используются лексемы, зафиксированные в словообразовательных и толковых словарях, а также лексемы, встречающиеся в научных исследованиях, посвященных данной проблематике. Научная новизна предлагаемого исследования заключается в попытке установления обобщенных критериев, позволяющих определить и классифицировать префиксы и префиксоиды в разноструктурных языках в русле сравнительно-сопоставительного подхода.

Результаты исследования могут быть использованы как инструмент моделирования префиксальных производных существительных в разноструктурных языках, а также рассматриваться как этап дальнейшего подобного анализа в области словообразования разноструктурных языков.

Ключевые слова: префикс; префиксоид; классификация; морфемный состав слова; синтетический язык; изолирующий язык; разноструктурные языки

**Determining and Establishing A General Classification of Prefixes and Prefixoids for
Nouns in Multistructural Languages
(A Case Study of Russian, German, and Thai Languages)**

Kritsada Chusuwan¹

¹Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

Andrey V. Ivanov²

²Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

This article examines the problem of classifying prefixes and prefixoids or half-prefixes for nouns in multistructural languages. The concept of prefixes and prefixoids in multistructural languages is debatable due linguists' different points of view, therefore, the same word-formation formant (prefix for nouns, in this context) can receive different names, such as prefix, prefixoid, confix, preconfix, initial or the first part of compound words or an element of compound words; in addition, in multistructural languages the same word-formation formant of foreign origin, especially Greek and Latin, may be considered and classified according to many other different criteria, proposed by linguists.

The relevance of the study is enhanced by the need to define and classify prefixes and prefixoids for nouns in multistructural languages (namely in Russian, Thai, and German) in a new way. The authors seek to determine and classify prefixes and prefixoids by establishing the most suitable criteria in the languages under analysis after an in-depth review of existing systems proposed by other linguists. As material for selective analysis, they use lexemes recorded in word-formation and explanatory dictionaries as well as data from relevant research by Russian and foreign linguists. Using the comparative approach, they attempt to establish the general criteria that would enable scholars to define and classify noun prefixes and prefixoids in multistructural languages, thus simplifying the existing system of analysis and classification. The results of this study may be used both as a tool for modeling prefixal derivatives of nouns in multistructural languages and as a constructive stepping stone for further similar research in word formation of multistructural languages.

Key words: prefix; prefixoid; classification; morphemic composition of a word; synthetic language; isolating language; multistructural languages

1. Введение

Префикс понимается обычно как аффикс, который помещается перед основой слова. Добавление префикса в начало одного слова, как правило, превращает его в другое слово. Например, когда префикс *не-* добавляется к слову *друг*, создается новое слово — *не|друг*. Префикс может также называться преформативным аффиксом, поскольку он изменяет форму слов, к которым он прикреплен. Префиксы могут быть либо флективными, создающими новую форму слова, которая сохраняет значение исходного слова и соотнесенность с той же лексической категорией (с известным допущением, что эта новая форма в предложении может выполнять иную функцию), либо словообразовательными, участвующими в

создании нового слова, которое получает новое значение и может относиться к другой лексической категории (Beard 1998: 44-45). Помимо префиксов в словообразовательной терминосистеме также используются номинации «полупрефикс» или «префиксоид», которые выступают в качестве грамматической морфемы, сходной по форме с лексемой, но не имеющей отдельного лексического значения. Подобные морфемы выполняют деривационную функцию, например: нем. *Bomben|geschäft* ‘выгодное дело’, где *Bomben-* является префиксоидом (в терминологии М.Д. Степановой — «полупрефиксом» [ССЭНЯ 1979: 91]), тай. *มินโดม* [míʔ níʔ do:m] ‘мини-дом’, где *มิน-* [míʔ níʔ-] выступает в качестве префиксоида.

Вопрос, связанный с установлением статуса префикса и префиксоида в разноструктурных языках, находится в центре нашего внимания, что обуславливает цель исследования — определить и классифицировать префиксы и префиксоиды существительных в разноструктурных языках, а также попытаться выявить наличие некоего общего критерия, применимого к анализу морфемной структуры слова любого языка. В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие задачи: 1) исследовать точки зрения лингвистов, касающиеся сущностных характеристик и классификации префиксов и префиксоидов существительных; 2) рассмотреть существующие определения и классификации префиксов и префиксоидов на предмет их применимости к морфемному анализу слова в языках с различной структурой; 3) сформулировать критерии определения префиксов и префиксоидов существительных и классифицировать их с учетом структурных свойств анализируемых языков.

Теоретическую базу исследования формируют работы российских и зарубежных лингвистов, в том числе В.Н. Немченко, Е.А. Земской, И.С. Улуханова, М.Д. Степановой, Е.В. Сенько, О.Н. Ляшевской, Л. Ортнер, Х. Ортнера, В. Флейшера, Г.-Д. Шмидта, Л.Н. Морева, П. Сириаксорнсата, С. Мадженга и др. В качестве анализируемого материала выступают примеры из различных словарей, таких как Словарь модных слов (Новиков 2016), Словарь-справочник аффиксоидов русского языка (Козулина и др. 2009), Словарь словообразовательных элементов немецкого языка (ССЭНЯ

1979), Das Bedeutungswörterbuch (Duden 2004), Deutsches Wörterbuch (Wahrig 1986), Тайско-русский словарь (Морев 1964а) и др.

2. Степень разработанности изучаемой проблематики применительно к исследуемым языкам

2.1. Определение и классификация префиксов и префиксоидов в русском языке

Исконно русские префиксы существительных бывают двух видов: простые и сложносоставные. Большинство простых префиксов совпадают по форме и значению с соответствующими предлогами, например, пространственно-ориентирующими: *до-*, *за-*, *между-*, *пред-* и др. Возникшие из предлогов префиксы часто образуют существительные с одновременным добавлением суффикса, например, *Пред|урал|ь|е*; *За-байкал|ь|е*. Другим типом простого префикса является агглютинативный префикс, который возникает из служебного слова, например *не-*, образованный из омонимичной частицы (Немченко 1984: 212; Земская 2000: 88).

Среди сложносоставных префиксов есть ряд исконных русских префиксов, таких как *сверх-*, возникший из сложносоставного образования, *испод-* и являющийся двойным префиксом, в состав которого входят части, образованные от соответствующих предлогов *из* и *под* (или сложного предлога *из-под*), например: *испод|воль* и др. (Немченко 1984: *ibid.*).

В русском языке обнаруживаются также префиксы иноязычного происхождения, прежде всего, латинского и греческого. Следует отметить, что префиксы иноязычного происхождения являются простыми префиксами по форме, например: *пост|импрессионизм* (лат.), *ре|импорт* (лат.), *анти|глобализация* (греч.), *контр|версия* (лат.)

Классификация русских префиксов может быть основана на разных критериях: 1) состав: простые и сложносоставные; 2) сочетаемость: свободные и зафиксированные только для определенной основы слова; 3) участие в словообразовании: префиксы, выступающие вместе с другим аффиксом при образовании нового слова, и префиксы, достаточные для образования нового слова; 4) происхождение: исконно русские и префиксы иноязычного происхождения; 5) семантика.

Иногда предпринимаются попытки классифицировать префиксы с учетом нескольких из вышеперечисленных критериев.

Определение и классификация префиксов осложняется в том случае, если некоторые префиксы иноязычного происхождения (греко-латинские) рассматриваются в качестве префиксоидов или первой части сложных слов. К примеру, греческий префикс *мега-*, с одной стороны, является префиксом для единиц измерения, поскольку он используется при образовании наименований и обозначений десятичных кратных единиц. Новые слова с этим префиксом возникают в иностранном языке, а затем заимствуются в русский язык, например: *мега|бит*, *мега|ватт*. При этом *мега-* считается префиксоидом, обозначающим высшую степень оценочности чего-либо (Сенько 2014), например, в словах *мега|вечеринка*, *мега|банк*, образованных по общей модели: префикс (префиксоид) + существительное. Эту точку зрения разделяют также Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова (Козулина и др. 2009: 102).

В некоторых работах, например, в словаре В.И. Новикова, морфемы типа *мега-*, *гига-*, *нано-* и подобные им отнесены к разряду префиксов, а не префиксоидов (Новиков 2016: 261). Вопреки этому утверждению Т.Ф. Ефремова считает образования *мега-*, *гига-*, *нано-* и т.п. начальной частью сложных слов (Ефремова 2000). Морфема *мега-* как представляется, должна быть отнесена к классу префиксов, поскольку не может функционировать в качестве корневой морфемы; ср., например, с морфемой *авиа-*, которая выполняет функцию префикса, но может быть и самостоятельным корнем, участвуя в образовании слов с добавлением суффикса: *авиа|ция*, *авиа|тор*. По этой причине *авиа-*, если не выступает в качестве корневой морфемы, может являться только префиксоидом (Ляшевская 2016: 231). Таким образом, начальную часть сложных слов следует считать префиксоидом именно в силу выполняемой ею функции в составе сложного слова, а также с учетом того, что эта часть сложного слова в иных случаях способна выступать в качестве корневой морфемы.

Начальные части сложных слов, по мнению ряда лингвистов (Е.В. Сенько, Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова и др.), образуются различными способами: 1) в результате аббревиации, например: *СПИД-* «синдром приобретенного иммунного дефицита»; 2) в результате сокращения или образования от полного слова (от прилагательного, существительного или словосочетания), например: *худ-* от «художественный», *гос-* от «государственный»; 3) от названия

числа в форме родительного падежа, например: *десяти-* от «десять»; *сорока-* от «сорок». Начальные части такого типа содержат окончания как конфиксы в сложных словах, например: *десяти|лет|ие*, *тринадцати|уголь|ник*. В данном случае процесс образования слова сопровождается суффиксацией, присоединением к производящей основе суффикса (сложносуффиксальный способ) (Улуханов 1996: 39), поэтому образованные от названия числа начальные части сложных слов, где, очевидно, используется конфикация, можно не рассматривать как префиксоиды, так как с их помощью словообразование осуществляется по другому типу.

С учетом семантики и узуальных норм представляется целесообразной классификация русских префиксоидов в соответствии со сферой их употребления. Сферы отображаемой в языке действительности, использующие терминологию, в состав которой входят префиксоиды, можно представить следующим образом: 1) сфера, связанная с физическим состоянием человека (*лапаро|скоп*, *СПИД|центр*); 2) научно-техническая сфера (*мега|наука*, *фито|планктон*); 3) сфера бизнеса и экономики (*инвест|банк*, *инвест|поддержка*, *эконом|география*) (Сенько 2014).

Кроме того, возможна классификация данных морфем по происхождению: префиксоиды исконно русские и префиксоиды иноязычного происхождения.

2.2. Определение и классификация префиксов и префиксоидов в немецком языке

Префиксы существительных в немецком языке, так же, как и в русском, происходят от предлогов, например, префиксы *An-*, *Auf-*, *Aus-*, *Mit-*, *Nach-*, *Neben-*, *Vor-*, *Gegen-* и др. Данные префиксы являются простыми. В число простых немецких префиксов включаются также агглютинативные префиксы, возникшие из разных омонимичных частей речи, например: *Erz-* и *Ur-*, выступающие в качестве префиксов, омонимичных соответствующим свободным существительным *Erz* и *Ur*, в то время как префикс *Un-* возникает из омонимичной частицы (Fleischer 1976: 218).

Определение и классификация немецких префиксов и префиксоидов также являются предметом дискуссии. Морфемы *Haupt-* и *Grund-*, согласно В. Фляйшеру, включаются в ряд префиксов, омонимичных свободным существительным. В противоположность этому Эскуп и Эрбен предпочитают

рассматривать отсубстантивные и отадективные префиксы как префиксоиды (Ascoop 2005: 17-28; Erben 2000).

Критерием различения префиксов и префиксоидов М.Д. Степанова признает их происхождение. В немецком языке существуют пять префиксов *Un-*, *Miss-*, *Ur-*, *Erz-* и *Ge-*, которые, по мнению М.Д. Степановой, являются исконно немецкими истинными префиксами, поскольку они известны с древнейшего периода развития немецкого языка и до сих пор остаются продуктивными, в то время как префиксы, образованные от предлогов (*An-*, *Auf-*, *Mit-*, *Nach-*, *Neben-* и др.), рассматриваются ею не как префиксы, а префиксоиды (Степанова 1953: 147).

В ряду упомянутых М.Д. Степановой префиксов выделяется префикс *Ge-*, который может участвовать в образовании производных существительных вместе с суффиксом *-e*. Такие производные образования зачастую относятся к разряду экспрессивной лексики, так как выражают оттенок пренебрежения или осуждения, например: *Ge/pfeife*, *Ge/krätze*, *Ge/quake* (Степанова 1953: *ibid.*).

Префиксоиды иноязычного происхождения, по мнению Г. Шмидта, рассматриваются как комбинемы со статусом базового элемента или потенциального элемента словосложения и могут подразделяться на следующие виды: 1) комбинемы (комбинемы, способные выступать в качестве элементов словосложения): префиксоиды как препонемы (комбинемы, стоящие в производном слове только на первом месте), например, *Euro-*, *Bio-*, *öko-*; 2) баземы (комбинемы, способные выступать в качестве базового слова), например, *anarch-*; 3) базоккомбинемы (комбинемы, способные выступать и в качестве базового слова, и в качестве элементов словосложения), например, *agro-*, *hydro-* (Schmidt 1987: 53-101).

Проблема определения немецких префиксов и префиксоидов осложняется еще и тем, что в концепцию словообразования был введен термин «конфикс». Конфиксы, согласно П. Айзенбергу, соединяются друг с другом, но иногда с корнями, а затем появляются, скорее, как префикс (Eisenberg 1998: 233-286).

Здесь нужно пояснить, что в лингвистике конфикс (другое название: циркумфикс) в целом трактуется как аффикс, состоящий из двух частей, одна из которых расположена в начале слова, а другая в конце (Bickel, Comrie, Haspelmath 2008). В русской германистике термин «конфикс» употребляется несколько в другом смысле.

Конфиксы или циркумфиксы являются прерывистыми морфемами, предполагающими друг друга и выступающими в комбинаторике. В рамках префиксально-суффиксального субстантивного словообразования можно указать, например, на комбинацию префикса *Ge-* с различными суффиксами: *Ge- + -e* (*Geklopfe, Gebilde, Gebirge, Gerenne, Gefluche*), *Ge- + -0* (*Gegrübelt, Gejammer*), *Ge- + -t* (*Gehöft, Geläuft, Gefünft*), *Ge- + -st* (*Geschwulst, Gespinst*) и т.д. (Мурясов 1992: 104).

В предисловии к толковому словарю иноязычных слов Л.П. Крысина языковые элементы, являющие конфиксами в немецком языке, описываются как иноязычные морфемы, хотя в русистике термин «конфикс» в этом значении не употребляется (Крысин 2008; Нефедова 2018).

В отличие от аффиксов конфиксы разделяются на:

- 1) преконфиксы, например: *geo-, astro-, biblio-, bio-, elektro-* и др.;
- 2) постконфиксы, например: *-mat, -port, -thek* и др.;
- 3) конфиксы, которые могут быть как первым, так и вторым компонентом слова, например: *-naut-, -therm-* (Крысин 2008).

Х. Ортнер и Л. Ортнер вводят дополнительно термин «близкий к аффиксоиду (близкий к префиксоиду и суффиксоиду) элемент» (Ortner H., Ortner L. 1984: 29-30). В ряд близких к префиксоиду элементов при этом включаются морфемы *Schein-, Schatten-, Moechtegern-, Halb-, Vollblut-, Voll-, Edel-, Qualitäts-, Liliput-, Mindest-, Monster-* и др. Однако некоторые из близких к префиксоиду элементов, такие как *Halb-, Voll-, Monster-*, рассматриваются в некоторых словообразовательных словарях в качестве конфиксов или преконфиксов (ССЭНЯ 1979; Duden 2004).

Определяя сущность префиксоидов и начальной части сложных слов, М.Д. Степанова иллюстрирует свои рассуждения следующим примером: морфема *Groß-* часто употребляется в качестве начальной части сложных слов (ср.: *Groß|stadt* ‘крупный город’, *Groß|flugzeug* ‘тяжелый самолет’ и т.п.), но при этом не претерпевает семантического изменения. С другой стороны, *Groß-* может употребляться и в метонимическом переносном значении, выступая в составе ряда лексем уже в качестве префиксоида, например: *Groß|kaufmann* ‘крупный коммерсант’; *Groß|bauer* ‘кулак’ (ср. с антонимами, образованными при помощи префиксоида *Klein-*:

Klein/händler ‘мелкий торговец’, *Klein/bauer* ‘крестьянин-бедняк’, ‘мелкий фермер’) (Степанова 1953: 155).

Анализ положений, высказанных разными лингвистами по проблеме префиксов и префиксоидов, показывает, что сформулировать определение описываемых аффиксов, удовлетворяющее всем точкам зрения на них, довольно трудно. На наш взгляд, вопреки мнению М.Д. Степановой, префиксы, происходящие от предлогов, следует включать именно в ряд префиксов, а не префиксоидов, так как, в ходе анализа современной системы словообразования немецкого языка не всегда оказывается возможным и необходимым учитывать только исторический критерий применительно к оценке статуса немецких префиксов. Не слишком удачным представляется также определение префиксоида как конфикса (тж. преконфикс и постконфикс), поскольку это противоречит универсальному понятию конфикса в контексте общих принципов словообразования. В целях конкретизации и уточнения искомого критерия представляют интерес определения, встречающиеся в ряде обследованных нами словарей немецкого языка «Das Bedeutungswörterbuch» (Duden 2004) и «Deutsches Wörterbuch» (Wahrig 1986).

Основанием для классификации немецких префиксов могут, на наш взгляд, служить следующие критерии: 1) состав префикса (простые и сложносоставные); 2) происхождение (исконно немецкие префиксы и префиксы иноязычного происхождения); 3) участие в разных видах словообразования (чистый префикс и префикс, имеющий связь с другим способом словообразования); 4) семантика; 5) сфера употребления.

Что касается классификации префиксоидов, то здесь также могут быть выделены несколько критериев: 1) происхождение (исконно немецкие префиксоиды и префиксоиды иноязычного происхождения); 2) семантика (соотнесенность с семантическими группами); 3) сфера употребления.

2.3. Определение и классификация префиксов и префиксоидов в тайском языке

Тайский язык, в отличие от русского и немецкого языков, относится к языкам изолирующего типа. В тайском словообразовании используется небольшое количество префиксов. К сожалению, не существует однозначного определения терминов «префикс» и

добавляются к существительным с целью выражения определенной семантической категории.

Первичные семантические поля, представленные радиальными категориями производных с префиксоидами ករ- [kràʔ] и ក- [kàʔ], включают следующие понятия: животные (ករត្រក [kràʔ rō:k] ‘белка’), в том числе рыбы (ករឃ្លា [kàʔ pʰoŋ] ‘окунь’) и насекомых (ករខ្នុរ [kràʔ tɕʰo:n] ‘медведка’), растения (ករឃ្លា [kàʔ pʰraw] ‘базилик’), сосуды и контейнеры (ករឃ្លា [kràʔ pùk] ‘баночка’) (Siri-Aksornsat 1996: 43; Blimes 1998). Префиксоид ម- [máʔ] включает понятие ‘растение, овощи и фрукты’ и существительное появляется в форме ម- [máʔ] + корень, например: មឃ្លា [máʔ pʰrá:w] ‘кокос’, មឃ្លា [máʔ mû:aŋ] ‘манго’, មឃ្លា [máʔ pra:ŋ] ‘гандария’ (Noss 1964: 50). Префиксоид ម- [máʔ] появляется также в названиях календарей, имеющих кхмерское происхождение, например: មឆ្នាំ [máʔ mi:a] ‘год Лошадь’, មឆ្នាំ [máʔ mɛ:] ‘год Козы’, មឆ្នាំ [máʔ ro:ŋ] ‘год Дракона’ (Miyake Hideo 2008: 299).

Однако в тайском языке имеется ряд других компонентов, таких как исконно тайская начальная часть сложных слов, начальная часть сложных слов любого иноязычного происхождения, префиксы греческого, латинского, английского происхождения, которые не всегда четко обозначены и разграничены в работах лингвистов как префиксы или префиксоиды. Многие зарубежные лингвисты-таеведы (Louis Golomb, Peter Spiros, Eric Jenks, Л.Н. Морев), а также некоторые тайские лингвисты (Cholthicha Sudmuk, Asanee Kawtrakul и др.), зачастую опираясь на сопоставление грамматики тайского языка с грамматиками английского или других языков, используют термин «префикс» для обозначения всех начальных частей сложных слов, независимо от их происхождения: исконно тайского, санскрита, кхмерского или пали (Морев 1964а: 442; 1964b: 88).

Некоторые префиксоиды, по происхождению санскритские и пали, могут становиться отдельным словом в процессе контаминации. Например, префиксоид រាតត្រា - [râ:t tɕʰá] превращается в существительное រាតត្រា [ra:tɕʰa:] ‘относящийся к королю или королеве’, причем значение префиксоида сохраняется, или в слово без конкретного значения រាតត្រា [ra:tɕʰu:], រាតត្រា [ra:tɕʰo:], но явно соотносящееся с предыдущим значением រាតត្រា - [râ:t tɕʰá. Такой процесс можно обозначить термином «депрефиксация» (Thai words borrowed... 2017: 162; Makjang 1984: 38).

Опираясь на критерии, выявленные для характеристики префиксоидов в русском и немецком языках, можно включить в ряд тайских префиксоидов следующие отдельные слова: คี้ - [k^hi:] ‘кал’, แม่ - [mê:] ‘мать’, พ่อ - [p^hô:] ‘отец’, поскольку с их помощью возникают переносные значения в производных словах. คี้ - [k^hi:] обозначает ‘кал’ или ‘испражнение’, но также позволяет образовать производные слова с указанием на аугментативность, иногда диминутивность и сильную пейоративность: คี้ - [k^hi:] + เมฆ [mê:k] ‘облако’ = คี้เมฆ [k^hi: mê:k] ‘маленькое облачко, появляющаяся перед дождем’, здесь реализуется диминутивность и отрицательно-оценочное значение; คี้ - [k^hi:] + กลัว [klu:a] ‘боязливый’ = คี้กลัว [k^hi: klu:a] ‘высокая степень боязливости’ (аугментативность). แม่ - [mê:], พ่อ - [p^hô:] не только обозначают ‘мать’, ‘отец’ и то, что с ними связано, но и указывают на физический пол соотносимого с этими реалиями лица, например: แม่ - [mê:] + ครัว [mê: k^hru:a] ‘кухня’ = แม่ครัว [mê: k^hru:a] ‘повариха’; แม่ - [mê:] + บ้าน [bâ:n] ‘дом’ = แม่บ้าน [mê: bâ:n] ‘домохозяйка’; พ่อ - [p^hô:] + เมือง [mɯ:əŋ] ‘город’ = พ่อเมือง [p^hô: mɯ:əŋ] ‘руководитель’ (мутационное значение).

Говоря о префиксах греческого, латинского и английского происхождения, таких как ไบโอ - [baj ʔo:] ‘био-’; กิก้า - [kiʔ kâ:] ‘гига-’; เมกะ - [me: kâ:] ‘мега-’ и др., нужно отметить, что они квалифицируются в тайском языке либо как префиксоиды, либо как начальные части сложных слов, однако в случае их сопоставления с аналогичными морфемами русского, немецкого или других разноструктурных языков следует рассматривать такие префиксы как префиксоиды с учетом их иноязычного происхождения.

Классификация префиксов и префиксоидов в тайском языке может быть основана на следующих критериях: 1) сочетаемость: свободные и зафиксированные только для определенной основы слова: связанные и свободные префиксы / префиксоиды; 2) происхождение: исконно тайские префиксоиды, префиксы иноязычного происхождения (из языка пали и санскрита) и префиксоиды иноязычного происхождения (из языка пали, санскрита, греческого, латинского и английского); 3) связь с разными способами словообразования: чистый префикс и префикс, используемый при другом способе словообразования; 4) семантика (соотнесенность с семантическими группами); 5) сфера употребления.

3. Сопоставительный анализ префиксов и префиксоидов в языках с различной структурой с учетом семантического критерия

В соответствии с семантическим критерием префиксы и префиксоиды в разноструктурных языках можно разделить на следующие группы:

1) увеличительный префикс или префиксоид: префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных с увеличительным или аугментативным значением, например, нем. *Haupt-* + *Problem* = *Haupt/problem*, *Haupt-* + *Abnehmer* = *Haupt/abnehmer*. В. Фляйшер отмечает, что префикс *Haupt-* передает также эмоциональную коннотацию, но в меньшей степени по сравнению с другими префиксоидами, такими как *Blitz-* (*Blitz/tempo*), *Atom-* (*Atom/busen*), *Hund-* (*Hund/arbeit*), *Scheiß-* (*Scheiß/prüfung*) и др. (Fleischer 1976: 220-221). В тайском языке существуют увеличительные префиксоиды иноязычного происхождения — из языка пали и санскрита, которые одновременно передают эмоциональный оттенок смысла, причем эмоциональность может усиливаться или ослабевать в зависимости от производящей основы. В случае если производящая основа является словом, заимствованным из языка пали или санскрита, и соединяется с префиксоидом в аугментативной функции, производное слово обладает слабой эмоциональной коннотацией, если же производящая основа является исконно тайским словом или заимствованием из греческого, латинского, английского языков, то производное будет обладать более ясным эмоциональным оттенком смысла, например: *อภิปัญญา* [ʔà pʰíʔ paŋ ja:] ‘метакогниция’ (префикс пали или санскрита, + существительное, заимствованное из пали или санскрита) — эмоциональная коннотация слабая; *มหาคอร์ปชั่น* [má hà:k ʔà ráp tɕʰân] ‘сильная коррупция’ (префикс пали или санскрита, + существительное, заимствованное из английского языка) — эмоциональная коннотация сильная. Однако нужно отметить, что исконно тайский префиксоид *ჭ* - [kʰí:] ‘кал’ и префиксоид иноязычного происхождения *ซูเปอร์* [súʔ pɕ:] ‘супер-’ всегда образуют производные с аугментативным значением и ясно выраженной эмоциональной коннотацией, например: *ჭ | ก ลัว* [kʰí: klu:a] ‘очень испуганный’, *ซูเปอร์หมา* [súʔ pɕ: mǎ:] ‘суперсобака’;

2) уменьшительно-ласкательный префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных с уменьшительно-ласкательным значением, например, *мини-*, *Mini-* и *มินิ* - ‘мини-’ в русском, немецком и тайском языках соответственно: рус. *мини-банк*, нем. *Mini-Abteilung*, тай. *มินิ|บ้าน* [míʔ níʔ bâ:n] ‘мини-дом’;

3) префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных со значением восторга и/или уважения. Наше исследование показало, что в тайском языке такие префиксоиды существуют и имеют иноязычное происхождение (язык пали и санскрит) — *คุณ* - [kʰun], *ท่าน* - [tʰân], *คุณ* - [nǔ:], *หลวง* - [lǔ:ɑŋ], например: *คุณ | พ่อ* [kʰun pʰô:] ‘уважаемый господин отец’; *คุณ|เด็กหมวกแดง* [nǔ: dèk mù:ak dɛ:ŋ] ‘милая госпожа девушка в красной шапке’;

4) пейоративный префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных со сниженным (отрицательным) значением. Префиксы и префиксоиды с таким значением используются в русском, немецком и тайском языках. В русском и немецком языках префиксы и префиксоиды *псевдо-*, *Pseudo-* можно считать пейоративными, но отрицательное значение проявляется в них слабее по сравнению с некоторыми другими префиксами и префиксоидами, такими как рус. *лже-*, нем. *Sau-*, *Scheiß-*, тай. *ขี้* - [kʰî:], которые выражают отрицательно-оценочное значение, отрицательные эмоции в более высокой степени;

5) мелиоративный префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных с положительно-оценочным значением. К этому типу относятся исконно тайские префиксоиды *คุณ*- [kʰun] *คุณ*- [nǔ:], например: *คุณ|พ่อ* [kʰun pʰô:] ‘отец’ *คุณ|ยิ้ง* [nǔ: jǐŋ] ‘Яинг’ (имя собственное);

6) эвфонический префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных с приятным для слуха подбором звуков. В тайском языке такие префиксоиды не имеют собственного значения. Они прибавляются к производящей основе для создания благозвучия. К этому типу относятся исконно тайские префиксоиды *эй*- [ʔâ:j], *คุณ* - [nǔ:], например: *эй|เม้ง* [ʔâ:j mé:w] ‘Мэо’ (имя собственное); *คุณ|ยิ้ง* [nǔ: jǐŋ] ‘Яинг’ (имя собственное);

7) какофонический префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных с неприятным для слуха

подбором звуков. Подобные префиксы и префиксоиды прибавляются к производящей основе для создания неблагозвучия, иногда с целью выражения невежливости, пейоративности и высшей степени негативных эмоций. К этому типу относятся исконно тайские префиксоиды ไ้อ์ - [ʔâj] и อี - [ʔi:], например: ไ้อ์|เม้ง [ʔâj mé:w] ‘Мэо’ (имя собственное); อี|หญิง [ʔi: jǐŋ] ‘Яинг’ (имя собственное);

8) префикс или префиксоид почетного наименования, участвующий в образовании производных существительных, обозначающих наименование. Такой префиксоид обнаруживается в тайском языке, а также в нескольких языках стран юго-восточной Азии (кхмерский язык и языки маленьких племен в юго-восточной Азии). К ним относятся тай. นาย - [na:j], นาง - [na:ŋ], คุณ - [kʰun], ท่าน - [tʰâ:n], и ุ - [nǐ:] и др., например: ท่าน|เด็ง [tʰâ:n dɛ:ŋ] ‘уважаемый господин Дэнг’ (имя собственное). Некоторые префиксоиды этой группы не только подчеркивают почетный характер наименования, но и передают мелиоративное и уменьшительно-ласкательное значения, а также добавляют благозвучия производным словам;

9) локативный префикс или префиксоид, участвующий в образовании производных существительных, имеющих пространственное значение. К этому типу префиксов (префиксоидов) относятся следующие: нем. *Außen-*, *Hinter-*, рус. *за-*, например: нем. *Außen/bezirk*, рус. *За|байкал|ье*;

10) отрицательный префикс или префиксоид, участвующих в образовании производных существительных с отрицательно-оценочным значением. К этому типу относятся следующие префиксы и префиксоиды: нем. *Un-*, рус. *не-*, тай. อ - [ʔà], например: нем. *Un/freund*, рус. *не|друг*, тай. อ|มิตร [ʔà mít] ‘недруг’;

11) префикс или префиксоид поддержки или противопоставления, участвующий в образовании производных существительных со значением ‘за что-либо’ или ‘против чего-либо’. К этому типу относятся следующие префиксы и префиксоиды: нем. *Gegen-*, рус. *контр-*, тай. ไ้| - [pro:], например: нем. *Gegen/beispiel*, *Anti/demonstration*, рус. *анти|реклама*, тай. ไ้| | สมบุ รณ าย าสี ธิ ราช [pro:sǒmbu:nna: ja: sǐtʰíʔ rā:t] ‘про-монархия’;

12) префикс или префиксоид времени и порядка, участвующий в образовании производных существительных, содержащих указание на время, период и порядок. К этому типу относятся такие префиксы и префиксоиды как нем. *Vor-*, *Zwischen-*, рус. *пред-*, тай. อ ุ - [ʔà núʔ],

например: нем. *Zwischen/finanzierung*, рус. *пред|романтизм*, тай. *๑๙|๓๕๕๗ [ʔà núʔ pʰan rá ja:]* ‘вторая, третья или последующая жена’, ‘наложница’.

Виды префиксов в данной классификации выделены с учетом выражаемого ими значения и многозначности некоторых из них, поэтому они могут включаться в разные семантические группы. Однако, поскольку существуют также префиксы и префиксоиды с уникальными значениями, то их классификацию по семантическому основанию следует рассматривать как дополнительную.

4. Заключение

Установление общих критериев для определения префикса и префиксоида в разноструктурных языках требует анализа существующих точек зрения лингвистов на изучаемую проблему. Сопоставление ряда лингвистических работ, посвященных анализу исследуемых словообразовательных формантов, дает возможность сформулировать некоторые выводы, проливающие свет на сущностные характеристики префиксов и префиксоидов.

1. Префиксы существительных имеют в качестве источников своего происхождения предлоги, служебные слова и другие части речи. Русские и немецкие префиксы как префиксы синтетических языков и тайские префиксы (префиксы иноязычного происхождения — из языка пали и санскрита) как префиксы изолирующего языка возникают из предлогов, служебных слов и других частей речи.

2. Префиксоиды существительных имеют следующие свойства: 1) реализуя префиксальную функцию, префиксоиды не могут выступать в качестве самостоятельных слов; 2) выступая в качестве самостоятельных слов, префиксоиды могут обладать переносным значением и оказывать влияние на значения производных слов; 3) префиксоиды существительных могут участвовать в разных способах словообразования. В русском языке ряд исконных префиксоидов используется не только в префиксации, но и в других способах словообразования, таких как аббревиация, сокращение существительных и прилагательных, сращение словосочетаний; при этом префиксоиды рассматриваются некоторыми лингвистами как начальные части сложных слов. Однако, по нашему мнению, определение префикса или префиксоида может рассматриваться с учетом признака частотности в словообразовательных словарях (одинаковый статус для одной единицы префикса или префиксоида в

трех словарях или более). В тайском языке процессом, в котором участвуют префиксоиды, является контаминация (префиксоиды становятся существительными или словами, лишенными какого-либо конкретного значения до образования нового производного). В немецком языке подобные случаи не зафиксированы.

3. Термин «конфикс», обозначающий в германистике префиксоиды и начальные части сложных слов, является новым наименованием, не прибавляющим, по нашему мнению, ничего нового к пониманию префиксоидов. Собственно термин «конфикс» уже имеет в лингвистике другое устоявшееся значение.

4. В ходе исследования префиксов и префиксоидов существительных в разноструктурных языках могут быть выделены следующие классификационные критерии для данных морфем: 1) состав (простые и сложносоставные); 2) сочетаемость: (свободные и связанные, т.е. соотнесенные только с определенной основой слова); 3) происхождение (исконные префиксы и префиксы иноязычного происхождения); 4) семантика (соотнесенность с семантическими группами, выявляющая связи префиксов с их значениями; 5) сфера употребления.

5. Префиксы иноязычного происхождения (обычно – греческого и латинского) в некоторых языках иногда рассматриваются и как префиксоиды, и как префиксы на основании разных критериев, поэтому дальнейший их анализ с опорой на данные толковых словарей и других справочных источников, а также классификация представляются перспективным направлением исследования.

6. Разногласия среди лингвистов по поводу определения префиксов и префиксоидов затрудняют изучение данных морфем в разноструктурных языках, поэтому для сравнительно-сопоставительного анализа словообразовательных средств разных языков необходим общий критерий, отражающий точки зрения российских и зарубежных лингвистов.

Список литературы / References

- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. [Yefremova, Tatyana F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. V 2 t.* (A New Explanatory and Word-forming

- Dictionary of the Russian Language. In 2 vols.) Moscow: Russkiy Yazyk (In Russian)].
- Земская Е. А. Активные процессы современного русского словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Под ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90—141 [Zemskaya, Yelena A. (2000) Aktivnyye protsessy sovremennogo russkogo slovoпроизводства (Active Processes of Modern Russian Word Production). In Zemskaya, Y. A. (ed.) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985—1995)* (Russian Language at the End of the 20th Century (1985—1995)). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 90—141. (In Russian)].
- Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009. [Kozulina, Nina A., Levashov, Yevgeniy A., Shagalova, Yekaterina N. (2009) *Affiksoidy russkogo yazyka. Opyt slovarya-spravochnika* (Affixoids of the Russian Language. Reference Dictionary Experience). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)].
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. [Krysin, Leonid P. (2008) *Tolkovy slovar' inoyazychnykh slov* (Explanatory Dictionary of Foreign Words). Moscow: Eksmo. (In Russian)].
- Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. [Lyashevskaya, Olga N. (2016) *Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka* (Corpus Instruments for Russian Grammar Studies). Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. (In Russian)].
- Морев Л. Н. Тайско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1964а. [Morev, Lev N. (1964a) *Taysko-russkiy slovar'* (Thai-Russian Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Морев Л. Н. Основы синтаксиса тайского языка. М.: Наука, 1964б. [Morev, Lev N. (1964b) *Osnovy sintaksisa tayskogo yazyka* (Thai Syntax Basics). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Мурясов П. З. Морфология производного слова: на материале производных существительных немецкого языка. Уфа: Башкирский ГУ, 1992. [Muryasov, Rakhim Z. (1992) *Morfologiya proizvodnogo slova: na materiale proizvodnykh sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka* (Derived Word Morphology: With Special Reference to German Derived Nouns). Ufa: Bashkirskiy State University. (In Russian)].
- Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984. [Nemchenko, Vasiliy N. (1984) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye* (Modern Russian Language. Word Formation). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Нефедова Л. А. Иноязычная лексика современного немецкого языка. Аспекты культурной интеграции. М.: МПГУ, 2018. [Nefedova, Lyubov' A. (2018) *Inoyazychnaya leksika sovremennogo nemetskogo yazyka Aspekty kul'turnoy intergratsii* (Foreign Vocabulary of the Modern German Language. Aspects of Cultural Integration). Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Новиков В. И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016. [Novikov, Vladimir I. (2016) *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* (A Dictionary of Buzzwords. The Language Picture of Modernity). Moscow: Slovare XXI veka. (In Russian)].

- Сенько Е. В. Префиксоиды как сложившаяся система современного русского словообразования // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. С. 1282—1290. [Sen'ko, Yelena V. (2014) *Prefiksoidy kak slozhivshayasya sistema sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya* (Prefixoids as the Current System of Modern Russian Word Formation). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern Problems of Science and Education), 6, 1282—1290. (In Russian)].
- ССЭНЯ — Степанова М. Д., Зувев А. Н., Молчанова И. Д., Мурясков Р. З. и др. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Под рук. М. Д. Степановой. М.: Русский язык, 1979. [Stepanova, Mariya D., Suyev, Alexandr N., Molchanova, Irina D., Muryasov, Rakhim Z., et al. (1979) *Slovar' slovoobrazovatel'nykh elementov nemetskogo yazyka* (Dictionary of Word-building Elements of the German Language). Moscow: Russkiy Yazyk. (In Russian)].
- Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. [Stepanova, Mariya D. (1953) *Slovoobrazovaniye sovremennogo nemetskogo yazyka* (Word Formation of Modern German). Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In Russian)].
- Улукханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. [Ulukhanov, Igor S. (1996) *Yedinitsey slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* (Units of the Word-Formation System of the Russian Language and Their Lexical Implementation). Moscow: The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Ascoop, Kristin. (2005) Affixoidhungrig? Skitbra! Status und Gebrauch von Affixoiden im Deutschen und Schwedischen. *Germanistische Mitteilungen*, 62, 17—28.
- Beard, Robert. (1998) “She Derivation”. In Spencer, Andrew, & Zwicky, Arnold. (eds.) *The Handbook of Morphology*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 44—45.
- Bickel, Balthasar, Comrie, Bernard, & Haspelmath, Martin. (2008) *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses*. <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/LGR08.02.05.pdf>
- Blimes, Leela. (1998) The /ka-/ and /kra-/ prefixes in Thai. *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*, 21(2), 73—96.
- Duden — Grebe, Paul, Köster, Rudolf, & Müller, Wolfgang (eds.) (2004) *Duden. Das Bedeutungswörterbuch*. Mannheim: Duden-Verlag. (Der Duden, 10)
- Eisenberg, Peter. (1998) *Grundriss der deutschen Grammatik*. In 2 Bd. Bd. 1. Das Wort. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler.
- Erben, Johannes. (2000) *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Fleischer, Wolfgang. (1976) *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- McFarland, George Bradley. (1994) *Thai-English Dictionary*. Stanford: Stanford University Press.
- Miyake Hideo, Marc. (2008) Avoiding Abba: Old Chinese Syllabic Harmony. Evidence and Counter-Evidence. In *Essays in Honour of Frederik Kortlandt*. Vol. 2. General Linguistics, 283—301.
- Noss, Richard B. (1964) *Thai Reference Grammar*. Washington: U.S. Department of State.

- Ortner, Hanspeter, & Ortner, Lorelies. (1984) *Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung*. Tübingen: Günter Narr.
- Schmidt, Günter Dietrich. (1987) Das Affixoid. Zur Notwendigkeit und Brauchbarkeit eines beliebten Zwischenbegriffs der Wortbildung. In Wimmer, Rainer, & Zifonun, Gisela (eds.) *Deutsche Lehnwortbildung*. Beiträge zur Erforschung der Wortbildung mit entlehnten WB-Einheiten im Deutschen. Tübingen: Günter Narr, 53—101. (Forschungsberichte des Instituts für deutsche Sprache Mannheim, 64.)
- Siri-Aksornsat, Pojane. (1996) The Origin and Development of /kra-/ and /ka-/ Words in Siamese Thai. In *The Fourth International Symposium on Language and Linguistics*. Bangkok: Institute of Language and Culture for Rural Development, Mahidol University, 1730—1742.
- Wahrig — Hermann, Ursula, Wahrig-Burfeind, Renate, Rühme, Klaus, & Raum, Norbert (eds.) (1986) *Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Mit einem „Lexikon der deutschen Sprachlehre“*. München: Mosaik-Verlag.
- กองศิลปกรรม. (2560). คำไทยที่มาจากภาษาบาลีและภาษาสันสกฤต สำนักงานราชบัณฑิตยสภา[กรุงเทพฯ]: สำนักงานราชบัณฑิตยสภา [*Thai words borrowed from Pali and Sanskrit*. (2017) Bangkok: Royal Academic Institute. (In Thai)].
- นวรรณ พันธุเมธา. (2527). ไวยากรณ์ไทย. พิมพ์ครั้งที่ 2. กรุงเทพมหานคร: มหาวิทยาลัยรามคำแหง [Pharmaka, Nawarat. (1984) *The Thai Grammar*. Bangkok: Ramkhamheng University. (In Thai)].
- บรรจบ พันธุเมธา. (2537). ลักษณะภาษาไทย. กรุงเทพมหานคร: คณะมนุษยศาสตร์ มหาวิทยาลัยรามคำแหง [Pharmaka, Bandjob. (1994) *Features of the Thai language*. Bangkok: Ramkhamheng University. (In Thai)].
- สุภาพร มากแจ้ง. (2527). ภาษาบาลีและสันสกฤตในภาษาไทย. กรุงเทพฯ: โอเดียนสโตร์ [Makjang, Supaporn. (1984) *Pali and Sanskrit in Thai*. Bangkok: Odianstore Printing Press. (In Thai)].

Сведения об авторах

Чусуван Критсада

аспирант Нижегородского
государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nunu_kritsad@mail.ru

Иванов Андрей Владимирович

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
и практики немецкого языка
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова
E-mail: holzmann2014@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111(73) "18/19"

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-111-121

ТЕМА ВОЙНЫ В РАССКАЗАХ АМБРОЗА БИРСА «ЧТО Я ВИДЕЛ ПРИ ШАЙЛО» И «УБИТ ПОД РЕСАКОЙ»

И. Б. Архангельская

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается тема войны в рассказах о Гражданской войне 1861—1865 гг. американского писателя Амброза Бирса. С помощью системного, сравнительного методов исследования, а также контент-анализа рассмотрены приемы изображения войны в малоизученном отечественными критиками очерке «Что я видел при Шайло» (*What I Saw of Shiloh*, 1881) и рассказе «Убит под Ресакой» (*Killed at Resaca*, 1887), исследована связь жизненного пути писателя с его творчеством и выявлена авторская позиция в отношении противостояния Севера и Юга. Найдено общее между этими двумя текстами. А. Бирс писал о войне, которую хорошо знал, сражениях, в которых участвовал. Он не ставил целью прославить себя или однополчан, но создал серию военных рассказов, в основу которых положен принцип противоречий, литературный парадокс. Ситуации, в которые попадают персонажи его рассказов, достаточно типичны, но сюжетные решения всегда необычны. Особое место в творчестве писателя занимает рассказ «Что я видел при Шайло», в котором художественные приемы включены в документальное повествование. Топографическая точность в изображении мест сражений, гиперреализм в описании смерти персонажей, ироническое отношение автора к бессмысленному геройству прослеживается в рассказах «Что я видел при Шайло» и «Убит под Ресакой». Смерть, ужас, страх стали ключевыми мотивами творчества писателя, это ощутимо и в его ранних произведениях. Бирс призывает читателя помнить о войне, но не ностальгировать по сражениям былых времен, поскольку герои в белых мундирах некрасиво погибают под пулями, их недолго помнят те, ради кого они стараются выглядеть героями («Убит под Ресакой»). По мнению писателя, в войне нет ни логики, ни смысла. Рациональное часто проигрывает фатальному. Писатель призывает не приближать смерть и по возможности жить без войны.

Ключевые слова: Амброз Бирс; рассказы о Гражданской войне в США; американская литература; «Что я видел при Шайло»; «Убит под Ресакой».

**War in the Short Stories by Ambrose Bierce
“What I Saw of Shiloh” and “Killed at Resaca”**

I. B. Arkhangelskaya

Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

The article considers the martial theme in Ambrose Bierce’s Civil War novels. With the help of historical, systematic, and comparative methods of research as well as content analysis, the author attempts to determine how the writer depicts the war, what his attitude to the conflict between the North and the South is, and how his war experience relates to his creative work. She focuses on two Civil War stories “*What I Saw of Shiloh*” (1881) and “*Killed at Resaca*” (1887), paying special attention to connections between those texts. Bierce wrote about the war events in which he participated. He was not looking for fame and had no intention to glorify the military actions or combatants. Bierce’s Civil War stories are based on literary paradox and the principle of contradiction. Routine situations, in which his characters find themselves, always turn into something extraordinary. “*What I Saw of Shiloh*” has a special place among Bierce’s war stories, since here he incorporates literary devices into a factual narrative, employing topographic accuracy in battle description, hyperorality in reporting deaths, and a clearly ironic approach to senseless heroism. Horror, fear, and death feature as key motifs in the writer’s creative work. Bierce wants the reader to remember the war without waxing nostalgic about the glorious past: his officers in white uniforms on white horses die in ugly ways, and those whom they loved quickly forget them (“*Killed at Resaca*”). By employing the illogical and irrational in his stories, Bierce compels the reader to decry the illogicality and irrationality of war.

Key words: Ambrose Bierce, Civil War stories, American literature, “*What I Saw of Shiloh*”, “*Killed at Resaca*”.

Введение

Гражданская война в США 1861—1865 гг. одна из ключевых тем в творчестве Амброза Гвиннета Бирса (Ambrose Gwinnett Bierce (1842—1914?), блестящего автора жанра *horror*, чьи новеллы, по мнению многих зарубежных (Miller 1932; McWilliam 1967; Hall 1934) и отечественных исследователей (Аствацатуров; Балдицин 2003; Михалева 2016), продолжили литературную традицию Эдгара Аллена По.

Бирс — один из немногих американских писателей, кто участвовал в войне Севера и Юга. Его считали циником, для которого любая тема могла стать поводом для сарказма, но в апреле 1861 г. он, молодой идеалист, один из немногих в округе Элхарт штата Индиана, отправился волонтером на фронт, искренне веря в правоту Союза. Бирс был участником сражений под Шайло (1862), Чикамогой (1863) и Ресакой (1864), видел героизм и трусость, жестокость и сострадание как со стороны юнионистов, так и со стороны конфедератов. Двадцать лет спустя после окончания войны он описал свой опыт в цикле рассказов, которые в 1891 году были опубликованы в сборнике «Рассказы о военных и штатских» (*The Tales of Soldiers and Civilians*), а через год вышли в Великобритании

под названием «В гуще жизни» (*In the Midst of Life*).

Многие исследователи связывали жизненный путь писателя с его армейским прошлым (Кашкин 1977; Танасейчук 2006; Casey 2018; Castro 1927; Mariani 1991; Morrone 2009, 2013; Wilt 1929). Об опыте А. Бирса-топографа писали биограф Пол Фату (Fatout 1954), немецкий историк Б. фон Бремен (Bremen 2017), а К. Кирман подробно анализировал участие новеллиста в военных сражениях на территории штата Теннесси (Kiernan 2009). Критиков интересовала связь личной жизни и военного опыта писателя с его прозой (Wilt 1929). Подробное исследование темы войны в творчестве А. Бирса, с учетом ключевых вех в его биографии, провел П. Д. Моррон. Исследователь отметил двойственное отношение писателя к войне: с одной стороны, солдат и офицер Амброс Бирс признает армейские порядки и строгую иерархию на службе, с другой стороны, в своем творчестве он развенчивает бессмысленный героизм солдат и офицеров, изображая войну как повторяющиеся акты убийства (Morrone 2013). В рассказах Бирса война — подходящее место для проверки характера, встречи с непознанным и сложных психологических экспериментов, при этом жизнь неотделима от смерти, а реальное — от мистического.

Исследование направлено на изучение темы войны в рассказах Бирса, определение авторского позиции по отношению к противостоянию Севера и Юга, выявление связей биографии писателя с его творчеством. Для достижения этих целей с помощью историко-биографического, системного и сравнительного методов исследования, а также контент-анализа рассмотрены военные рассказы А. Бирса 1880—1990-х гг., основное внимание уделено ранним работам: «Что я видел при Шайло» (*What I Saw of Shiloh*, 1881), «Убит под Ресакой» (*Killed at Resaca*, 1887), между которыми, как мы полагаем, существует определенная связь.

Вехи военной биографии Бирса

Весной 1861 года, с самого начала военного конфликта, в возрасте 19 лет Амброс Бирс добровольцем отправился на фронт, став рядовым 9-го пехотного добровольческого полка штата Индиана, затем был прикомандирован к штабу генерала Уильяма Хейзена (*William Hazen*, 1830—1887), где исполнял обязанности топографа и картографа. Через двадцать два года после окончания войны Бирс писал: *To this day I cannot look over a landscape without noting the advantages of the ground for attack or defense; here is an admirable site for an earthwork, there a noble place for a field battery* (Fatout 1954: 394) («По сей день я не могу взглянуть на ландшафт, чтобы не думать о том, пригодна ли местность для атаки или обороны; здесь прекрасное место для укрытия, а там — для артиллерийской батареи» (перевод с англ. здесь и далее наш. — И. А.)).

До войны, благодаря дяде, Бирс получил военное образование в Военном институте Кентукки, где, наряду со специальными дисциплинами (военной историей, тактикой, топографией), изучал философию, в том числе учение античных стоиков. Возможно, под влиянием стоиков он впоследствии очень ценил умение контролировать себя, в любой ситуации ему удавалось сохранять спокойствие и поддерживать моральный дух.

С реалиями армейской жизни Бирс познакомился непосредственно на войне. С 1862 года он служил под командованием генерала У. Б. Хейзена, его бывшего преподавателя в Военном институте Кентукки. Генерал был известен не только как талантливый стратег, но и как теоретик военного дела. Бирс-писатель был, несомненно, знаком с опубликованными после войны книгами Хейзена «Школа и армия во Франции и Германии» (*The School and the Army in Germany and France*, 1872), «Описание военной службы» (*A Narrative of Military Service*, 1885). Бирс-военнослужащий с почтением относился к Хейзену, соблюдал иерархию, следовал уставу, никогда не оспаривал приказы. Однако у Бирса-литератора было другое видение войны. В своих рассказах он заочно вступил в диалог с генералом Хейзенем, размышляя о смысле воинского долга, демонстрируя неразрешимые противоречия между приказом и конкретной жизненной ситуацией.

Военный опыт и понимание психологии людей в критических ситуациях оказали влияние на творчество писателя. Пройдя всю войну, он имел представление о военной иерархии и отношениях людей в армии, ему были знакомы чувство страха и предчувствие смерти. Смерть он видел в самых разных проявлениях: ритуал казни через повешение или расстрел, битва на поле боя, случайная смерть в результате попадания снаряда, катастрофы.

Что он увидел при Шайло

В 1881 г. Бирс опубликовал автобиографический очерк-рассказ «Что я видел при Шайло», работу над которым начал еще в 1874 г. Он был впервые опубликован в сатирическом журнале «Васп» (*The Wasp*), а в 1898 г. — в новой редакции в «Сан-Франсиско Экзаминер» (*San Francisco Examiner*).

Сражение при Шайло, произошедшее на юго-западе штата Теннесси 6—7 апреля 1862 г., считается одним из самых кровавых в истории США. Силы конфедератов под командованием генералов А. Джонстона и П. Борегара атаковали позиции армии США во главе с генерал-майором У. Грантом. Армии Союза с трудом удалось избежать полного разгрома. Потери убитыми и ранеными в этом сражении были примерно одинаковы: Север потерял убитыми 1754 человека, Юг — 1728. Потери ранеными

составили 8408 и 8012 соответственно (Cunningham 2007: 422).

Заглавие рассказа объясняет читателю, что перед ним субъективные заметки одного из участников тех событий. Вспоминая о сражении при Шайло, он не обсуждает действия военачальников, вопросы стратегии, не рисует масштабные картины боя, а создает из воспоминаний ленту эпизодов, которые он, сержант 9-го пехотного полка штата Индиана, наблюдал и в которых принимал участие, когда их подразделение направили на помощь генералу Улиссу Гранту.

Художественное описание природы и людей сочетается в рассказе с сухой, временами ужасающей и леденящей кровь фактологией. Автор считал, что написал «простую историю о сражении, которую мог бы рассказать солдат, который не является писателем, читателю, который не является солдатом» (Bierce 1994: 2).

Как и многие мемуаристы, Бирс обозначает позиции обеих сторон, представляет отчет о действиях, которые совершали конфедераты и юнионисты в ходе сражения, сопровождая текст картами военных действий. Его описания мест действия выполнены подробно, с топографической точностью. Однако предупреждающий сигнал и легкий ветерок, который доносит до ушей присутствующих «долгий, глубокий вздох железных легких» (*the long, deep sighing of iron lungs*) (Bierce 1994: 2) свидетельствуют о том, что перед нами художественный текст.

Бирс описывает участников сражения и людей, находящихся рядом с местами боев. Многие из них выглядят достаточно театрально и эффектно. Всадник на белом скакуне с красным седлом приковывает взгляды, но, как подчеркивает автор, служит прекрасной мишенью для противника. Молодой офицер в парадном мундире, блестящий как золотой слиток (*a gleam with bullion*), напоминает голубое с золотом издание военной поэзии (*blue-and-gold edition of the Poetry of War*), и этим вызывает смех в рядах военнослужащих (Bierce 1994: 48). Война требует простоты, подчеркивает автор: чем менее ты заметен, тем больше шансов выжить.

В следующей сцене молодая красивая женщина на пароходе, пересекающем реку Теннесси, гордо стоит на верхней палубе, желая подбодрить северян. Рядом идет бой, со всех сторон летят снаряды, но вместо того, чтобы укрыться в безопасном месте, она внимательно следит за боем с хорошо просматриваемого места и, демонстрируя изящный пистолет с рукояткой из слоновой кости, выражает готовность в случае необходимости сразиться с врагом. Бирс с иронией подчеркивает, что ничего необычного в тот день они не встретили на реке Теннесси: ни слона, ни гиппопотама, только вот эту женщину. Автор снимает шляпу перед «маленькой дурочкой», чье поведение он считает глупым

геройством (Bierce 1994: 5). Ему не нравятся штатские, которые играют с огнем.

В одной из сцен у реки потерпевшие поражение остатки армии северян напоминают смешавшуюся массу людей (*confused mass of humanity*), многие безоружные, раненые или убитые. Для них чувство долга и стыда потеряли всякий смысл (Bierce 1994: 6).

Страшным выглядит поле прошедшего боя, глядя на которое автор делает вывод, что никто не спасся. Прибывшее подкрепление видит куски железа, рюкзаки, фляги, вещевые мешки, ружья с изогнутыми стволами, что-то из солдатского обмундирования и множество мертвых тел. Особое внимание автора привлек сержант федеральной армии, крепкий парень, который лежит лицом вверх с простреленной головой, из которой вытекают мозги. Бирс с характерным для него черным юмором задает вопрос: как можно обойтись таким небольшим количеством мозгов даже в этой ситуации? Он не позволяет своему женоподобному сослуживцу, от которого не ожидал такой жестокости, добить умирающего штыком (Bierce 1994: 6). Несмотря на свойственный автору сарказм, в этой сцене чувствуется его боль и скорбь по погибшим.

А. Бирс дополнил и опубликовал вторую редакцию «Что я видел при Шайло» в тот период, когда в США были сильны шовинистические настроения, страна готовилась воевать за американские колонии с Испанией. Писатель стремился показать непривлекательные стороны войны, пытаясь объяснить американцам, что их ждет на войне.

Американский критик Р. Моррис считал «Что я видел при Шайло» одним из лучших очерков о войне (Morris 1999: 39). На основе этого рассказа создан специальный экскурсионный проект в военном парке Шайло в штате Теннесси (Scaptason 2007):

«Что я видел при Шайло» было первым военным произведением Бирса. В 1892 году у писателя вышли две книги, сумевшие сделать его признанным классиком американского рассказа, одна из них — сборник «Рассказы о солдатах и штатских».

«Убит под Ресакой»

Значительное место в военных рассказах Бирса занимает новелла «Убит под Ресакой», опубликованная в газете «Экзаминер» (*The Examiner*) в июне 1887 года. История лейтенанта Германа Брэйла (*Herman Brayle*), в котором все было прекрасно, кроме привычки «кичиться своей храбростью» (Бирс 1995: 86), кажется странной. Перечисление всех мест, где герой бесстрашно появляется, глядя противнику в глаза во время жестоких сражений, — «на открытых хлопковых полях, в кедровом лесу или за железнодорожной насыпью» (Бирс 1995: 86—87), напоминают нам о

том, что автор рассказа хорошо знаком с топографией. Никто не понимает причин такого поведения Брэйла, но у храбреца появляются подражатели, которые погибают из-за своего ложного героизма. Так, желающий показать свою смелость капитан разорван на куски в результате точного попадания снаряда, и ощущающий свою вину Брэйл пытается собрать его разбросанные останки.

Судьба долго оберегает Германа Брэйла, но однажды театральная бравада заканчивается смертью. Санитары союзной армии выбрасывают белый флаг, и противник дает им возможности выйти в поле и забрать тело храбреца. Более того, южане, обнажив голову, помогают положить его на носилки, а потом из окопов исполняют на флейте траурный марш, отдавая дань смелости противника.

Через год после смерти Брэйла рассказчик находит письмо от его возлюбленной, из которого узнает о том, что та подозревала юношу в трусости. Следовательно, весь бессмысленный героизм лейтенанта, который унес не только его жизнь, но и жизни его сослуживцев-подражателей, был ради одной женщины по имени Мэриан Менденхолл (*Marian Mendenhall*). Но девушка так и не узнает о героизме своего бывшего возлюбленного. Увидев каплю крови на письме, которое он так долго хранил, она бросает его в камин. Осуждая нелепый героизм Брэйла, рассказчик называет причину его смерти — укус змеи. Это и месть храбрецу за безрассудные поступки, и в какой-то степени правда: змеиным укусом была неосторожная фраза в письме, стоившая жизни и Брэйлу и его сослуживцам. Автор испытывает противоречивые чувства по отношению к женщине, которую он находит и прекрасной, и отвратительной (*detestable creature*) (Бирс1995: 91).

Мэриан Менденхолл чем-то напоминает женщину на пароходе из рассказа «Что я видел при Шайло». Обе они призывают военных на подвиг, но если неизвестная дама спешит к полю боя, не понимая опасности происходящего, то Мэриан не покидает домашнего очага.

Американский критик Р. Рот обратил внимание на сходство Мэриан с возлюбленной писателя Берни Райт (*Bernie Wright*) (Roth 1974: 171), которая так и не дождалась Амброза с войны, найдя себе новую любовь. Рассказывая историю офицера Германа Брейла, автор, вероятно, писал и о своих переживаниях на фронте, о желании быть героем в глазах любимой.

Как и Брэйл, Бирс был родом из штата Огайо. Можно найти общее во внешности лейтенанта и писателя. Однако Брэйл не *alter ego* автора. У героя и автора разные жизненные ценности и установки. Бирс подчеркивает, что жизнь сакральна. На войне много шансов с ней расстаться, но лучше ее сохранить. Слово «жизнь» в рассказе звучит чаще,

чем «смерть». Война названа «бойней» и показана как бесчеловечная, кем-то запущенная и работающая без остановки машина по уничтожению людей.

Особое внимание стоит обратить на изображение противника: южане представлены великодушными и благородными. Бирс подчеркивает, что в условиях военных действий каждая сторона следует уставу, верит в правоту своего дела, при этом все остаются людьми. Однако война направлена на уничтожение и способна заставить участников совершать ужасные и странные поступки.

Размышляя о том, какой американцы должны помнить Гражданскую войну, литературовед Майкл Крейлинг с некоторым удивлением и раздражением пишет о существующей и получающей все большее распространение тенденции дегероизировать события тех лет, изображая их не как славные военные сражения, а как хаотичные и бессмысленные убийства. По мнению критика, это заметно как в работах историков, так и литераторов, среди которых упомянут и А. Бирс (Kreyling 2014: 74). В определенной степени Крейлинг прав: для Бирса характерно изображение странных, нелепых и бессмысленных смертей. В новелле «Пропавший без вести» (*One of the Missing*, 1888) солдата послан с разведывательными целями посылают с заданием в разведку. Ему предписано находиться в определенном месте, где он и погибает, испугавшись до смерти собственных страхов и фантазий. (Бирс 2014: 7—9). В рассказе «Сын богов» (*The Son of Gods*, 1888) герой, имени которого мы так и не узнаем, вызывается пойти в разведку, изучить месторасположение противника. Он понимает, что в случае провала погибнет, но надеется спасти своих сослуживцев. Однако, когда враг стреляет в него и убивает, солдаты и офицеры его подразделения, вместо того чтобы затаиться, идут в бой на более сильного противника и встречают смерть (Бирс 2014: 33—39). Жертва главного героя бессмысленна, как, впрочем, и вся война у Бирса.

Брат против брата: «Без вести пропавший» (*One of the Missing*, 1888), «Пересмешник» (*The Mocking-Bird*, 1891); сын против отца: «Всадник в небе» (*A Horseman in the Sky*, 1889); военный долг против всего человеческого рода — такой видит А. Бирс войну.

Заключение

В своих рассказах Амброз Бирс писал о войне, которую хорошо знал, сражениях, в которых участвовал. Он не ставил целью прославить себя или однополчан. Писательский дар помог ему создать серию военных рассказов, в основу которых положен принцип противоречий, литературный парадокс. Ситуации, в которые попадают персонажи его рассказов, достаточно типичны, но решения всегда необычны.

Особое место в творчестве писателя занимает рассказ «Что я видел при Шайло», в котором художественные приемы включены в документальный очерк.

Смерть, ужас, страх стали ключевыми мотивами творчества Бирса. Автор хочет, чтобы читатель помнил о войне, но не ностальгировал по сражениям былых времен, поскольку герои в белых мундирах некрасиво погибают под пулями и, возможно, их недолго вспоминают те, ради которых они стараются выглядеть героями. Так произошло с героем из рассказа «Убит под Ресакой».

По мнению писателя, в войне нет ни логики, ни смысла, рациональное часто проигрывает фатальному. Писатель призывает не играть со смертью и избегать войн.

Список литературы / References

- Аствацатуров А. А.* Амброз Бирс [Электронный ресурс] // Arzamas: Аудиолекции. Курс 64. Американская литература XX века. Сезон 1. URL: <https://arzamas.academy/courses/64/1> (дата обращения: 22.02.2020). [Astvatzaturov, Andrey A. (2020, February 20) Ambrose Bierce. Arzamas: Audiolektcia. Course 64. Amerikanskaya literatyra. Sezon 1. Retrieved from: <https://arzamas.academy/courses/64/1> (In Russian)].
- Балдицин П. В.* Новеллистика Амброза Бирса // История литературы США. Том 4. М.: Издательство ИМЛИ РАН, 2003. С. 565—590. [Baldizyn, Pavel V. (2003) Novellistika Ambroza Birsa. Istoriya literatyry SSHA, Vol. 4. Moscow: Izdatelstvo IMLI RAN, 565—590. (In Russian)].
- Кашкин И. А.* Амброз Бирс. Для читателя-современника: статьи и исследования. Под ред. В. П. Балашова. М.: Советский писатель, 1977. С. 93—124. [Kashkin, I. A. (1977) Ambrose Bierce. Dlya chitatelya sovremennika: statii iissledovaniya. In Balashov, V. (ed.). Moscow: Sovetskii pisatel', 93—124. (In Russian)].
- Михалева Е. С.* Концепт «страх» в военных рассказах Амброза Бирса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 69—77. [Mikhaleva, E. S. (2016) Kontzept «strakh» v voennykh rasskazah Ambroza Birsa. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seria: Russkaya filologiya, 2, 69—77. (In Russian)].
- Танасейчук А. Б.* Амброз Бирс: от полудня до заката. Творчество второй половины 1880-х — 1900-х гг. в контексте региональных и национальных литературных традиций. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006. [Tanaseichuk, A. B. (2006) Ambroze Bierce: ot poludnya do zakata. Tvorchestvo vtoroi poloviny 1880 — 1890 gg. V kontekste regional'nykh i literaturnykh traditsii. (In Russian)].
- Berkove, L. I. (2002) A Prescription for Adversity: The Moral Art of Ambrose Bierce. Columbus: Ohio State University Press.
- Bremen, von B. (2017) Battlefield Topography: Geography and Warfare in Ambrose Bierce's Civil War Texts. *War and Geography. The Spatiality of Organized Mass Violence*. In Danielson, Sarah K. & Jacob, Frank (eds.): Verlag. Ferdinand Schöningh, 163—189.

- Casey, John (2018) Ambrose Bierce and the Period of Honorable Strife: The Civil War and the Emergence of an American Writer. *Journal of Southern History*, Vol. 84, 1, 175—176.
- Castro, Adolphe Danziger De. (1927) *Portrait of Ambrose Bierce*. New York and London: Century Co.
- Cunningham, Edward O. (2007) *Shiloh and the Western Campaign of 1862*. In Joiner & Smith. NY: Savas Beatie.
- Fatout, Paul. (1954) Ambrose Bierce, Civil War Topographer. *American Literature*, Vol. 26, 3, 391—400.
- Hall, Carroll D. (1934) Bierce and the Poe Hoax. San Francisco: The Book Club of California.
- Kiernan, Christopher. (2009) Ambrose Bierce in Civil War Tennessee: Nashville, Shiloh, and the Corinth Campaign. *Tennessee Historical Quarterly*, Vol. 68, 3, 250—269.
- Kreyling, Michael. (2014) *A Late Encounter with the Civil War* (Mercer University Lamar Memorial Lectures Series). Athens: University of Georgia Press.
- Mariani, Giorgio. (1991) Ambrose Bierce's Civil War Stories and the Critique of the Martial Spirit. *Studies in American Fiction*. Johns Hopkins University Press, Vol. 19, 2, 221—22.
- McWilliams, Carey. (1967) *Ambrose Bierce. A Biography*. New York: Archon Books.
- Miller, Arthur A. (1932) *American Literature*,
- Morris, Roy, jr. (1999) *Ambrose Bierce: Alone in Bad Company*. NY, Oxford: Oxford University Press.
- Morrone, Peter J. (2009) Ambrose Bierce's Warrior Ethos: The Dialectic of Surveillance and Modes of Ethical Resistance. Oxford: University of Mississippi.
- Morrone, Peter J. (2013) The Ethics of Moral Resistance: Ambrose Bierce and General William B. Hazen. *The Midwest Quarterly*. June, Vol. 54 (4), 399—413.
- Roth, Russell. (1974) Ambrose Bierce's "Detestable Creature". *Western American Literature*, Vol. 9, 3, 169—178.
- Scaptason, Bjorn. (2007) What he saw. Ambrose Bierce and Shiloh in Public History. *The ABP Journal*. Fall, Vol. 3, 1. Retrieved from: <http://www.ambrosebierce.org/journal3skaptason.html>.
- Wiggins, Robert A. (1974) Bierce, Ambrose 1842—1914?. *American Writers: A Collection of Literary Biographies*. In Unger. Detroit: Charles Scribner's Sons, 190—213.
- Wilt, Napier. (1929) Bierce and the Civil War. *American Literature*, Vol. 1, 3, 260—288.

Источники / Literary texts

- Бирс А. Может ли это быть? Избранные произведения. М.: Book chamber international, 1995. [Bierce, Ambrose. (1995) *Mozhet li eto byt'*. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Book chamber international. (In Russian)].
- Бирс А. Собрание рассказов. М.: Издательство «Аст», 2014.
- Bierce, Ambrose. (1994) *Civil War stories*. NY: Dover Publications, Inc.

Сведения об авторе

Архангельская Ирина Борисовна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории,
журналистики и зарубежного регионоведения
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: arib@bk.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811.124

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-122-135

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ В ОБУЧЕНИИ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

С. Г. Лесик¹, Т. И. Полищук¹

¹Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга,
Россия

Предлагаемое исследование посвящено анализу места и роли латыни в системе высшего гуманитарного образования, методам и приемам формирования и развития коммуникативной компетенции средствами латинского языка. Осуществляется подробный анализ опыта зарубежных и российских филологов и методистов по внедрению коммуникативного метода в обучении древнему языку. Представлена модель организации учебного процесса, создающего условия для развития личности, готовой осмыслить историко-культурное наследие латинского языка и его значение в становлении западноевропейской цивилизации. В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема обучения латинскому языку в рамках реализации компетентностного подхода, предполагающего формирование компетенций, связанных с ценностными ориентирами, духовно-нравственными основами жизни человека, способами интеллектуального саморазвития. Обосновывается идея о том, что данный подход соотносится с личностно-ориентированным подходом, в котором особый акцент делается на социокультурной составляющей коммуникативной компетенции. Изучение латинского языка развивает умение толерантно воспринимать социальные и культурные различия, уважительно и бережно относиться к историческому достоянию и культурным традициям. В рамках проведенного исследования авторы подчеркивают важность знаний латинских крылатых выражений, их философского смысла, значения культуры древних государств, являющихся показателем сформированности общекультурной компетенции. Высокий уровень профессиональной компетентности становится необходимым условием успешной профессиональной деятельности: выпускник вуза должен быть готов для решения практических и теоретических задач. Авторы приходят к выводу о том, что методически грамотная интеграция коммуникативного метода с применением ситуаций повседневного общения приводит к повышению мотивации при изучении латинского языка. Мотивационный фактор имеет важное значение при выполнении заданий, предназначенных для внеаудиторной самостоятельной работы, объем которой увеличивается с каждым годом. Выпускник

вуза должен не только обладать профессиональными компетенциями, но и владеть навыками организации самостоятельной работы, необходимой для его саморазвития. В современных условиях все большую актуальность приобретают, наряду с профессиональными и коммуникативными компетенциями, социально-личностные, сформированность которых проявляется в частности в умении выстраивать стратегии личного и профессионального развития и обучения.

Ключевые слова: латинский язык; коммуникативная компетенция; компетентностный подход; течение «живая латынь»; романо-германские языки; мировоззренческая функция.

On Using the Competence Approach in Teaching Latin

S. G. Lesik¹, T. I. Polishchuk¹

¹Kaluga State University K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

The article looks at the place and role of Latin in liberal arts education as well as at methods and techniques for forming and developing students' communicative competence through learning the Latin language. The authors provide a detailed review of research done by Russian and foreign philologists and methodologists on implementation of the communicative method in teaching ancient languages. The article presents educational models conducive to developing in students sufficient motivation and ability to understand and appreciate the historical and cultural legacy of the Latin language and its formative influence on the Western European civilization. The authors discuss the effectiveness of implementing the competence approach which involves the formation of competencies related to value orientations, spiritual and moral foundations of human life, and ways of intellectual self-development, and argue that this approach is related to the personality-oriented approach where special emphasis is placed on the socio-cultural component of the communicative competence. Learning Latin would develop students' ability to tolerate social and cultural differences and foster in them respect and care for historical heritage and cultural traditions. The authors emphasize the importance of knowing Latin idioms, proverbs, and famous quotes and their philosophical meaning, claiming that this, along with appreciation of the ancient cultures and their significance in world history, could serve as an indicator of general cultural competence. While a high level of professional competence is a prerequisite for successful professional activity, in our modern world, along with professional and communicative competencies, social and personal competencies are becoming increasingly relevant, and, among other things, their development is manifested in the ability to build strategies for personal and professional development and training. The authors state that a methodically competent integration of the communicative method with the use of everyday communication situations would lead to increased motivation in learning Latin which is especially important since the volume of independent work presupposed by the curricula increases every year, and a college graduate should have not only professional competencies, but also sufficient skills for organizing her own independent work, necessary for successful self-development.

Key words: Latin language; communicative competence; competence approach; "living Latin" course; Romance and Germanic languages; worldview function.

Внедрение в образовательный процесс компетентностного подхода, в рамках которого разработан Федеральный

государственный образовательный стандарт высшего образования третьего поколения (ФГОС ВО 3++), продиктовано социальным заказом общества, нуждающегося в конкурентоспособных специалистах, стремящихся к самообразованию, личностному росту, способных к адаптации в постоянно изменяющихся условиях. При переходе от традиционной к компетентностной парадигме высшего образования акцент делается не на предметно-дисциплинарную и содержательную стороны, а на компетенции и ожидаемые результаты образовательного процесса. Главной целью компетентностного подхода в обучении иностранному языку становится усиление практической направленности дисциплины, т. е. приобретение студентами умений, позволяющих им в будущем действовать эффективно в ситуациях профессиональной, личной и общественной жизни.

Анализ теоретических работ, посвященных компетентностному подходу в образовании, позволяет сделать вывод о том, что опыт решения проблемных ситуаций способствует формированию компетенций на основе результатов деятельности обучаемого. С точки зрения И. А. Зимней, компетентностный подход позволяет сохранить культурно-исторические, этносоциальные ценности, поскольку компетенции, лежащие в его основе, рассматриваются как «сложные личностные образования, включающие и интеллект, и эмоциональные, и нравственные составляющие» (Зимняя 2004: 25). Для успешной реализации данной задачи учебные дисциплины должны приобрести соответствующую практико-ориентированную направленность.

Целью нашей статьи является создание модели обучения латинскому языку в условиях реализации компетентностного подхода. Актуальность исследования связана с обновлением стандартов высшего образования, что предполагает пересмотр содержания образования и форм организации образовательного процесса.

Достижение поставленной цели предусматривает решение целого ряда задач: анализ опубликованных ранее научных работ по данному вопросу; изучение опыта зарубежных авторов, предлагающего различные педагогические концепции; выявление дидактического потенциала активных методов обучения в развитии

коммуникативной компетенции студентов на занятиях по латинскому языку; анализ методов и приемов успешного формирования и развития коммуникативной компетенции средствами латинского языка. Научная новизна данного исследования состоит в отборе учебного материала и комплексном подходе, предполагающем использование современных педагогических технологий на занятиях по дисциплине «Древние языки и культуры (латынь)» для студентов языковых профилей бакалавриата, что указывает на его практическую значимость.

В процессе работы были использованы следующие методы исследования: теоретические — теоретико-методологический анализ научной литературы по изучаемой проблеме, моделирование; эмпирические — педагогическое наблюдение, беседа, педагогический эксперимент.

При проектировании модели мы исходили из научной и практической направленности дисциплины «Древние языки и культуры (латынь)», преподаваемой в КГУ им. К. Э. Циолковского по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Иностранные языки». Дисциплина «Древние языки и культуры (латынь)» относится к Блоку 1 базовой части дисциплин и является обязательной для освоения обучающимися.

Важность культурологического и мировоззренческого аспектов в изучении латинского языка не вызывает сомнения. В работах Н. Л. Кацман (2015), Н. К. Подосинова (2010), В. Н. Ярхо и В. И. Лободы (2008), И. Л. Ульяновой (2017), Ю. М. Каган (2000) латинский язык рассматривается как инструмент изучения мировой культуры, приобщения обучающихся к культурно-историческому наследию античной и средневековой цивилизации. По словам В. М. Заболотного, изучение древних языков и культур помогает студентам сформировать представление о «принципиальном единстве всех стран и народов» (Заболотный 2009: 29).

Исходя из природы латыни, мы относим ее к иностранным языкам, соответственно, одной из целей обучения латинскому языку в вузе, на наш взгляд, является формирование иноязычной коммуникативной компетенции, профессионального тезауруса

обучающегося, информационной основы будущей профессиональной деятельности.

Латинский язык относят к мертвым языкам, т. е. к языкам, утратившим одну из своих важнейших базовых функций — коммуникативную, на том основании, что в отличие от новых языков латинским языком не пользуются в устной речи. С точки зрения А. Ю. Мусорина, латинский язык принадлежит к тем мертвым языкам, которые продолжают активно функционировать в книжно-письменной сфере в силу своей востребованности обществом и универсальной значимости для культуры (Мусорин 2003: 3).

Мы разделяем точку зрения А. Г. Следникова, считающего термин «мертвый язык» для обозначения латинского языка некорректным, поскольку отсутствие носителей языка не свидетельствует об утрате коммуникативной функции, которая находит свое отражение в рецептивных видах речевой деятельности (Следников 2011). С одной стороны, возникновение в конце XIX века течения «живой латыни», выступающего за восстановление латинского в функции языка международного общения, было обусловлено потребностью в универсальном языке науки. С другой, фиксированный характер ее грамматической структуры вызывает сомнения относительно правомерности применения термина «живая латынь».

В методическом смысле под «живой латынью» следует понимать тенденцию к использованию активных методов обучения, которые выступают необходимым условием успешного формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Структура данной компетенции характеризуется многоаспектностью. Мы придерживаемся концепции, разработанной В. В. Сафоновой, согласно которой языковая, речевая, социокультурная, компенсаторная и учебно-познавательная компетенции являются составляющими коммуникативной компетенции (Сафонова 1991: 23).

Основой для формирования коммуникативной компетенции является языковая компетенция, о характере и природе которой большинство лингвистов и методистов ведут споры.

В современной методике языковая компетенция определяется как:

- всеобъемлющее знание о языке (Н. Хомский);

- владение языком (Горелов 1987);
- система операций и действий с языковым материалом вне условий коммуникации (Зимняя 2004).

В зарубежной методической литературе языковую компетенцию рассматривают как знание лексических единиц и владение грамматическими правилами, позволяющими оформлять отдельные словарные единицы в законченное высказывание (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка 2003: 16).

В зависимости от трактовки понятия «языковая компетенция» в ее структуре выделяют различные компоненты. Большинство методистов отмечают фонетический, лексический, грамматический компоненты языковой компетенции, в процессе которых необходимо овладеть соответствующими знаниями, являющимися базой для развития речевой компетенции. Так, например, формирование фонетического компонента языковой компетенции предполагает овладение знаниями правил произнесения звуков, постановки ударения, чтения слов. Знакомство с важными законами исторической фонетики позволяет понять образование многих форм, что обеспечивает более прочное их усвоение.

Но владение языком (как интерпретация речевой деятельности) предполагает сформированность не только языковой компетенции. «Всякое ограничение узуса латыни будет неверным, противоестественным и, в конечном итоге, разрушительным, если латынь считать способной к удовлетворению коммуникативных запросов ученого сообщества и обычных людей, к адекватному отражению реалий сегодняшнего дня наравне с национальными языками» (Следников 2017: 73).

Речевая компетенция предполагает способность понимать при чтении тексты на латинском языке, порождать связные высказывания в устной и письменной формах. По мнению немецкого филолога-классика А. Фрича, автора серии учебников латинского языка *Cursus brevis* и *Cursus continuus*, устная речь на латинском языке может и даже должна стать рациональным дополнением и обогащением урока. Он подчеркивает, что нам удастся «полностью и навсегда осознать многие семантические, грамматические и стилистические

особенности латыни только тогда, когда у нас возникнет желание выражаться по-латински» (Фрич 2017: 15).

С целью формирования социокультурной компетенции методически оправдано использование аутентичных текстов, в числе которых крылатые выражения, сентенции, отобранные на основе принципов профессиональной направленности и межпредметной интеграции. Для более полного раскрытия смысла, вложенного автором, рекомендуется указать литературный источник и текст, в котором впервые оно было упомянуто. Далее необходимо проиллюстрировать и обсудить возможные ситуации употребления крылатого выражения в речи. Следует обратить внимание на возможность трансформации значения, т. к. многие выражения, вошедшие в литературную речь, приобрели новую семантику, не присущую их источнику.

Уровень развития компенсаторной компетенции зависит от степени сформированности остальных компонентов коммуникативной компетенции. Показателями развития компенсаторной компетенции выступают знания об этикете общения, о стратегиях выхода из затруднительных ситуаций, готовность использовать латинский язык как средство саморазвития в личной, учебно-познавательной деятельности.

Поскольку возможность овладения коммуникативной деятельностью на латинском языке подвергается сомнению в отечественной методике, то основной упор делается на развитие пассивного восприятия языка, то есть на перевод с латинского на родной. Авторы учебников не включают обычные для пособий по современным языкам диалоги, тексты для перевода с русского языка и традиционно ограничиваются подборкой различных по объему и сложности предложений для грамматического анализа и перевода с латыни.

Высказывая мнение о необходимости использования коммуникативной методики в обучении латыни, Ю. М. Каган утверждала, что практический характер ее изучения вытекает из природы учебного предмета «иностраный язык» (Каган 2000: 10). Обращение к опыту зарубежных стран позволяет лучше понять принципы реализации коммуникативной методики в обучении латыни. Анализ курсов по латинскому языку *Cambridge Latin Course*

(2007), *Manuel de latin audio-oral* (Fiévet 1999), *Learn Latin from the Romans* (Dickey 2018), *Rosetta Stone Latin* (2001), *Latin for Beginners* (Wilkes 1993), *Latin for All Occasions* (Beard 2004), *Conversational Latin for Oral Proficiency: Phrase Book and Dictionary, Classical and Neo-Latin* (Traupman 2007), *Le Latin sans Peine* (Desessard 2015), *Lingva Latina per se illustrata* (Ørberg 2011), *Le latin vivant par la méthode naturelle* (Most, Coulombe 1961), *Septimana Latina. Cursus vivae linguae Latinae* (Hofmann, Maier 2011) показывает возможность погружения в языковую среду, что придает деятельностный характер процессу обучения, повышая мотивацию к изучению древнего языка.

Рассмотрим некоторые из данных пособий. Так, учебник *Le Latin sans Peine* С. Desessard направлен на формирование и развитие умений диалогической речи. Автор настаивает на важности обучения произношению. Говорение на латинском языке выступает как средство закрепления языковых знаний, понимания грамматических явлений. Сюжетами предлагаемых литературных произведений Святого Августина, Плавта, Цицерона, Плиния Младшего являются сцены из повседневной жизни римлян, их нравы и традиции, события культурной, политической истории государства. Кроме того, изучение отрывков из данных произведений позволяет глубже осознать влияние древнеримской литературы на формирование западноевропейской литературы.

В основе учебника датского лингвиста-латиниста Ханса Эрберга «Латинский язык, преподаваемый непосредственно» (*Lingva Latina per se illustrata*) лежит метод контекстного погружения. Повествование начинается с простых предложений, понятных любому носителю языка индоевропейской семьи. Значения новых слов можно понять индуктивно, из контекста и / или из иллюстраций, не прибегая к переводу. Вся грамматика объясняется на латинском языке, даётся ступенчато, излагается четко и лаконично и сопровождается наиболее яркими примерами. Постепенное нарастание сложности материала позволяет учащимся читать неадаптированные латинские тексты, которые даются во второй части учебника. Аудиозаписи текстов способствуют лучшему пониманию языка на слух, помогают научиться воспринимать предложение целиком и перейти, таким образом, от декодирования информации к чтению (Ørberg 2011).

Заслуживает внимание, на наш взгляд, пособие *Cambridge Latin Course*, построенное на методе чтения. Этот курс выпускается в Великобритании с 1970-х годов и в 2019 году вышло уже пятое издание. Он состоит из нескольких разделов, каждый из которых включает рассказы и диалоги на латинском языке, а также лексику и грамматику, объясненные на английском языке. В конце каждой главы есть краткий исторический раздел, содержащий сведения о Древнем Риме (*Cambridge Latin Course 2007*).

Особое место занимает мультимедийный курс *Rosetta Stone Latin* с его методом динамического погружения (*Dynamic Immersion*), цель которого — развитие таких видов речевой деятельности, как аудирование, чтение, говорение. Данный метод предполагает изучение латинского языка в ситуациях повседневного общения. Кроме того, в книге реализуется эвристический подход к обучению. Задания открытого типа (отмеченные звездочкой — «задания на сообразительность»), представленные в пособии, должны стимулировать творческую самореализацию студентов и индивидуализировать обучение через возможность самостоятельно ставить цели, осуществлять рефлексию своей образовательной деятельности (*Rosetta Stone Latin 2001*).

Таким образом, обучение, направленное на формирование коммуникативной компетенции, должно происходить в условиях реализации коммуникативного метода. Для развития коммуникативных навыков в устной речи мы стараемся на своих занятиях моделировать разные речевые ситуации, начиная со знакомства, описания погоды, семьи, интересов (*Ego vocor Viginti annos natus sum. E Russia venio. Studiosus sum / Меня зовут Мне 20 лет. Я из России. Я — студент*).

Поскольку обмен высказываниями в рамках речевого акта предполагает сформированность диалогических умений, то для их отработки предлагается разучивание клише, например: *Salutationes / Приветствия (Salve! Ave! Bonum mane / diem/ vesperum! / Доброе утро! Добрый день! / Добрый вечер!; Fac bellus revertaris! / До свидания!; Salutem tibi! Bene ambula! / Доброго здоровья!); Vota / Пожелания (Jucundum diem festum opto! / С праздником!; Omnia bona precor! / Всего хорошего!; Gratulor tibi! / Поздравляю тебя!); Urbanitatis expressions / Выражения вежливости (Gratias ago! / Благодарю вас!;*

Fac si vis! / *Пожалуйста!*; *Asside!* / *Садитесь!*; *Verum est!* / *Действительно!*; *Locutiones quotidianae* / Бытовые обороты речи (*Non est verum* / *Вы не правы!*; *Dolendum est!* / *Как жаль!*; *Certus es?* / *Вы уверены в этом?*; *Idea optima est* / *Это хорошая идея!*).

Представленная таким образом функциональная модель диалога служит опорой для диалогического общения учащихся. Речевые ситуации способствуют закреплению как лексических единиц, так и грамматических структур. Система склонения имени, основные формы глагола, глагольных подсистем инфекта и перфекта, синтаксические структуры латинского языка составляют грамматический компонент языковой компетенции. Сопоставление латинской грамматики с грамматикой романо-германских языков способствует сознательному пониманию материала и выработки научного подхода к явлениям изучаемых языков, помогает уяснить основные языковые категории. Одновременно с обучением грамматическому анализу и двустороннему переводу проводится овладение техникой чтения на уровне предложений.

Изучая графику и орфографию, студенты знакомятся с правилами чтения, написанием слов, входящих в активный словарь. Ознакомление со словарным составом латинского языка позволит студентам понять деривационные процессы и облегчит сознательное усвоение латинской лексики и лексики современных европейских языков, расширит лингвистические и общекультурные границы обучаемых, покажет генетическое родство языков.

Chorus (m) хор; англ. *chorus*; фр. *choral*; нем. *chor*.

Labōro, āvi, ātum, āre работать; фр. *labourer* пахать, *laboratoire (m)*; англ. *laboratory*; нем. *laboratorium*; русск. лаборатория.

Vīdeo, vīdi, vīsum, ēre видеть; англ. *view*; фр. *voir*; нем. *visitation*; русск. визит, ревизия.

Как следствие, умение вести диалог этикетного характера, рассказывать о себе, своих друзьях, осуществлять лингвистический анализ языковой единицы, соотносить реалии с историческим и социокультурным контекстом, понимать продукты национальной культуры, зафиксированные в крылатых выражениях, использовать лингвистическую догадку свидетельствуют о развитии иноязычной коммуникативной компетенции.

Коммуникативный, грамматико-переводной, сравнительно-сопоставительный методы с привлечением данных романо-германских языков повышают мотивацию к изучению предмета и создают условия для организации внеаудиторной самостоятельной работы, в процессе которой происходит развитие академических умений, необходимых для выполнения исследовательских работ. Поскольку междисциплинарный характер дисциплины «Древние языки и культуры (латынь)» предполагает применение студентами фоновых лингвистических и социокультурных знаний в освоении языка, то языковые коммуникативные умения, которые формируются в процессе его изучения, расширяют возможности студентов участвовать в учебно-исследовательской деятельности. Так, студенты разрабатывают научно-исследовательские проекты по следующим темам: «Роль латинского языка в современном культурно-образовательном пространстве», «Крылатые выражения и афоризмы в творчестве русских писателей XIX века», «Этимологические основы словарного состава французского языка», «Латинский язык как источник научной терминологии», «Специфика освоения латинизмов русским языком» с последующим участием в научных конференциях нашего университета. Успешное осуществление данного вида деятельности развивает умение работать с информацией, умение использовать ту или иную стратегию в зависимости от цели задания, формируют студента-исследователя, способного к самообразованию, творческому использованию полученных знаний и нестандартному мышлению.

В заключение отметим, что об эффективности предложенной модели свидетельствует активное участие студентов в научно-практических конференциях, олимпиаде по латинскому языку, в ежегодном интеллектуальном турнире «Что? Где? Когда?», проводимом в Калужском государственном университете им. К. Э. Циолковского. В результате освоения дисциплины «Древние языки и культуры (латынь)» студенты расширяют общелингвистический кругозор, овладевают общекультурными и профессиональными компетенциями, позволяющими выпускнику успешно выполнять профессиональные задачи в области педагогической деятельности, межкультурной коммуникации и социального взаимодействия. Представленная модель дает новые возможности для повышения

качества конкурентоспособности выпускников гуманитарного образования на рынке интеллектуального труда.

Список литературы / References

- Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности: психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин: Валгус, 1987. [Gorelov, Iia N. (1987) *Voprosy teorii rechevoi deyatelnosti: psikholingvisticheskie osnovy iskusstvennogo intellekta* (Questions of the Theory of Speech Activity: Psycholinguistic Foundations of Artificial Intelligence). Tallinn: Valgus, 1987. (In Russian)].
- Заболотный В. М. Древние языки и культуры: учебно-методический комплекс. М.: Издательский центр ЕАОИ, 2009. [Zabolotnyi, Vasilii. M. (2009) *Drevnie yazyki i kul'tury: uchebno-metodicheskiy kompleks* (Ancient Languages and Cultures: a Methodological Guide). Moscow: EAOI, 2009. (In Russian)].
- Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. [Zimnyaya, Irina. A. (2004) *Klyucheveye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* (Key Competencies as a Result-target Basis of the Competence Approach in Education). Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004. (In Russian)].
- Каган Ю. М. Латинский язык. Основной курс для самостоятельного изучения. М.: Канон+, 2000. [Kagan, Yuriy. M. (2000) *Latinskii yazyk. Osnovnoi kurs dlya samostoyatel'nogo izucheniya* (Latin. Basic Course for Self-Study). Moscow: Kanon+. (In Russian)].
- Кацман Н.Л. Методика преподавания латинского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гуманитар.изд. центр ВЛАДОС, 2015. (б-ка преподавателя иностранного языка). [Katsman, Nina. L. (2015) *Metodika prepodavaniya latinskogo yazyka* (Methods of Teaching Latin). 2nd ed., Rev. Moscow.: Gumanitar.izd. tsentr VLADOS, 2015. (b-ka teacher of a foreign language) (In Russian)].
- Мусорин А. Ю. О содержании понятия «мёртвые языки» // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 3—6. [Musorin, Aleksey. Yu. (2003) О soderzhanii ponyatiya «mertvye yazyki» (On the Concept of “Dead Languages”). *Yazyk i kul'tura* (Language and Culture). Novosibirsk, 2003, 3—6. (In Russian)].
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка: монография. Страсбург — Москва: Совет Европы; Департамент по языковой политике; Московский государственный лингвистический университет, 2003. [*Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, obuchenie, otsenka: monografiya* (2003) (Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment: Monograph). Strasburg — Moscow: Council of Europe; Department of Language Policy; Moscow State Linguistic University. (In Russian)]
- Подосинов А. В. Латинский язык в школе: История, задачи и методика преподавания. Москва: Русское слово, 2010. [Podosinov, Aleksandr. V. (2010) *Latinskii yazyk v*

- shkole Istoriya, zadachi i metodika prepodavaniya* (Latin Language in School: History, Tasks and Methods of Teaching). Moscow: Russkoie slovo. (In Russian)].
- Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа; Амскорт-Интернэшнл, 1991. [Safonova, Viktoriya V. (1991) *Sotsiokul'turnyi podkhod k obucheniyu inostrannym yazykam* (The Socio-cultural Approach to Teaching Foreign Languages). Moscow: Vysshaya shkola; Amskort-Interneshnl. (In Russian)].
- Следников А. Г. О неологизмах как способе обогащения словарного состава «живой латыни» // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Часть 8. Вологда: Легия, 2011. С. 313—317. [Slednikov, Aleksey G. (2011) *O neologizmakh kak sposobe obogashcheniya slovarnogo sostava «zhivoi latyni»* (On Neologisms as a Way to Enrich the Vocabulary of “Living Latin”) *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Chast' 8.* (Word and Text in the Cultural Consciousness of the Epoch: a Collection of Materials of the all-Russian Scientific Conference. Part 8). Vologda: Legia, 313—317. (In Russian)].
- Ульянова И. Л., Муравьева А. И. Античная литература. Часть II. Римская литература: учебное пособие для учащихся Предвуниверситария и студентов МГЛУ. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. [Ulyanova, Irina. L. Muravèva Alsu. I. (2017) *Antichnaya literatura. Chast' II. Rimskaya literatura: uchebnoe posobie dlya uchashchihsya Preduniversitariya i studentov MGLU* (Antique Literature. CHast' II. Roman Literature: Textbook for pre-University Students and MSLU). Moscow: FGBOU VO MGLU (если брать офиц. название, то это FSBEI HE MSLU но с 2018 года). (In Russian)].
- Учебник латинского языка / под ред. В. Н. Ярхо и В. И. Лободы. М., 2008. [Yarkho, Viktor N., & Loboda, Vladimir I. (eds.) (2008) *Uchebnik latinskogo yazyka* (Textbook of Latin language). Moscow, 2008. (In Russian)].
- Фрич А. Обучение устной речи на латыни: история, задачи, возможности / пер. с нем. А. Г. Следникова, ред. перевода В. В. Дементьева. М.: Издательство «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 2017. [Frich, Andreas (2017) *Obuchenie ustnoi rechi na latyni: istoriya, zadachi, vozmozhnosti* (Teaching Oral Speech in Latin: History, Tasks, and Opportunities). In Slednikov, Aleksey. G. (translate from German)? Dementiev Vera V. (translation ed.). Moscow: Izdatel'stvo «Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina». (In Russian)].
- Beard, Henry. (2004) *Latin for All Occasions*. Villard Books.
- Cambridge Latin Course*. (2007) Book 1. 4th ed. Cambridge University Press, UK.
- Chomsky, Noam. (1965) *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press.
- Desessard, Clement. (2015) *Le Latin sans Peine*. Paris: Assimil. (in French).
- Dickey, Eleanor. (2018) *Learn Latin from the Romans. A Complete Introductory Course Using Textbooks from the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fiévet, Claude. (1999) *Manuel de latin audio-oral*. Université de Pau et des Pays de l'Adour, 4 éd. (in French).
- Ørberg, H. Hans. (2011) *Lingva Latina per se illvstrata. Pars I: Familia Romana*. Trykkeriet Viborg.

- Hofmann, Mechthild, & Maier, Robert. (2011) *Septimana Latina. Cursus vivae linguae Latinae*. 2 Teile: Pars prima: Textus et imagines. Pars secunda: Exercitationes, Grammatica, Vocabula. München: Lindauer. (in German).
- Most, William George, & Coulombe, Victor. (1961) *Le latin vivant par la méthode naturelle, première année*. Québec, in 8. (in French).
- Rosetta Stone Latin* (levels 1—3, ver. 3). (2001) Rosetta Stone.
- Traupman, C. John. (2007) *Conversational Latin for Oral Proficiency: Phrase Book and Dictionary, Classical and Neo-Latin*. Mundelein, Illinois: Bolchazy-Carducci Publishers.
- Wilkes, Angela. (1993) *Latin for Beginners*. London: Usborne Publishing.

Сведения об авторах

Лесик Софья Георгиевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры французского языка
КГУ им. К. Э. Циолковского
E-mail: sofialessik@yandex.ru

Полищук Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка
КГУ им. К. Э. Циолковского
E-mail: polyshtat@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-136-145

Лингвистические заметки: кейс-стадис как вариант речевого воздействия религиозного текста

**О. С. Александрова, Т. Н. Федуленкова,
А. А. Савина, А. Д. Скотникова**
Владимир

Рецензия на монографию: **Религия как политические и политологические проекты (религиоведческий анализ): коллектив. моногр. / под ред. Е. И. Аринина. Владимир: Аркаим, 2019. 328 с. ISBN 978-5-93767-354-1.**

Теолингвистическое направление — это новое, развивающееся явление в современном отечественном языкознании, тем не менее «проблематика исследований в области взаимодействия языка и религии приобретает в последнее время методологическую основу и необходимую глубину» (Плисов 2019).

С другой стороны, спрос на кейс-стадис связан со сбором детальной информации, в частности, относительно конкретных социальных условий, послуживших возникновению конкретного явления, события; относительно отношений между явлениями и их индивидуальной спецификой, необходимой для управления, в том числе разработки технологий манипулирования.

Кейс-стадис — популярный эмпирический метод современных исследований в области гуманитарных наук, валидность (Кравченко, Подберезкин 2018), объективность и фальсифицируемость которого неоднозначны (Варганова 2006). Поэтому он может являться удобным способом речевого воздействия (Шелестюк 2014). Этот факт тем более актуален, что данный эмпирический метод может экстраполироваться на решение фундаментальных проблем, например, проблем трансформации религиозности, отношения власти и религии.

Единицей и объектом нашего анализа послужили тексты одной тематики (коллективная монография-проект, относящаяся к

философско-этическому дискурсу, главы и параграфы которой написаны разными авторами, использующими данный метод) (Аринин 2019). Наша оценка основана на отдельных элементах дискурсивного и речевого анализа (Чернявская 2009; Шелестюк 2009) и не претендует на исчерпывающую характеристику проекта.

Текст рецензируемой монографии принадлежит к аргументативно-суггестивному типу (Шелестюк 2014), где оценочность не менее важна, чем денотативная информация. Например, в нем ставятся вопросы правильного понимания норм светскости, свободы вероисповедания, осуждается «фанатичный обскурантизм»; ставится задача создания «нейтрального» языка обсуждения религиозных проблем и т. п.

К основным признакам данного типа научного дискурса относятся:

- специфические экзистенциальные и нравственные концепты (религия, толерантность, человеческие отношения (власть-идентичность), справедливость, атрибутом которых является ценностный характер;
- специфические прагматические цели (смена ракурса видения событий на общество — определение общества как совокупности функциональных коммуникативных систем), информирование в области религиозных знаний, изменение оценочных коннотаций объектов (например, оценка Христа как одного из проповедников); разрушение стереотипов, конструирование «новой реальности» («свобода и равенство индивидов основаны на том, что все ограничения и неравенства устанавливаются через коды и программы отдельных функциональных систем») (Аринин 2019: 214);
- форма коммуникации — трактат с элементами рассказа (Аринин 2019: 111—113);
- жанр — научная литература с тематическим признаком «управление коммуникацией».

Дискурсивный анализ текстов проекта, в том числе концепта «религия» в них, позволяет утверждать, что они образуют идеологическое и стилистическое единство в рамках совокупности традиций гностицизма, индивидуализма и антропоцентризма Нового времени (Лосев 1997), прагматизма, структурного функционализма и постмодернизма (Грецева 2008). В отношении данного конкретного

единства и традиций принципы всеобщей связи, единства исторического и логического оказываются посторонними.

Рассмотрим некоторые примеры. В текстах проекта в определении терминов используются функционально-структуралистский и системный подходы (в трактовке Н. Лумана), что выражают следующие лексические единицы: «политическое **конструирование** *religio*» (Аринин 2019: 9), ислам как «аутопойетическая система» (Аринин 2019: 97), «нация — социальный конструкт, воображаемое единство» (Аринин 2019: 215).

Мы также наблюдаем относительность субъективного и объективного, субъективизацию объективной реальности (фактическое отождествление её с отвлеченной идеей, с моделью) вследствие утверждения непознаваемости реальности (агностицизма), индетерминизма, и, как следствие, функционализма (Аринин 2019: 202). Имеет место релятивизм в отношении истины, отрицание объективности оппозиции свой — чужой и одновременно использование её в противопоставлении функционализма и «фундаментализма».

Очевидна опора на концепты толерантности (Аринин 2019: 6, 144, 323) и глобализации: «игнорирование фундаменталистскими и националистическими движениями <...> реальности **глобального** общества как функциональной системы систем, различных фокусов или дискурсов, описывающих и объясняющих реальность» (Аринин 2019: 219), «глобализация буддизма» (Аринин 2019: 298).

В текстах проекта присутствует имплицитная прагматическая установка и идея порождения религиозного сознания, смыслов концепта «религия» средой, рассматриваемой как те или иные «функциональные коммуникативные системы»: «Церковь начинает выступать как самовоспроизводящаяся социальная субсистема <...>, создающая <...> свои базовые основания в ответ на политические вызовы истории» (Аринин 2019: 79); «тем самым началось конструирование самих критериев нормативного понимания “религиозности”» (Аринин 2019: 87—88); «христианское сообщество с первых веков **маркировало** себя <...>, поскольку считалось, что в этнических терминах выражало себя “язычество” <...>, “деревенщина” <...>» (Аринин 2019: 91); «слово “православие” начинает “**маркировать** особую **религию** Российского **государства**”» и т. п.

Имеет место идея создания академического (нейтрального) языка межконфессионального диалога и одновременно идея религии как источника агрессии (Аринин 2019: 212, 214).

Функционалистский подход характеризует схематизм, отношение к миру (политики) как совокупности **функциональных** систем. В этом отношении не случайна метафора «экспорт власти в любые социальные контексты» (Аринин 2019: 219). Присутствует имплицитная идея религии как результата дискурсивных практик.

В данной книге утверждается плюрализм истин и абсолютизируется прагматистский и постмодернистский дискурсы: сведение концепта «религия» к одному из маргинальных для соответствующего русского архетипа значений (надзор за неизвестным); метод кейс-стадис по умолчанию принимается за абсолютный и достаточный способ исследования и обоснования (Аринин 2019: 98).

В процессе дискурсивного анализа выявлено, что тексты являются выражением определенной социальной практики и целенаправленной политики («функциональной глобализации» (Аринин 2019: 216), продвижения «чисто философской религии») и постольку — инструментом инсценирования этой практики в «современной глобальной политической реальности» (Аринин 2019: 94).

Речевой анализ текста позволил выявить использование конкретных типов, способов и методов речевого воздействия (далее — РВ) на адресанта. Из типов РВ использованы: информирование, рассказ, оценка. Из способов РВ использованы как прямое убеждение, так и имплицитная корректировка потребностей и мотивов, в том числе приемы внушения (использование абстрактных слов с расплывчатой семантикой, использование для номинации оценочной лексики с закрепившейся коннотацией), софизмы (неправомерное обобщение, ловушка «особого обстоятельства»; доказательство тезиса аргументами, которые сами по себе требуют доказательства, отсутствие логической связи между посылом и выводом, аргументация ложной причины, апелляция к авторитету).

Рассмотрим конкретные случаи. Смешиваются фреймы религии как абстрактного понятия, религии как социального института и религии как вероисповедания, что типично, например, для мышления эпохи Античности (Готт 1981: 126—139). Фрейм «Бог» сводится к

одному из своих слотов («неизвестное»), фрейм религии, веры — к «надзиранию за неизвестным» (Аринин 2019: 324). Прагматическая, утилитарная модальность слова «надзор» (наблюдение, присмотр, слежка) в сочетании с концептом «религия», который связан в русской культуре и этимологии с верой, вероисповеданием, вероучением (Франк 1990: 324), может иметь следствием изменение когнитивных коннотаций объекта и связанных с ним явлений, изменение смысловых диспозиций (отношения к явлениям), в том числе перестройку соответствующих категориальных структур сознания.

Как средство обеспечения читательских симпатий, установления раппорта можно рассматривать обобщения: «Уже мало кто придерживается...» (Аринин 2019: 11); «Стало общепризнано, что все люди религиозны» (Аринин 2019: 11).

Используются такие типы речевого воздействия, как призыв: «**Мы должны помнить** базовую установку Н. Лумана, что при применении насилия власть разрушается» (Аринин 2019: 217); «В современном обществе **необходимо учитывать** сложившуюся дифференцированную систему, где каждой проблемной областью занимается отдельная система. Это важное эволюционное достижение общества» и т. п. (Аринин 2019: 219).

Имеет место интеллектуальная оценка, связанная с изменением модальности, масштаба, ракурса и перспективы фрейма: «неграмотным египетским крестьянином» (об Антонии Великом) (Аринин 2019: 80); «проповедник из Назарета» (о Христе) (Аринин 2019: 205); сравним: «Н. Лумана, одного из крупнейших социальных философов» (Аринин 2019: 195). Метонимия «религия по природе агрессивна» является одновременно «ловушкой особого обстоятельства».

Используется создание иной ментальной карты ситуации посредством генерализации, абстрактных слов с расплывчатой и имплицитной семиотикой и номинации с неявным смыслом посредством иностранных слов типа: «глобальное общество **всеобщей инклюзии**» (Аринин 2019: 214); «**дискурс-дифференцированное** глобальное общество» получило иммунитет к конфликтам именно потому, что коллапс в одной сфере...» (Аринин 2019: 134); «религиозные **интенции**» присущи всем людям от природы (Аринин 2019: 323); «**универсализм традиции**

справедливости» (Аринин 2019: 214); «эксклюзия-инклюзия» (Аринин 2019: 213).

Встречается изменение оценочной характеристики концептов за счет изменения ракурса или замены слотов (Аринин 2019: 218): «важна также идея <...> власти, которая более не зависит от личностей», «нация как воображаемое единство» (Аринин 2019: 215); коннотация веры как источника дискриминации (Аринин 2019: 214). Обнаружено изменение ракурса события: «Растущая религиозная нетерпимость, поддерживаемая государством» (Аринин 2019: 180). Здесь возможен вариант с другой коннотацией, например: государственная защита католицизма от ереси, ведущей к расколу и угрожающей суверенитету государства.

К случаям одномерной оценки событий, ведущей к изменению их личностного смысла или негативной стереотипизации, относится, например, характеристика Реформации исключительно в терминах «терпимость — нетерпимость» (Аринин 2019: 144, 147, 167, 180); позиция «свои — чужие» как признак фундаментализма и «протестного типа общения» (Аринин 2019: 219); право на свободу вероисповедания исключительно как торжество веротерпимости (Аринин 2019: 167, 176).

Встречаются нестандартные логические цепочки: «в ответ на плюрализм и многообразие трактовок даже собственного вероисповедания <...> развиваются <...> фундаментализмы <...>» (Аринин 2019: 135), отсутствие понимания и разобщенность как условие минимума общения, что является «условием минимума конфликтов» (Аринин 2019: 134); «благодаря этому размежеванию ученых перестали сжигать на кострах, а верующих не исключают из социума как слабоумных» (Аринин 2019: 219).

Обнаружены тезисы, используемые как аргументы и одновременно сами по себе требующие доказательства (софизмы) (Аринин 2019: 131, 203, 218), в том числе: связь религиозности с агрессивностью (Аринин 2019: 131) ведет к тому, что «реальность больше не требует консенсуса» (Аринин 2019: 135); фундаментализмы как следствие «наличия проблем с самоидентификацией», где основной признак фундаментализмов — заявления типа «это мой мир», «я считаю правильным то-то»; «Когда те или иные авторы называют тот или иной феномен религией, то интуитивно они утверждают его сходство с теми явлениями

действительности, которые в латинской культуре впервые стали именовать словом *religio*» и т. п. Данные тезисы в контексте исследований Лосева, согласно которым разная культура, эпоха, вера — это разная мифология и онтология, требуют обоснования. Сравним последний тезис, например, со следующим описанием: «Римское язычество было чисто декоративным, формальным. Ни о какой настоящей вере ... и речи не было. Фактически у римлян был монотеизм, они поклонялись одному богу ..., мамоне» (Катасонов 2013: 492).

Подводя итоги нашим наблюдениям, констатируем, что анализ проекта позволил выявить конкретные прагматические и гносеологические основания речевого воздействия. По умолчанию принимается установка, что возможно существование академического, «нейтрального» языка обсуждения каких-либо проблем, и, как и структурно-функционалистская установка, что «коды коммуникативных систем безразличны к ситуациям и личностям» (Аринин 2019: 216), которые сами по себе не являются бесспорными. То, что алгоритмы коммуникации, как и разного рода когнитивные схемы, являются продуктом целеполагающей деятельности человека, чье миропонимание необходимо связано с той или иной системой ценностей, является психологическим фактом (Шелестюк 2011).

В проекте имеет место экстраполяция позитивистско-конвенционалистской концепции истины, эмпирического метода кейс, структурно-функционалистской концепции общества Н. Лумана на обоснование критериев отличия фундаментализма от нефундаментализма и решение таких фундаментальных вопросов, как отношение власти и религии, трансформация религиозности, синтез идей и концепций в религиоведении и политологии. Однако границы используемых абстракций, являющихся выражением конкретной, связанной с определенной системой ценностей мифологии и онтологии (логоса схемы и логоса фактов в формулировке Лосева [Лосев 2009], соответственно), в тексте остаются неопределенными.

Системное обоснование, которое используется в проекте, не является достаточным, что отмечается исследователями метода кейс. В этой связи можно рекомендовать дополнительные методы анализа данных, типа аналитической индукции и *grounded theory* (Варганова 2006).

Совершенно очевидно, что концепция Н. Лумана, основанная на постмодернистском структурно-функционалистском, натуралистическом варианте мифологии Нового времени и соответствующих архетипах, будет иметь существенные ограничения в оценке событий и явлений, относящихся к иным мифологиям и культурам. Рассмотренный кейс-проект, основанный на концепции Н. Лумана, не объясняет значимые факты русской истории, что свидетельствует о неоднозначности и не проясненном смысле базовых посылок, принимаемых *ad verecundiam* (из соображений полезности и блага, а не истинности).

Попытка найти основание диалога, общее через отказ от индивидуальных признаков понимания религии в той или иной мифологии, культуре несовместима с принципами единства общего и особенного, развития в многообразии. Общее — это не то, что остается после того, как мы уберем все различия. Научное понятие как общее есть принцип, метод, закон для всего индивидуального.

В соответствии с нормами современной научной рациональности и методологии проблематична сама идея, что ввиду существования множества исторических трактовок и экстралингвистических коннотаций религии, ввиду требований плюрализма академическое определение религии должно соответствовать сложившимся представлениям натуралистического рационализма, позитивизма и функционализма о толерантности.

Несмотря на дискуссионность отмеченных позиций, данная книга, несомненно, будет полезна в качестве исследования конкретных случаев отношений религии и власти, необходимого для разработки новой области знания — политологического религиоведения. В методологическом плане монография может послужить наглядным образцом применения метода кейс-стадис в области религиоведения и предметом дальнейших исследований его перспектив и ограничений, в том числе связанных с типом дискурса и речевым воздействием.

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (Проект № 19-011-31729) и может быть рекомендовано магистрантам и аспирантам по специальностям «Религиоведение» и «Лингвистика».

Список литературы / References

- Варганова Г. В.* Кейс-стадис как метод научного исследования // Библиосфера. 2006. № 7. С. 36—42.
- Готт В. С., Землянский Ф. М.* Диалектика развития понятийной формы мышления: Монография. М.: Высшая школа, 1981.
- Гревцева А. А.* Парадигмы постмодернистского стиля мышления // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 5 (61). С. 374—379.
- Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
- Кравченко С. А., Подберезкин А. И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник МГИМО-Ун-та. 2018. № 2 (59). С. 43—62.
- Лосев А. Ф.* Логика исчисления бесконечно-малых как отражение социальной действительности // Хаос и структура. М.: Мысль, 1997. С. 732—745.
- Лосев А. Ф.* Философия имени. М.: Академический Проект, 2009.
- Плисов Е. В.* Теолингвистическое направление в современном языкознании // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 48. 2019. С. 248—253.
- Религия как политические и политологические проекты (религиоведческий анализ): коллектив. моногр. / под ред. Е. И. Аринина. Владимир: Аркаим, 2019.
- Франк С. Л.* Философия и религия // На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 324—332.
- Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
- Шелестюк Е. В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 303 с.
- Шелестюк Е. В.* Смыслообразование на разных уровнях сознания [Электронный ресурс] // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Вып. 18. 2011. URL: <http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-137> (дата обращения 1.03.20).
- Шелестюк Е. В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.
- Шелестюк Е. В.* Этапы и закономерности смыслового восприятия текста [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-i-zakonomernosti-smyslovogo-vospriyatiya-teksta/viewer> (дата обращения: 26.02.2020).

Сведения об авторах

Александрова Ольга Степановна
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и религиоведения
Гуманитарного института ФГБОУ
«Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых»
E-mail: 007_aos@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Иностранные языки
профессиональной коммуникации»
Владимирского государственного университета
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64),
член-корреспондент РАЕ
E-mail: fedulenkova@list.ru

Савина Арина Алексеевна

соискатель кафедры «Иностранные языки
профессиональной коммуникации»
Владимирского государственного университета
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: savina@mail.ru

Скотникова Алиса Дмитриевна

соискатель кафедры «Иностранные языки
профессиональной коммуникации»
Владимирского государственного университета
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: al.skotnikova@mail.ru

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ЯЗЫКА — XI»

В апреле 2020 года в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова проводилась конференция, посвящённая социальным вариантам языка. Её особенностью было то, что она проходила в необычных условиях, — в режиме онлайн. С приветственным словом к участникам международного форума обратилась ректор НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, профессор, доктор филологических наук Ж. В. Никонова. Она отметила, что организаторы симпозиума — факультет английского языка и кафедра русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ — сделали всё возможное, чтобы донести основные идеи до участников и слушателей. Декан факультета А. Г. Калинина и заведующая кафедрой русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации С. Н. Аверкина также выступали с трибуны университета.

«Особенностью данной конференции, — подчеркнула ректор университета Ж. В. Никонова, — является активное участие в ней студентов и магистрантов факультета английского языка. И это — показатель того, что обучающиеся тянутся к науке, к лингвистике».

На конференции в заочном режиме работали три секции: «Социолекты как объекты изучения», «Язык — концептосфера — социум», «Коммуникация в различных социальных сферах: функциональный и когнитивный аспекты».

На пленарном заседании прозвучали такие доклады, как «Стокгольмский синдром, или привыкание к криминальной субкультуре» профессора Нижегородского лингвистического университета М. А. Грачева, в котором он поделился своей тревогой по поводу влияния арготизмов, татуировок и блатных песен, а также криминальной субкультуры в целом на законопослушное сообщество, и проанализировал варианты нейтрализации арготических слов в общенародном языке. В то же время, по мнению исследователя, в идеологии преступников ожидаются большие изменения в связи с

усилением борьбы с ворами в законе. Социальный аспект языка был отмечен и в выступлении заведующей кафедрой русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ, профессора С. Н. Аверкиной на тему «Брехтовский пласт в телеспектакле Ларса фон Триера “Догвиль”».

С интересным сообщением «Социальные варианты языка в аспекте лингвистической диагностики» выступила доктор филологических наук, профессор Института русского языка им. А. С. Пушкина С. В. Ионова. Она подробно рассказала о том, что языковые данные помогут осуществить диагностику различных социальных групп населения, определить психологические и физиологические особенности человека, что крайне важно в настоящее время для оперативных и судебно-правовых решений.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Т. Б. Радбиль в докладе «Процессы в современной интернет-коммуникации в контексте культурной апроприации заимствований» указал на характер заимствованных слов и отношение к ним русскоязычного населения.

С заботой о своём родном языке выступили представители других государств, например, Милена Нашпалич (Республика Сербия) рассказала о положении сербского языка в странах бывшей СФРЮ; Е. С. Рябой и М. А. Грачев (Республика Молдова — Нижний Новгород) — о лингвистической ситуации в Республике Молдова; С.Н. Христова (Благовград, Болгария) обратилась к такой теме, как «Речевой этикет аристократии XIX века в аспекте социолингвистики (русские и английские параллели)».

По итогам проведения международной конференции «Социальные варианты языка — XI» принята резолюция. В документе отмечено, что:

– членами IX конференции «Социальные варианты языка» стали учёные с докладами о различных социальных вариантах языка, молодёжной субкультуре, городских жаргонах, основных ошибках иностранцев при овладении русским языком, рекламе, лингвистических особенностях СМИ;

– в форуме приняли участие молодые исследователи — бакалавры, магистранты и аспиранты как НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, так и других высших учебных заведений;

– в программе конференции были заявлены многочисленные доклады по преподаванию русского языка как иностранного, что отражает и профиль лингвистического университета, и усилившуюся тенденцию к преподаванию среди иностранцев (а также среди русскоязычных студентов и магистрантов) данной дисциплины;

– особенностью симпозиума является также и оригинальная тематика, посвящённая проблемам функционирования не только русского, но и молдавского, болгарского и сербского языков;

– важно продолжать практику проведения международных конференций «Социальные варианты языка»;

– необходимо расширить тематику подобных симпозиумов за счёт прикладного характера исследований: судебно-правовых, лингвистических аспектов криминальной субкультуры, изучения русского языка как иностранного;

– следует обратить внимание на социально-политический статус функционирования русского языка в странах СНГ и в целом в мировом сообществе;

– исследование реалий иностранных языков в связи с изменяющейся политической обстановкой также может представлять научный интерес и стать предметом обсуждения в рамках конференции «Социальные варианты языка»;

– необходимо укреплять связи с другими научными центрами, занимающимися подобными исследованиями.

М. А. Грачёв, А. Г. Калинина

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 2 (50)

Редакторы: Н.С. Чистякова
Ю.А. Белякова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 30.06.2020

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 9,3

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ 9354

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а